

ПРАВОСЛАВИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы научно-практической конференции в рамках научно-культурного форума «Православие и современность. К 700-летию преп. Сергия Радонежского» Грузия, Тбилиси, 2-6 декабря 2014 г.

Настоящее издание представляет собой сборник докладов, представленных участниками научно-культурного форума «Православие и современность. К 700-летию преп. Сергия Радонежского» на конференции, состоявшейся в рамках форума.

Единство православия, актуальная деятельность РПЦ, церковные взаимоотношения России и Грузии, образ Сергия Радонежского в русской литературе, православные святые в католическом мире – докладчики задаются этими и многими другими вопросами, одинаково интересными и значимыми как для специалистов, так и для широкого круга любителей литературы, философии, истории религии.

Николай Свентицкий

СИЛА ВЕРЫ

Иногда кажется, что сбылось-таки древнее восточное проклятие – «Чтоб тебе жить в эпоху перемен!» И поневоле приходят на ум горькие слова классика: «Я оглянулся окрест меня. Душа моя страданиями человечества уязвлена стала»...

У каждого из нас бывают минуты ада в душе. Но мы заставляли ад и вокруг нас.

К несчастью, мы были очевидцами такого противостояния между Россией и Грузией, которого никогда не бывало и которое, мне кажется, не свойственно природе наших народов. «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, ты один мне поддержка и опора...» Где она, поддержка? В чем опора?

Я по-прежнему совершенно уверен, что нас может спасти только вера и культура.

В 2012 году Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» при поддержке Фонда «Русский мир» организовал и провел научно-культурный форум «Дни Ильи Чавчавадзе в Санкт-Петербурге. К 175-летию со дня рождения», участниками которого стали более тридцати выдающихся представителей науки и культуры из Тбилиси, Санкт-Петербурга и Москвы. В те ноябрьские дни в Санкт-Петербурге Россию и Грузию объединил Илья Чавчавадзе - личность, которая в Грузии окружена поистине всенародной любовью и благоговейным почитанием, человек, которого, как очень немногих великих, называют просто по имени – Илья.

В 2014 году, опять-таки с помощью «Русского мира», на форуме «Православие и современность. К 700-летию Сергия Радонежского» нас объединил великий образ преподобного.

По словам современника, Сергей «тихими и кроткими словами» мог действовать на самые холодные и ожесточенные сердца. Как известно, очень часто он примирял враждующих между собой людей – будь то князья или самые простые верующие. Такую силу убеждения невозможно навязать, его можно только заслужить - самоотверженным служением, исполненным добра, любви и бесстрашия.

Кому, как не ему - одному из самых почитаемых и известных в мире православных русских святых, – удастся сотворить чудо окончательного примирения православных стран и народов, соседствующих и связанных между собой более десяти веков?

Именно поэтому, организуя форум, мы хотели вспомнить его как подвижника и миротворца, поговорить о мире, взаимоуважении и взаимопонимании. А еще – всерьез задуматься о грандиозной силе христианской веры, которая была, есть и будет наша самая надежная опора и поддержка «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах родины...»

Ирина Багратион-Мухранели

ЕДИНСТВО ПРАВОСЛАВИЯ. НА ПУТИ К ДИАЛОГУ

Сегодня мир меняется стремительно, и церковь не может существовать изолированно. Диалог необходим как между церквями, между конфессиями, так и с секулярным миром. Вести его не просто. Парадокс состоит в том, что для верующего человека, существует одна вера, одна истина. И я не собираюсь подвергать сомнению этот постулат.

Но если мы исходим из того, что христианство вобрало в себя все многообразие мира, стоит задуматься о том, как сегодня в православии представлены национальные варианты религиозного сознания. Я имею в виду не языковое отличие, чрезвычайно важное, поскольку религиозное сознание всегда интимно национально. Я хотела бы коснуться форм сегодняшней религиозной практики, которые отличаются друг от друга при единстве догматическом, богословском, литургическом единстве, которое существует между русской, грузинской, украинской церквями. При всем единстве они – равноправно-разные. И это несомненное достоинство, потому что в диалоге, знакомясь с Чужим, порой бывает легче понять Свое.

Над этим вопросом размышляет философия XX века. И проблема Другого имеет выходы из чистой теории в этнологию, литературоведение, постколониальные исследования, религиозную практику и многое другое.

Ежедневно мы имеем дело с «Другими» субъектами, которые отличаются от «нас» своей идентичностью и способами репрезентации. Вопрос, как преодолеть противостояние «Я» и «Другого», является предметом рассмотрения ученых разных гуманитарных областей знания. О. Аронсон, например, критикует современную полемику об этничности, поскольку она проходит в плоскости идентичности, и предлагает перевести рассмотрение с «образа

другого» на «отношение - с - другим» (1), предложенное французским философом Э. Левинасом.

Американский православный философ Дж.П. Мануссакис в книге «Бог после метафизики», рассматривая Взгляд Другого, дает прочтение этой проблемы в богословско-философском аспекте. Он считает, что некоторые ценные наблюдения, помогающие переосмыслить роль субъективности в моем опыте Другого, можно почерпнуть в обсуждении Жаном-Полем Сартром типичного примера интерсубъективных отношений. «Читая Сартров феноменологический анализ взгляда, мы видим, как он переворачивает фундаментальный принцип видения. «Поскольку всякий взгляд взаимен», пишет Сартр, «когда я вижу Другого, всегда есть возможность, что Другой видит меня. Наблюдая Другого как человека, проходящего мимо моей скамейки в парке, или, скажем, нищего на углу, я вижу его/ее как объект. Другой становится действительно Другим лишь в тот решающий момент, когда Другой видит меня. Когда я перестаю смотреть на Другого, позволяя ему/ ей видеть меня (в чуде обмена взаимными взглядами), Другой перестает быть вещью среди других вещей и возвращает себе свой статус «субъекта» в отношении и в общении со мною (в свою очередь, Я, утрачивая свою центральную позицию, предстает уязвимым в своем отношении с Другим). Итак, когда то, что я не вижу, ставится выше того, что я вижу, тогда Другой получает позволение явиться (см. Пятое Картезианское размышление Гуссерля).

Взгляд Другого удивляет нас. Он внезапно заставляет нас осознать себя: «Впервые я существую как я для своего нерелексивного сознания. Как раз это мое вторжение чаще всего описывали: я вижу себя, поскольку некто видит меня». Во взгляде Другого нам не только даруется Другой: самым парадоксальным образом, этот взгляд являет наше собственное существо». (2)

Вопрос же национальной идентичности, особенно остро актуализовавшийся в современной общемировой ситуации постколониализма, волнует многих исследователей.

Я бы хотела сегодня представить некоторые размышления, которые возникли в моем опыте и контактах с представителями разных православных церквей.

Имена современных богословов и философов в течении последних 16 лет звучат в Украине, под Киевом, в селе Лышня, где проходят Летние Богословские Школы.

История этих школ такова. В 1999 году Киевская духовная Академия, Киево-Могилянская Академия, ББИ св. Апостола Андрея, ПСТБУ и Московская Патриархия решили устроить летнюю Богословскую школу. Необходимость знакомить взрослых постсоветских граждан на всем пространстве бывшего СССР была очень велика. Опыт таких школ уже был в Беларуси, по инициативе Митрополита Филарета Минского, в Москве, и дело дошло до Украины. Приехавшие богословы и культурологи читали лекции, отвечали на вопросы и т. д. Проходило это все на территории Киево-Печерской Лавры. На будущий год (а школа предполагает регулярные встречи) выяснилось, что в Лавре должны проходить конференции, связанные с тысячелетием Крещения Руси, и возможности принять на 2 недели профессоров и слушателей - не будет. Тогда один из слушателей Летней школы, молодой священник отец Филарет Егоров, предложил провести у себя в приходе, в селе Лышня, предупредив, что условия будут спартанскими. Дело в том, что на просьбу прихода выделить им место для строительства нового храма, поскольку старый (в честь Св. Параскевы

Сербской) был тесным и маленьким, местная администрация ответила издевкой – предложила взять долгострой, длинный полуразрушенный фундамент неизвестно чего, где собирались местные бомжи и пьяницы. Приход согласился, и постепенно настелили полы, вставили окна, начали возводить домовую церковь. Здание назвали Ковчегом. Сегодня в нем два храма, комнаты для преподавателей и студентов, библиотека, зал для занятий детей, Детская православная Академия и летом удалось установить купол.

Лекции в КЛБИ читают католики, англикане, православные. Слушатели, прежде чем попасть в Лышню, пишут сочинение на предложенную тему, чтоб у организаторов была возможность выбрать наиболее заинтересованных и достойных.

Деятельно участвуют во всем этом издательство «Дух и Литера» и Киево-Могилянская Академия. Слушатели активно обсуждают услышанное, среди них представители разных республик и христианских церквей. И одна из постоянных тем, которая была задана стоявшим у истока Летней школы Сергеем Сергеевичем Аверинцевым – поиски диалога, пути развития секулярной культуры. (Сохранились любительские кинокадры, где Сергей Сергеевич алтарничает в церкви Св. Параскевы Сербской в селе Лышня). Напомню, что впервые собрание сочинений Аверинцева, уникальную авторскую православную энциклопедию «София Логос», начали печатать именно в Киеве в издательстве «Дух и Литера».

О роли этого издательства следует сказать особо. Центр Св. Климента в Киеве, издательство «Дух и Литера» при поддержке благотворительных христианских фондов RENOVABIS, CNEWA и Понтификального совета по содействию единству христиан, печатает серию книг, посвященных Общению и диалогу культур.

В Киеве вышли книги выдающегося американского богослова Ярослава Пеликана «Оправдание традиции».

Сборник «В поисках единства христиан», куда вошли статьи Вальтера Каспера, Иоанна Зазиуласса, Кьяры Любич, Энцо Бьянки. С декретом «Unitatis redintegratio» («Возобновление единства»). Помехи на пути единства. Обретение Церквями консенсуса.

Парижский протопресвитер Борис Бобринский напечатал здесь свою книгу. «Сострадание отчее». Среди изданий киевских богословов - Анри де Любак. Размышления о церкви; Вальтер Каспер. Таинство единства: Евхаристия и церковь; Пауль Тиллих. Мужество быть. Пер. О. Седаковой. Эта книга выдающегося протестантского богослова направлена против монолога Гамлета «Быть или не быть». «Быть» для Тиллиха – это отвага и мужество быть христианином в современном мире. Перевод Ольги Александровны Седаковой этой книги – одно из замечательных событий нашей культуры последних лет, за которое мы должны быть благодарны Украинской православной церкви, которая регулярно печатает книги на русском, если эти книги важны для всего православия.

Зримым символом этого единства для меня стало село Лышня под Киевом, в районе, где родился Св. Дмитрий Ростовский, автор собрания житий Святых - «Четьи Минеи». В Лышне соединились две линии, два потока православия: движение сверху – богословская наука, просветительство, и - движение приходское, снизу. Потому что всех объединяет исключительная фигура отца Филарета – молитвенника, подвижника. Те, кто хоть раз побывал в Лышне и причастился у него в храме, начинают себя считать его прихожанами,

столь велики узы любви, не риторического, казенного, а реального, братского единства православия.

Сюда приезжают многие инославные, в первую очередь католики, в поисках возможности развивать идеи Второго Ватиканского Собора, советовавшего обернуться на Восток посмотреть, что можно заимствовать в православии. Тесные связи установились у Киевской православной церкви Московского патриархата с общиной Бозе в Маньяно (между Миланом и Туринном).

Энцо Бьянки, известный христианский подвижник, автор многих книг, настоятель монашеской общины в Бозе, не разделяет христианскую духовность на восточную и западную, но представляет обе традиции как единый поток жизни во Христе и Духе, как неисчерпаемую сокровищницу единой церковной Полноты.

История самого Энцо выглядит сегодня апокрифом. Молодой студент, после II Ватиканского Собора, на котором была принят декрет «Возобновление единства» вместе с другом и приятельницей решили отправиться в горы недалеко от Милана, чтоб возобновить службу в заброшенной церкви. Со временем к ним присоединились друзья-единомышленники. Начинала складываться монашеская община. Главным своим делом Энцо и те, кто был рядом с ним, считали молитву. Поскольку изначально с ними была девушка, а один из примкнувших был протестантом, потом присоединилось несколько православных, рождающийся монастырь решили делать смешанным и экуменическим. Живут братья и сестры, естественно, отдельно, сходятся лишь во время службы, трудничества или на дискуссиях, на которые съезжаются многие молодые итальянцы. Сегодня выступления Энцо и братьев и сестер из монастыря Бозе знают по всей Италии, и не только.

Деятельность монастыря вырастает из реальных интересов братьев и сестер. Замечательная женщина, преподававшая в университете Бергамо русскую литературу, узнав о неподдельном интересе братьев к православию и русской культуре, предложила устраивать научные конгрессы. Это была профессор Нина Михайловна Каухчишвили, которая вскоре привлекла к ним Дмитрия Сергеевича Лихачева и его ближайшего соратника, замечательного медиевиста Гелиана Михайловича Прохорова. Пушкинский Дом, Университет Бергамо, затем Московская Патриархия регулярно стали принимать участие в Международных конгрессах Бозе. Если только перечислить темы конференций, уже по одному этому можно оценить масштаб происходящего. За 25 лет состоялись конференции по Сергию Радонежскому, Паисию Величковскому, Нилу Сорскому, Андрею Рублеву, Серафиму Саровскому, Новомученикам Русской православной церкви. В какой-то период конференции строились так – три дня русское православие, три дня – греческое. Принимают участие ученые-богословы, представители различных церквей, болгары, сербы, румыны, англикане. Затем конгрессы стали тематическими. В этом году тема была «Блаженны миротворцы», обсуждались вопросы из истории церкви и из современности.

Отцу Энцо было доверено привезти Икону Казанской Божьей Матери в дар России от Ватикана.

Ученый секретарь Общины Адальберто Майнарди недавно выпустил книгу как итог своих богословских размышлений. Называется она «Встреча с братом. Христианское предание между Западом и Востоком». И он рассматривает двух святых в главе «Человек

Божий» в средневековой литературе: святой Франциск Ассизский и преподобный Сергей Радонежский. Он сравнивает типы поведения, заданные святыми - следование по следам Христа у Франциска и «зрак раба» - послушливость, простота и смирение Сергия, этого «земного ангела и небесного человека», как именуют его в Стихире службы святому.

В итальянской католической церкви сегодня необыкновенно интересно развиваются Движения. В 1968 году, после студенческих волнений в Париже, в Католическом Университете Святого Сердца в Милане, студенты засвистывали и прогоняли одного священника за другим, не позволяя им читать лекции. Третьим или четвертым отважным лектором был падре Джуссани. Войдя в аудиторию, полную революционно и атеистически настроенной молодежи, он сказал: «Я прошу Вас 10 минут меня послушать. После этого я уйду, если мы не найдем общий язык». Его не только не отпустили тогда из аудитории, но из этой встречи родилось одно из интереснейших католических Движений «Communione Liberazione» - Свободное общение, или Свободное Обсуждение. Это движение, в котором сегодня участвуют тысячи молодых (и не только молодых) итальянцев, желающих сделать приходскую жизнь более живой, разнообразной, содержательной. Здесь и широчайшая социальная благотворительность, и просветительство, и доброжелательное общение в рамках вырабатываемых новых форм.

В 2014 году я имела честь побывать на Выставке, которую устраивает Движение. Она проходит каждый год, в конце августа в Римини. Выставки тематические. «Судьба человека и окраины мира» - таков был девиз этого года. Причем здесь были представлены Лев Толстой и Шарль Пегги, Ван Гог и Майдан, Эфиопская живопись и коптские общины. А главное, на этой выставке работали волонтерами сотни молодых людей. Тысячи людей приходили послушать экскурсоводов, задать интересующие их вопросы и пообщаться без посредников, без ложного пафоса и официоза. И все это объединялось на основе религиозного братства, христианской любви, христианского искусства, идей, которые предложил Джуссани в качестве основания для новой христианской антропологии.

Попытки сближения идут постоянно.

10 ноября в Высшей школе Экономики прошел семинар «Церковное первенство на Западе и Востоке», посвященный идее первенства в церкви. Эта проблема рассматривалась с разных точек зрения. И православные, и католические богословы высказывались о церковном первенстве как основании церковного единства и причина церковного разделения, о взаимосвязи между первенством и соборностью, учении о первенстве и развитии «апостольского» и «имперского» дискурсов в церковной традиции, вселенском первенстве и автокефалии, «универсализме» и «национализме» в истории церкви. О. Георгий Ореханов (проректор ПСТБУ), Поль Маттеи (Университет Лион II), Андрей Виноградов (НИУ «ВШЭ», Москва), свещ. Стефано Альберти (Католический университет Святого Сердца, Милан), П. Кузенков (МГУ, Москва), свещ. Франческо Браски (Библиотека Амброзиана, Милан), О. Воскобойников (НИУ «ВШЭ»), диакон С. Заплатников (ПСТБУ), Г. Захаров (ПСТБУ) говорили о том, что приходит пора перестать объяснять друг другу, кто будет первым – Папа или Патриарх. На фоне вызовов современного мира, в частности, исламской агрессии, гораздо важнее найти общие точки христианства в католичестве и православии.

Поиски диалога – насущная необходимость нашего мира.

И это не благое пожелание на будущее, а результат практики. В подтверждение этого я хочу рассказать об одном случае, который произошел в 1989 году в Тбилиси.

Грузинские художники и поэты-модернисты (в рамках интернациональной дружбы, под которую в советское время выделяли деньги) решили пригласить белорусских модернистов. После нескольких дней братания и обильных застолий одного из участников спросили – а ты крещеный? Он ответил – нет пока. Оказалось, что остальные модернисты тоже были советскими язычниками. - А вы хотите креститься? В ответ раздалось дружное «да!». И каково же было наше удивление, - рассказывает один из участников, - когда на следующее утро хозяева явились торжественные, в белых рубашках, и повели нас в храм.

Это стало столь важным и сильным событием, что вернувшись в Белоруссию, новокрещенный в грузинской церкви христианин пошел к митрополиту Филарету с предложением что-нибудь сделать для церкви, например, начать печатать Библию. Мудрый митрополит Филарет сказал, что Библию много кто печатает, а вот работы митрополита Антония Сурожского у нас пока не известны. Это был Дмитрий Строцев. Он стал одним из основателей фонда митрополита Антония Сурожского и продолжает издания трудов этого выдающегося деятеля церкви до сих пор. Кроме того Дмитрий Строцев, вспоминая об этом случае, замечательно описал свое крещение в эссе «Кавказ Радости». Он остается другом Грузии, регулярно бывает в Никози у епископа Исаяи. Стихи он пишет по-русски. В прошлом году (с участием Елены Фроловой, Мананы Менабде и моим) прошел вечер «Мы в Грузии, как в черной вазе», озаглавленный строчкой из его стихотворения. А стихи он пишет разные, и тема Грузии в них представлена часто. Это гневные, ироничные, но исполненные понимания стихи, понимания христианского. Я бы хотела вспомнить небольшое стихотворение, которое он написал в 2008 году. «Военный турист»:

я
 провинциал
 не бывал за границей
 а тут предложили
 место в танке
 не удержался

побывали
 поубивали
 цхвинвали гори поти

какие горы
 какое море
 какое горе

а это уже на всю жизнь
 впечатлени
 я (3)

Путь понимания через искусство – самый верный.

Сегодня, когда рухнула коммунистическая идеология, когда перестроечные годы получили эпитет «лихие», а «нулевые» рассматриваются исключительно с критической точки зрения, единственным нескомпрометированным, объединяющим началом может выступать фактор религиозный. У нас начинает появляться современное религиозное искусство – я имею в виду не только иконопись, но и литературу. Художественную, написанную не для воскресных школ, а настоящую. «Православный патерик» Майи Кучерской, где с юмором, продолжающим традиции Лескова, описывается сегодняшняя приходская и церковная жизнь. Роман «Лавр» Евгения Водолазкина, получивший приз «Большая книга», сборник Тимура Кибирова «Греко- и римско-кафолические песенки и потешки». «Несвятые святые» о Тихона Шевкунова, стихи и проза Олеси Николаевой. Все жанры, в которых выступает Ольга Седакова. Особенно хочется отметить ее филологический труд - словарь церковнославянского языка, перевод на русский и комментарий. В прошлом году ее, вместе с Константином Сиговым, философом, директором издательства «Дух и Литера», и Александром Филоненко, философом из Харькова, сделали академиками библиотеки Амброзиана в Милане.

Это лишь малая толика того, что сегодня есть в православии. Я не касалась деятельности Свято-Тихоновского Университета, в котором работаю. Замечу, что секция Картвелологии в рамках Международной Ежегодной Богословской Конференции, существует восьмой год. И приезжают к нам из Грузии митрополит Ахалкалакский и Кумурдойский Николай (Пачуашвили), архиепископ Цагерский и Лентехский Стефан (Калаиджишвили), Митрополит Горийский и Атенский Андрей (Гвазава), Митрополит Сенакский и Чхороцкусский Шио (Муджири), Заза Давидович Абашидзе. Раньше приезжал Валериан Ильич Силогва.

В музее Рублева, созданном Давидом Арсенишвили, второй раз прошла конференция его памяти «Россия-Грузия. Диалог культур».

Уже пять раз собиралась регулярная Международная конференция «Грузия-Россия. Проблемы империи и Единство православного мира». Организаторы ее – ПСТБУ, институт Св. Апостола Андрея, ИСАА при МГУ и, сначала посольство Грузии, теперь – «Союз грузин России».

Так что нам есть что представить в диалоге.

Цитируемая литература:

1. Аронсон А. Анархическая этничность // Синий диван. 2005. № 6. С.50-51.
2. Мануссакис Джон Пантелеймон. Бог после метафизики. Теологическая эстетика. Киев: Дух і Літера, 2014, С.52-53
3. Дмитрий Строцев. Газета. М., Новое литературное обозрение, 2012, С.25.

Борис Бартфельд

ЮБИЛЕЙ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО: ОТРАЖЕНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ – ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Мне представляется, что тема данного форума - «Православие и современность», время его проведения и место проведения – Грузия (Церковь которой является одной из древнейших православных Церквей) являются чрезвычайно актуальными. Довольно необычным шагом организаторов является и мое приглашение к участию в этом научном и культурном форуме. Обычно участниками таких мероприятий являются церковные иерархи и священники, религиозные философы, воцерковленные деятели культуры и науки. Я же представляю ту часть гражданского общества и русской литературы, которая не является религиозной. Более того, я являюсь последователем группы ФИАНовских физиков, возглавляемых Нобелевским лауреатом, академиком Виталием Гинзбургом. Здесь я не использую термин «атеизм», так как считаю, что в предыдущий период этот термин был дискредитирован во многом нашими неразумными и неуважительными действиями в отношении Церкви, практически слившись с «богоборчеством» и воинствующим атеизмом. Мне представляется, что любой человек, для которого родными являются русский язык и русская культура, уже в силу этого органично включен в историческое и современное Православие. Это, безусловно, связано с тем, что русская литература и культура формировались в теснейшей связи с Православием. Судя по тому, что я видел в эти дни в Грузии, это еще в большой степени касается теснейшей связи грузинской культуры и Грузинской Православной Церкви, иерархи и священники которой произвели на меня очень сильное и светлое впечатление.

Сейчас наступил такой момент, когда нерелигиозная часть российского гражданского общества может очень много сделать в тесном сотрудничестве с Русской Православной Церковью (РПЦ) в самых различных сферах деятельности. Этот вывод не является тривиальным, и вряд ли он мог быть сделан еще пять лет назад в силу взаимной нетерпимости, что, к сожалению, весьма характерно для российского общества. В этом смысле юбилей одного из самых почитаемых РПЦ святых преподобного Сергия Радонежского представлял широкое и благодарное поле для сотрудничества.

В ходе подготовки доклада я анализировал информационную среду в Калининградской области, связанную с юбилеем преподобного Сергия Радонежского. Ниже я привожу отдельные информационные сообщения самого разного масштаба и направленности, поводами для которых стали юбилейные события, и надеюсь, что это даст представление о юбилейном годе в Калининградской области.

Одним из важнейших событий юбилейного года стало решение о строительстве храма в честь преподобного Сергия Радонежского на площади главного железнодорожного вокзала Калининграда. Вот как это решение подавалось в информационном пространстве в период с 22 по 25 октября 2014 года:

«Комитет архитектуры и строительства администрации Калининграда выдал разрешение на строительство храма в честь Сергия Радонежского. Соответствующая информация размещена на сайте городской администрации.»

Площадь земельного участка, на котором возведут одноэтажный каменный храм – 6300 квадратных метров. Срок действия разрешения на строительство до 2019 года. Как пояснил представитель калининградской епархии РПЦ:

«В настоящее время территория будущего строительства огорожена, там ведутся инженерно-изыскательские работы. Активная фаза строительства, скорее всего, начнется уже в следующем году. Сейчас на площади Калинина стоит деревянный крестильный храм Кирилла и Марии Радонежских – родителей преподобного Сергия Радонежского.»

Напомним, в 2011 году деревянный храм на территории у Южного вокзала был признан самовольным строением, и прокуратура требовала его демонтировать. Спустя месяц епархия получила разрешение.

Информация о выдаче разрешения на строительство храма нашла широкое отражение в различных средствах массовой информации и интернетовском пространстве и в этот раз (в отличие от 2011 года) была встречена обществом благожелательно, - во многом благодаря мероприятиям, связанным с юбилеем Преподобного.

В информационном потоке, связанном с юбилеем, были и совсем бытовые, но тем не менее ценные проявления:

- Почта России предлагает рисунок на ткани артикул VIA4034 Св. пр. Сергей Радонежский в Калининграде. Цена: 200 руб. Доставим вам товар в Калининград почтой России.

- Большой рекламный щит с изображением преподобного Сергия Радонежского и информацией о юбилее появился на площади Победы. Теперь образ преподобного Сергия встречает всех проезжающих и гуляющих, в стилистике рекламных компаний ведущих мировых торговых брендов.

- Появилась реклама услуг в интернете с использованием имени преподобного Сергия: Сергей Радонежский / rgise.ru

- Торжества по случаю юбилея святого Сергия Радонежского начались в субботу, 3 мая, в калининградском центральном парке культуры и отдыха. В празднике принял участие заместитель председателя областного правительства Алексей Силанов. Открывая праздничный концерт, он огласил текст приветствия губернатора Калининградской области жителям и гостям региона. Участники церемонии открытия, в числе которых представители городской власти, духовенства - подчеркнули, что деяния преподобного Сергия Радонежского, направленные на сохранение культурных и нравственных ценностей, укрепление духовного единства российского народа, не утратили свою актуальность и сегодня, в современной России.

Праздник к юбилею Сергия Радонежского был организован не только в парке. В центре Калининграда, в пешеходной зоне от площади Победы до ул. Подполковника Иванникова, начала работать международная православная выставка-ярмарка. На выставке можно увидеть изделия декоративно-прикладного искусства, купить монастырскую продукцию.

- 07.05.2014 широко сообщалось, что 700-летие Сергия Радонежского отметят перезвоном колоколов от Командорских островов до Калининграда.

- Активно и плодотворно работает сайт прихода храма Сергия Радонежского.

Сообщается, что в Калининград 12 августа прибыла чудотворная икона Сергия Радонежского с частицей его мощей. Икона находится в области в рамках празднования 700-летия со дня рождения великого Святого из Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Мощи будут в Калининграде до 19 августа. В это время любой желающий сможет помолиться у иконы. Любопытно как СМИ подает информацию о данном событии: «Отметим, что Сергей Радонежский защищает от любых жизненных проблем. Святого просят защитить детей от дурного влияния, от неудач в учебе. Молитвы перед иконой Святого, который сам был образцом смирения, помогают в обретении смирения и укрощении гордыни – и своей, и чьей-либо».

Жители области широко информировались о том, что 18 июля 2014 года в 10:00 в Калининградской области в поселке Рыбачий на Куршской косе пройдут торжественные мероприятия, посвященные 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского. Торжества по этому случаю начались у Дома культуры с Божественной литургии и праздничного молебна, которые возглавил епископ Балтийский Серафим, а затем гостей праздника ждали угощение и культурная программа, включающая в себя театрализованную постановку о житии преподобного Сергия, выступление оркестра русских народных инструментов и творческих коллективов области. Гость праздника - Белорусский государственный ансамбль «Песняры».

- Все областные СМИ сообщали, что в Калининграде 8 октября прошел концерт в честь 700-летия Сергия Радонежского. Вместе с викарием Калининградской епархии, епископом Балтийским Серафимом заместитель председателя регионального правительства Алексей Силанов осмотрел тематическую фотовыставку «Образ» и посетил концерт в честь 700-летия святого.

- Собравшимся показали фильм о проходивших в течение года в России и Калининградской области юбилейных мероприятиях. По случаю 700-летия святого Сергия Радонежского в муниципальных образованиях, учреждениях культуры, школах, высших учебных заведениях провели многочисленные выставки, компьютерные презентации. Торжественные и просветительские мероприятия охватили все категории населения. В завершение праздничного вечера состоялся концерт областного оркестра русских народных инструментов.

Недостаточное информационное освещение получило крупнейшее научное событие, посвященное 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского, в Балтийском Федеральном Университете (БФУ) им. И. Канта, прошедшее с 1 по 4 октября 2014 г. БФУ совместно с Министерством образования Калининградской области, Министерством культуры Калининградской области, Калининградской Епархией Русской Православной Церкви, Центром развития Межличностных Коммуникаций в г. Калининграде организовали международную научно-практическую конференцию «Духовные доминанты в русской словесности, истории, искусстве: к 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского». Перед началом конференции в Храме Святого Благоверного великого князя

Александра Невского г. Калининграда, расположенного рядом с университетом был совершен молебен. Среди участников научной конференции признанные специалисты в области русской словесности и исследований отечественной культуры: Хоружий Сергей (Москва); Лепяхин Валерий (Сегед, Венгрия); Мороз Василий (Москва); Дергачева Ирина (Москва); Гильманов Владимир (Калининград).

В программе конференции:

Актуальные доклады известных ученых и богословов:

- *Хоружий С.С.* (Москва). Преподобный Сергей и русская Фиваида.
- *Лепяхин В.В.* (Сегед, Венгрия). Житийные иконы преподобного Сергия.
- *Мороз В.Г.* (Москва). Преподобный Сергей и судьбы Российской государственности.
- *Протоиерей Сергей Коротких* (Калининград). Онтология и стратегия образования: к вопросу о базовых ценностях.
- *Дергачева И.В.* (Москва). Эсхатологическая концепция русского Средневековья и западноевропейские параллели.
- *Гильманов В.Х.* (Калининград). «Сергий и Спасение» в контексте эсхатологии.
- *Дорофеева Л.Г.* (Калининград). *Человек смиренный* в древнерусских житиях.

Представление о высоком научном уровне конференции можно составить из тем круглых столов и открытых лекций, прошедших в различных научных и учебных заведениях Калининграда.

- Круглый стол: Философия, экология и космическая литургия.
- Круглый стол: Иконопись и гимнография. Руководитель участник нашего форума профессор В. Лепяхин.
- Круглый стол: Этика исихазма в ее личной и социальной формациях.
- Круглый стол: Актуальные вопросы духовно-нравственного образования в школах России.
- Открытая лекция профессора С.С. Хоружего в актовом зале Кафедрального собора Христа Спасителя: «Духовная практика как антропологическая парадигма: универсальные и традиционные структуры».
- Лекция профессора А.Н. Ужанкова в Балтийском военно-морском институте им. Феодора Ушакова «Два выбора - две истории (Даниил Галицкий и Александр Невский)».
- Семинар в Кафедральном Соборе Христа Спасителя «Икона в храме: проблемы современной иконографии и организации храмового пространства».
- Презентация книги А.Н. Ужанкова, удостоенной Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» за 2014 г.: «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского.

Я надеюсь, что из сказанного выше можно представить объём и направленность юбилейных мероприятий в Калининградской области и каким образом они отражались в информационном пространстве.

Готовясь к поездке на Тбилисский форум, я провел небольшое социологическое исследование, задав следующие вопросы жителям Калининграда и области:

- Современны ли православие? Как это Вы видите в сопоставлении с другими конфессиями?
- Должно ли православие стать современным и может ли меняться? В каком направлении?
- Что нерелигиозная часть общества вправе ждать и ожидает от РПЦ?

- Привлек ли Ваше внимание юбилей преподобного Сергия Радонежского?
- Чувствуете Вы присутствие имени преподобного Сергия Радонежского в Калининградской области?

Это исследование, безусловно, не является презентативным, но все-таки дает возможность узнать значительно различающиеся точки зрения жителей области. Приведу некоторые из ответов, которые в определенной степени отражают весь спектр мнений.

Современно ли православие? Как это Вы видите в сопоставлении с другими конфессиями?

- Мне кажется, православие как мировоззрение, в принципе, вне категорий современности и несовременности. Но какие-то элементы этого мировоззрения могут уже и не согласовываться с духом времени и требовать переосмысления. Православие как православная община - другое дело. В ней, мне кажется, есть, с одной стороны, стремление сохранить традиции, с другой, приспособиться к последним изменениям в обществе. Активная молодежь в составе православной общины стремится использовать все современные технологии для проповеди идей православия. В то же время почему-то у многих православие ассоциируется с чем-то несовременным. Какая-то реакционность в оценке общества все же чувствуется.

- Вопрос «Современно ли православие?» не может иметь однозначного ответа и нуждается в некоем «дроблении». Прежде всего, что надо понимать под современностью или НЕ современностью любой религии, а не только православия. Если иметь в виду, что внешняя сторона православия (литургика, таинства etc.) решительно отличается от осовремененных обрядов (иначе назвать это не могу) в некоторых американских храмах с пением пастора под рок-музыку, конечно, православие «очень не современно». Если же брать в расчет глубинное ВЕЧНОЕ, в том числе, и моральные принципы, то современно, как и любая классика. Католицизм и протестантизм пытаются «следовать моде», например, в г. Советске несколько лет назад на месте разрушенного католического храма воздвигли новый – в почти авангардных формах, хотя первоначально шла речь о восстановлении храма в прежнем облики.

- Ответ содержится в вопросе: то православие, которое знаем, современно, в нем отразился дух времени. То православие, которое было при Сергии, иное. Конечно, это относится к обрядовой стороне и житейской. Дух же вне времени. Что касается догматов, они образуют опорный каркас всей конструкции церкви и изменены быть не могут. Другое дело, что воздержанием и горячей молитвою можно достигать откровения и углубления понимания буквы. Буква должна быть, догматы должны быть, должны быть устав и предписание. Но необходимо и внутреннее освещение.

- Стоит, пожалуй, сказать о некоторой неповоротливости наших батюшек, о некоторой ущербности и недостаточной привлекательности церковной жизни, как монастырской, так и приходской. Часто примитивна она, убога до невозможности. В этом видится упущение. Но там, где подходят неформально и мыслить умеют, туда и люди тянутся. Это так ведь и в любом деле.

- Понятие Церкви не подлежит временной оценке, поскольку укоренено в вечности. Можно сказать, что деятельность высшей церковной иерархии более чем современна в части

обслуживания интересов государства. Современная церковная жизнь внутренне противоречива, поскольку сохраняет в себе в значительной степени элементы уклада древней Церкви, непонятное большинству современных прихожан (в первую очередь, служба на церковно-славянском языке и т.д.) и незаметно для себя впитала способ мысли Нового времени (в проповедь вошли научные аргументы, сам характер восприятия многих религиозных тем верующими стал секуляризированным). Для широкого общественного восприятия характерен заметный антиклерикализм, порожденный в первую очередь иосифлянским уклоном действий высшей церковной иерархии, а также наличие в нем широко разлитых предубеждений, суеверий и предрассудков о православии и религиозности. Очевидно РПЦ несовременна в части социальной доктрины православной церкви. Начавшаяся работа по выработке такой социальной доктрины по инициативе мирян, остро ощутивших разрыв Церкви и культуры еще в начале XIX века и далее до XX (Хомяков, Леонтьев, Соловьев, Бердяев, Франк, Карсавин, Эрн, Лосский и др.) сегодня почти сведена на «нет». Принятая социальная концепция РПЦ носит декоративный и декларативный характер, лоскутна и противоречива.

- Глубинные идеи какой бы то ни было религии трудно оценивать по критерию современности. Ценности, составляющие основу любой живой конфессии, по умолчанию рассматриваются как вечные, непреходящие.

- Для православного человека навсегда современно православие, для буддиста – буддизм, для мусульманина – ислам. Лично для меня заповеди из Нагорной проповеди более чем актуальны. **Должно ли православие стать более современным и может ли меняться? В каком направлении?**

- Мне кажется, что православие осязимо меняется. И я вижу, что оно обращается к реальным социальным делам, к воспитанию молодежи, к помощи, к сохранению и приумножению культурных традиций, к диалогу с наукой и т.д.

- Меняться, конечно, надо. Но опять-таки что понимать под изменением. Мне кажется, что менять надо не устоявшиеся веками формы, а тех, кто православие несет в мир. Речь о священниках. Священники должны уметь лучше говорить, убеждать. Судя по различным документальным фильмам по ТВ, в «материковой» России такие священники есть. Мне в нашей Калининградской области такие, увы, не встречались.

- В самой формулировке вопроса защита предвзятая точка зрения на православие как на давно устаревшее явление. Проблема не в изменении или осовременивании как самоцели. Проблема в отсутствии широкого квалифицированного диалога об отношениях Церкви и общества, Церкви и секулярной культуры, Церкви и науки.

Что не религиозная часть общества вправе ждать и ожидает от РПЦ?

- Как правило, ожидается социальная помощь. Помощь бедным: правовая, гуманитарная, психологическая. И нерелигиозная часть общества абсолютно вправе этого ожидать, ведь если церковь призывает к таким действиям свою паству, она сама, как организация, обладая определенными возможностями, должна организовывать, направлять эти действия, выступать как некий "эффективный менеджер" в конце концов.

- Нерелигиозной части общества от РПЦ (как и от любой другой церкви) ничего ждать не надо. А вот самой церкви не худо бы предпринимать определенные шаги навстречу, даже

когда их не ждут. Благотворительность, лишь одна из сторон такой деятельности. Совершенно недопустимым считаю, когда РПЦ использует для своих нужд прежние храмы – католические и протестантские. Свои строить надо. С нуля. Правда, нынешнее законодательство в этом вопросе ставит определенные препоны.

- Не религиозная часть общества должна искать свои пути. Эти пути не должны быть путями разрушения. Наука и искусство дадут возможность, не входя в противоречия с основами религий, подойти к пониманию тех же вопросов бытия. Надо попробовать не искать противоречий тем и другим, но искать согласования. В этом видится не только мирное, но и продуктивное сосуществование верующих и неверующих. Не верующий не обязательно не принимающий. Верующий же - не может быть не терпим.

- В этом и ответ на вопрос: чего ждать от РПЦ? Как и ранее – подвига самопожертвования. Чему Сергей живой пример.

- Настоящей проповеди христианства, ответственного диалога о человеке и обществе. В части социально доктрины и социальной активности мы находимся в огромном отрыве от католицизма и протестантских деноминаций (лютеранства и, особенно, - кальвинизма).

Привлек ли Ваше внимание юбилей преподобного Сергия Радонежского? Что нового открыл вам этот юбилей? Чувствуете ли Вы присутствие имени преподобного Сергия Радонежского в Калининградской области?

- К сожалению, эти события прошли мимо меня. Смутно припоминаются научные конференции, проводимые совместно БФУ и РПЦ, и все.

- Юбилей Сергия Радонежского, даже если он не отмечался бы столь широко, все равно не ушел бы от моего внимания. Мои ученики в художественной школе сделали несколько работ на эту тему. Но, увы, я с трудом ощущаю присутствие в Калининградской области не только имени преподобного, но и вообще духа православия. Это, наверное, самая космополитическая область, в этом ее особенность, ну и пусть будет так.

- Нет, не чувствую. И события юбилея не привлекли моего внимания - при всем уважении к истории и культуре прошлого - могу только пожалеть об этом.

- Россия движима Сергием. Он здесь, с нами всегда, до скончания века.

- Юбилей привлек внимание некоторыми неловкими попытками научного мира конъюнктурно соединить науку и религию. Да, разумеется, имя преподобного Сергия всегда со мной.

- Честно говоря, только сейчас узнала про этот юбилей. Хотя присутствие имени преподобного Сергия в Калининградской области чувствую постоянно. При приходе преподобного Сергия Радонежского в Калининграде создан молодежный центр, и я общаюсь с его участниками. В прошлую Пасху я читала свои стихотворения на празднике в этом объединении. После праздника мне подарили небольшой образок Сергия Радонежского, теперь он у меня перед глазами каждое утро.

- Я широко информирован о праздновании юбилея не только в Калининградской области, но в России и за ее рубежами. Хочу отметить, что Юбилей преподобного Сергия Радонежского широко освещался СМИ. Другое дело, что проводимые мероприятия порой носили формально-показной, коммерческий, а то и откровенно развлекательный характер. Но это скорее отражает дух переживаемого времени, нежели чей-то нарочитый умысел. Отрадно

то, что имя объединителя земель русских живёт не только в церковных анналах, но и в памяти народной. И пока живёт, есть надежда, что смуты пройдут и народы объединятся. Хотелось бы, конечно, чтобы подвиг жизни преподобного был оценён по достоинству, но, очевидно, время этому ещё не пришло. А ведь сам собой, своею жизнью указывает нам отче Сергей на непремennую совместимость подвига духовного и социального. Только в этой совместимости сила и спасение русских. В этом и сила примера Сергея Радонежского. Духовная же высота неизмерима.

Из моего краткого сообщения видно, что далеко не все возможности, которые представлял юбилейный год, были использованы в полную меру. Есть огромное пространство для совместной дружной работы всего общества на благо Отчизны. Думаю, что это относится и к России, и к любимой всеми нами Грузии.

Инна Безирганова

«НЕСВЯТЫЕ СВЯТЫЕ» И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ. ОПЫТ ПРАВОСЛАВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Участник научно-культурного форума «Православие и современность», писатель Борис Нухимович Бартфельд в своем выступлении во время одной из дискуссий говорил о том, что православные священнослужители должны сами идти в общество, активнее искать ответы на животрепещущие вопросы и вызовы сегодняшнего дня и помогать пастве ориентироваться в сложных процессах, которые происходят в окружающей реальности, в мире.

Несомненно, одним из таких путей сближения церкви с народом является православная литература.

Термин «православная литература» появился сравнительно недавно. Некогда приобрести православные книги было не только трудно, но даже рискованно, но, к счастью, это осталось в прошлом. К тому же, раньше выбор ограничивался трудами небольшого числа авторов. В настоящее же время количество православной литературы увеличивается, что говорит о повышении интереса к православной вере и культуре. Правда, среди таких книг встречаются и откровенные подделки. Впрочем, как и в любой другой сфере жизни, когда правит бал культ золотого тельца.

Об огромном значении православной литературы в наше время говорит судьба одной замечательной книги. Это «Несвятые святые» и другие рассказы», автор которой – архимандрит Тихон (Шевкунов). Эта своего рода «энциклопедия русской православной жизни», да простят меня за вольное сравнение, стала самой продаваемой, как пишут, книгой со времен Советского Союза. Меньше чем за год «Несвятые святые» были переизданы шесть раз, тираж ее превысил уже 1 миллион 100 тысяч экземпляров, она переведена на многие языки. Все средства от продаж книги отец Тихон передает на строительство нового храма в Сретенском монастыре. Архимандрит Тихон представил свою книгу в английском переводе в библиотеке Конгресса США в Вашингтоне. По результатам голосования в конкурсе

«Книжная премия Рунета-2012» книга отца Тихона с большим отрывом победила в двух номинациях, обойдя произведения наиболее популярных российских и зарубежных современных авторов. В 2012 году книга стала победителем в одной из номинаций национальной литературной премии «Большая книга». В том же году сборник «Несвятые святые» также получил премию «Книга года» в номинации «Проза года». Сам этот факт говорит об острой потребности в православном слове, в православной литературе и культуре. Но, разумеется, не только об этом, но и художественных достоинствах по-своему уникальной книги отца Тихона.

«Слава Богу, что в наше время есть такие подвижники Божии, которые простым, понятным языком рассказывают о вере, жизни монахов, представших перед читателями «несвятými» – простыми людьми, избравшими путь к Богу, переживавших такие понятные каждому человеку житейские трудности, но с Божьей помощью они обретали опыт, силу преодолеть их, а стало быть, становились мудрее... Язык книги непринужденно доходчив, увлекателен, прост и понятен читателю – отдельные слова благодарности отцу Тихону за иронию, легкий юмор, самоиронию... Как будто ты не читаешь книгу, а стоишь рядом и слушаешь интересную историю, и уходить совсем не хочется... Книгу прочитала на одном дыхании, несколько раз перечитала, подарила друзьям, купила подарочное издание. Спаси Вас Господи, дорогой батюшка! Не зарывайте Богом данный Вам талант, ведь Ваших книг – душевных, спасительных, помогающих взглянуть на монастырскую жизнь и монахов по-иному, прийти к вере, спасению, любви к Творцу и ближним так ждут многие Ваши почитатели. Храни Вас Бог! Многая лета! Сил Вам!!! С любовью Р.Б.Фотиния» (официальный сайт книги архимандрита Тихона. www.ot-stories.ru/comments.htm).

И таких писем сотни.

Мне в руки книга попала, скорее всего, неслучайно. Потому что ничего случайного в жизни, как известно, не бывает. Тем более, когда речь идет о такой книге. В моей жизни произошла огромная потеря, и московская подруга неожиданно прислала мне сборник «Несвятые святые», ставший к этому времени бестселлером, что мне тогда было неизвестно. И мне он помог пережить горе... Разумеется, я далеко не единственная, кто ощутил на себе целебную силу книги отца Тихона.

В одном из интервью он рассказал: «Книга как-то зажила своей жизнью, а я могу лишь со стороны за этим с интересом наблюдать. Совсем недавно меня просто поразила история, которую рассказал иеромонах Матфей (Самохин). К нему на исповедь впервые пришла женщина, у которой сложились такие отчаянные, трагические обстоятельства, что накануне ночью она решила покончить жизнь самоубийством. Приготовила таблетки, медлила, собиралась с духом, в последний момент ее взгляд случайно упал на кем-то подаренную книгу. Женщина взяла ее в руки, стала проглядывать страницы и не смогла оторваться от чтения. К утру у нее возникла твердая решимость пойти в храм» (Яковлева Е. Российская газета. Несвятые святые-2. www.rg.ru/2012/11/26/svyaty.html).

В самом первом рассказе – кстати, автор относит свое произведение к мемуарной литературе – он повествует о том, как пришел к вере сам. Причем в этой безыскусной исповеди нет ничего показного, нарочитого, нравоучающего, рассчитанного на эффект. Отец Тихон отмечает, что и сам поначалу был жертвой стереотипов, будучи уверен в том, что «в

монастырь в наше время идут либо фанатики, либо безнадежно несостоявшиеся в жизни люди. Да! – и еще жертвы неразделенной любви». (Здесь и далее цит. по книге «Несвятые святые» и другие рассказы». М., Издательство Сретенского монастыря. 2011).

Автор книги объясняет причину ухода в монастырь другими, глубинными причинами: люди «бежали из ставшего бессмысленным мира – искать вдруг открывшегося нам Бога, почти так же, как мальчишки убегали юнгами на корабли и устремлялись в далекое плавание. Только зов Бога был несравненно сильнее. Преодолеть его мы не могли».

Своими рассказами о приобщении к вере самых разных людей отец Тихон развенчивает представление о том, что в монастырь приходят либо фанатики, либо неудачники. Его «бегство» произошло уже в зрелые годы, в период, который был для автора внешне вполне благополучным. Георгий Александрович Шевкунов, будущий архимандрит Тихон, был студентом престижного московского вуза – ВГИКа. Обычным студентом, который даже не знал, был ли он крещен в детстве. Впечатляет то, как просто, откровенно и беспарочно священнослужитель рассказывает о своем воцерковлении и дальнейших шагах на пути к Богу. О преодолении на этом пути естественных человеческих слабостей, страхов и непонимания происходящего. За десять дней пребывания в Псково-Печерском монастыре (рассказ «Десять дней. Первые послушания») молодой послушник прошел через большие испытания. «Я никогда в жизни не чистил канализацию, не колол дров, не убирал за коровами, не подметал булыжные мостовые. Так что впечатлений к окончанию моего десятидневного пребывания в монастыре сложилось множество. Раздражения и усталости тоже. Вся эта «экзотика» сидела у меня в печенках» - так описывает автор свое подавленное душевное, эмоциональное состояние в первые дни приобщения к церкви. Но так «закалялась сталь» – и ранние подъемы, нескончаемые службы, суть которых до поры до времени была совершенно непонятна Георгию Шевкунову, стали проверкой на стойкость духа.

Так начинается сборник – с примера собственной судьбы, собственного опыта – совсем не героического, не особенного, а, в общем, самого обычного. И это сразу располагает читателя, вызывает его доверие, желание читать еще и еще. Тем более, что с каждой страницей становится все интереснее и интереснее.

Больше место в книге занимает галерея портретов «несвятых святых» – людей, посвятивших себя монастырскому служению. И тут автор несколько не лакирует реальность, показывает своих героев такими, какие они есть, – со своими человеческими слабостями и недостатками. Но при этом мы постигаем главное: это особые люди, избранники Божьи. У каждого из них необыкновенная судьба. А главное – писатель отец Тихон (Шевкунов) всем сердцем любит тех, о ком пишет. И это отношение сквозит в каждом слове рассказов.

Открывает серию портретов отец Иоанн (Крестьянкин) – человек, определивший судьбу архимандрита Тихона, ставший одним из главных открытий его жизни, образцом христианина, монаха и священника. На его примере автор размышляет о феномене старчества. По мнению отца Тихона, «советчиков от человеческого опыта на свете немало. Но люди, появившиеся перед отцом Иоанном, как правило, в самые трагические, переломные моменты своей судьбы, хотели услышать от него не о том, как им поступить мудро, а о том, как им поступать единственно правильно. Собственно говоря, этим – познанием воли Божией – старец и отличается от всех остальных людей. Даже от

православных мудрецов, интеллектуалов-богословов, даже от самых замечательных опытных священников».

Писателю удалось создать удивительный портрет старца, ставшего духовным лидером православных россиян. «Вот духовное свидетельство – воспоминания старого москвича, Адриана Александровича Егорова. Он пишет: «Большую часть пути я прошел совместно с покойным Патриархом Пименом. Однажды я спросил его относительно духовника. И он мне сказал, что духовник, пожалуй, у нас один на всю Россию – это отец Иоанн».

В связи с этим вспоминается отношение к старчеству Федора Михайловича Достоевского, а также его старец Зосима из «Братьев Карамазовых». Великий писатель говорил о старчестве как об огромной силе, которую получает человек, отдавая полностью, целиком свою волю другому, отказываясь от своей воли и жизни. «Насколько прав в этом определении сердцеведец Достоевский, судить не нам; мы только можем быть безгранично благодарны ему за то, что он ввел в русскую литературу свое понятие о русском иноке и дал ей – а с нею и всему миру – образ старца Зосимы. Устами старца Зосимы он сказал многие вещие слова – как о будущем русской интеллигенции, так и о служении русского народа всему человечеству», - пишет монахиня Игнатия (Петровская) в своем труде «Старчество на Руси. Основы старчества». (Монахиня Игнатия (Петровская). Старчество на Руси. Основы старчества. www.pravmir.ru/starchestvo-na-rusi-osnov).

По мнению отца Тихона, старчество – отнюдь не уходящая, но, напротив, приходящая вновь натура. В одном из интервью он отмечал: «Старчество как феномен – путешествует по миру. Когда-то оно было в заволжских пустынях, потом в Брянских лесах, в Оптиной пустыни, в Даниловом монастыре, в Псково-Печерском... Потом где-то еще объявится. Когда, какими людьми – мы сами не знаем. Но старчество – это вот такой удивительный странник в Русской Церкви. Есть настоящие старцы и сегодня». (Коновалов В. Как монах написал бестселлер. Крестовский мост. Православная газета. www.krest-most.ru/?c=article&id=227).

Герой еще одного чудесного рассказа – архимандрит Серафим, самый загадочный человек в Псково-Печерском монастыре, живущий в приспособленной под жилище сырой и темной пещере. Он считал монашество «жемчужиной, удивительной драгоценностью в нашем мире» и осознавал, что прошло время больших монастырей и что «жертвенного самоотречения и решимости на монашеский подвиг в нас все меньше».

В лице казначея Псково-Печерского монастыря «вредного отца Нафанаила» – тоже очень живой, обаятельный образ мудрого старца, отнюдь не лишенного житейских недостатков, – писатель вновь представляет необычного, яркого человека, обладающего, говоря современным языком, харизмой. «В те атеистические годы советские работники, приезжавшие в монастырь, ожидали увидеть кого угодно: мракобесов, хитрецов-хапуг, темных недочеловеков, но только не тех, кого они встречали на самом деле, – своеобразно, но очень интересно образованных умниц, необычайно смелых и внутренне свободных людей, знающих что-то такое, о чем гости даже не догадывались. Уже через несколько минут экскурсантам становилось ясно, что таких людей они не встречали за всю свою жизнь».

Таким человеком был и иеромонах отец Рафаил, которому автор посвятил сразу несколько рассказов. С обывательской точки зрения это был бездельник, который даже проповеди не умел как следует составить, зато имел одну слабость – автомобили. «Но, по-видимому, у отца Рафаила была какая-то особая договоренность с Господом Богом. Поскольку все, с кем он пил чай, становились православными христианами. Все без исключения! От ярого безбожника или успевшего полностью разочароваться в церковной жизни интеллигента до отпетого уголовника. Не знаю ни одного человека, кто, познакомившись с отцом Рафаилом, после этого самым решительным образом не возродился бы к духовной жизни».

Хочется отметить, что в сборнике «Несвятые святые» автор раскрывается как внутренне свободный человек, прогрессивно мыслящий священнослужитель. И эту свободу духа дала ему истинная вера. Именно поэтому отцу Тихону удалось представить монашество, церковь под иным углом, свободным от догм и стереотипов, приблизить к каждому из нас, читателей, православие. Без фэнтези и тому подобных изысков. Это, в первую очередь, и оценили читатели.

«Потрясающая книга. Читая ее, я и смеялась, и плакала, переживая целую гамму разнообразных чувств. Неизвестный и таинственный мир монашества приоткрылся с неожиданной стороны. Да и сами монахи не оказались угрюмыми, недовольными мирской жизнью людьми. Зачитывалась до часу ночи, и очень не хотелось, чтобы книга заканчивалась. Ждем продолжения, отец Тихон!» (Официальный сайт книги архимандрита Тихона. www.ot-stories.ru/comments.htm).

Рассказы охватывают значительный временной пласт – от периода гражданской войны до сегодняшних дней. Самые удивительные страницы книги посвящены судьбе Дивеевского монастыря, основанного преподобным Серафимом Саровским и в советские времена ставшего символом разорения Русской Церкви. Это захватывающее дух повествование о том, что Дивеевская обитель не погибла, что она «живет своей непостижимой для мира сокровенной жизнью». История монахинь Дивеевского монастыря, сохранивших веру в эпоху безверия, устоявших в самые суровые времена. В рассказах «Об одной святой обители» и «О самой прекрасной службе в моей жизни» отец Тихон рассказывает о невероятной силе духа, подвиге людей, на протяжении многих лет подвергавшихся гонениям и черпавших мужество в Иисусе Христе.

Во время службы в захудалой избенке на окраине Дивеева в 80-е годы прошлого века автор увидел «Церковь, всегда побеждающую и несломленную, юную и радующуюся о своем Боге – Промыслителе и Спасителе... И еще: на самой прекрасной и незабываемой церковной службе в моей жизни я побывал не где-нибудь в великолепном кафедральном соборе, не в прославленном седой древностью храме, а в райцентре Дивеево, в покосившемся домишке №17 по улице Лесной. Точнее, это был даже не дом, а старая банька, приспособленная под жилье».

Самые волнующие строки писатель посвятил старухам-монахиням, певшим почти всю службу наизусть. «Так же они служили и в лагерях, в ссылках и после заключения, возвратившись сюда, в Дивеево, и обосновавшись в убогих лачугах на краю города. Все было для них привычно, а я действительно не понимал, на небе нахожусь или на земле. Эти

старухи-монахини несли в себе такую духовную силу, такую молитву, такие мужество, кротость, доброту и любовь, такую веру, что именно тогда, на этой службе, я понял, что они одолеют все. И безбожную власть со всей ее мощью, и неверие мира, и самую смерть, которой они совершенно не боятся».

Приведу слова Феофана Затворника, который еще до революции говорил, «что приходит время, когда рассеяны будут монастыри, и монахи, живущие среди людей, будут не замечены, не узнаны, но во всех отношениях будут нести на себе печать монашества, монашеский подвиг отречения и нераздельной любви к Богу». (Митрополит Сурожский Антоний (Юлюм) Ступени: Монашество и современность. Православие.ru. www.pravoslavie.by/.../monashestvo-i-sovr.).

Несколько рассказов отец Тихон посвятил одной из старух-монахинь – матушке Фросе. Причем один рассказ ведется от лица самой монахини – это «Подлинный рассказ матушки Фроси, записанный мною на магнитофон и тщательно перепечатанный лишь с самыми небольшими исправлениями» (такое вот длинное название). Свою героиню отец Тихон называет не иначе, как «великой монахиней».

Каждый из героев книги «Несвятые святые» – пример несгибаемого духа. Многие страницы книги посвящены противостоянию церкви и тоталитарного государства. Причем нередко они написаны с большим юмором – например, рассказ «Отец Аввакум и псковский уполномоченный», в котором в очень живой форме повествуется о том, как сторож, усердный отец Аввакум, заставлял всех посетителей монастыря читать Символ веры – в противном случае, просто не открывал им ворота. Одной из жертв упертого старика стал однажды высокий чиновник...

Из книги мы узнаем, как мужественно проявляли себя служители церкви в период «семидесятилетнего плена» (так называла период советской власти монахиня Фрося), как порой умудрялись дурачить, обводить вокруг пальца представителей власти. Впрочем, мужество от священнослужителей, монашества требуется и сегодня, когда церковь перестала быть гонимой. В рассказе «О нарушении церковного Устава, или о том, как мы с князем Зурабом Чавчавадзе нарушали Великий пост» автор рассказывает, как вместе с Зурабом Чавчавадзе отвозил в послевоенную Чечню гуманитарную помощь для страждущей православной общины. Это происходило в 1998 году и было связано с большим риском для жизни. Но миссия была выполнена. Как писал М. Горький, в жизни всегда есть место подвигу.

В заключение вновь обращаюсь к откликам на сборник отца Тихона: «Книга – открытие. В мир Православной веры, монастырской жизни, в мир святости, духовной жизни автора, судеб тех людей, о которых повествует отец Тихон. Книга – проповедь о великой любви Господа к каждому из нас, Его попечении о любом человеке. Книга учит понять, увидеть, прочувствовать эту Любовь. Книга является учебником по азам православного мировоззрения, поведения, церковной и светской жизни, христианской и гражданской этики. Особо хочу поблагодарить за литературный стиль, язык автора, добрый юмор, самоиронию. Дарю эту книгу своим друзьям, родственникам как душевный подарок. Но сделала вывод, что трогает душу не всех. Для меня это как лакмусовая бумага – где свои, а где чужие». (Официальный сайт книги архимандрита Тихона. www.ot-stories.ru/comments.htm).

Александр Вычужанин

**УЧАСТИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ПРОЕКТАХ (ДО 1917 ГОДА)
И АКТУАЛЬНОСТЬ ЭТОГО ОПЫТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

*Все в мире – сами по себе,
И свой шесток – всего дороже,
А мы в неустойной борьбе
Хотим все время быть похожи.*

Мизгулин Дмитрий.

IV тетрадь стихов.

Воздастся каждому сполна.

(«Возрождение Гобольска». 2014. с. 22)

Эти стихотворные строчки современного поэта-банкира Дмитрия Мизгулина невольно вспоминаются, когда размышляешь о не востребованности успешного отечественного опыта развития кредитной кооперации в дореволюционной России. В Европе темпы развития кооперации в Российской империи называли «русским чудом».

Исследователь А.Д. Билимович отмечал: «Если Пугачевский бунт и массовые поджоги, убийства и разрушения во время революции 1905 г. и особенно революции 1917 г. обнаружили инстинкты разрушительного порядка, то русское кооперативное движение и его необычайный рост в последнее десятилетие перед 1917 г. показали, на какую высоту мирной созидательной работы может подыматься народный дух и какие творческие силы таятся в народах России. Это движение дало нам примеры исключительной предприимчивости, практической сметки и редкой способности народа к свободной хозяйственной жизни, начиная с устроения своих маленьких низовых кооперативов и кончая созданием мощных центральных финансовых, торговых и производственных кооперативных организаций». (Билимович А.Д. Кооперация России до, во время и после большевиков. – М.: Наука, 2005. с. 73 – 74).

В предисловии В.А. Чугунов приводит впечатляющие данные: «По самым скромным подсчетам, к моменту захвата власти большевиками свыше 50 тыс. разного рода кооперативных товариществ объединяли от 10 до 20 млн. членов. России принадлежало мировое первенство по числу кооперативных организаций, а по объему товарооборота и числу участников она была среди лидирующих стран.

Для того, чтобы это произошло за жизнь одного поколения, русским народом при активном участии интеллигенции была совершена громадная организационная работа. Было положено основание эволюционному подъему хозяйственного и культурного уровней русской деревни, где кооперация охватила почти половину крестьянских хозяйств. Крестьянство само начало свободно участвовать в этом процессе, и проникновение этой самодеятельности в деревенскую среду стало подлинным освобождением крестьянства от

вековой угнетенности и опеки «сверху», проявлением им плодотворного хозяйственного и культурного творчества». (Билимович А.Д. Указ. соч. с. 8 – 9).

Выдающуюся (и совершенно забытую) роль в развитии кредитной кооперации в дореволюционной России сыграла Русская православная церковь.

Известно, по крайней мере, три социально значимых экономических проекта, в которых в начале XX века принимали участие представители Русской православной церкви: организация сберегательного дела, страхование посредством сберегательных касс и участие в развитии кредитной кооперации. Общим для всех этих проектов является то, что все они были направлены на улучшение народного благосостояния.

Во всех этих проектах представители церкви зарекомендовали себя как люди, в массе своей кровно заинтересованные в улучшении качества жизни народа.

Освещение опыта участия священнослужителей в решении социально значимых задач представляет интерес не только как дань исторической справедливости, но и как пример успешных проектов нашего прошлого. С этой точки зрения тема представляется и практически значимой. Речь не идет о том, чтобы слепо скопировать опыт прошлого в наше настоящее. В силу изменившихся реалий это невозможно. Более важным представляется понять, как был запущен механизм привлечения к решению задач государственной важности тысяч энтузиастов, как удалось преодолеть недоверие крестьянской среды ко всему, что предлагала государственная бюрократическая машина и в результате развить инициативу крестьян до уровня высокой самоорганизации?!

Конкретное участие русской православной церкви в таких значимых для повышения народного благосостояния проектах, как развитие сберегательного дела, страхование и уже названная кредитная кооперация не получили освещения в литературе по экономической истории страны. Между тем любая из перечисленных тем заслуживает того, чтобы с ней познакомились не только специалисты, но и все, кому интересна история церкви.

Историография по любой из выше перечисленных тем практически отсутствует.

По участию представителей церкви в организации страхования обнаружить каких-либо исследовательских материалов не удалось.

В незначительной степени участие представителей церкви в развитии сберегательного дела в России нашло отражение в трудах В. В. Морозана, (Морозан В.В. История сберегательных касс в императорской России. СПб., 2007), С.Л. Фирсова (Фирсов С.Л. Церковь в Империи. – СПб.: Сатисъ. Держава, 2007).

Если же заглянуть в глубину веков, то выясняется, что уже в XVI в. церковь имела интересный опыт оказания материальной помощи прихожанам, испытывающим нужду, посредством доступного кредита. Все церковные доходы и пожертвования в пользу церкви мир (в данном случае члены церковного прихода) считал одним из видов мирского имущества и называл церковную казну «всемирской коробкой». «Всемирская коробка» заключала в себе не только церковную казну, но и грамоты, купчие, порядные, кабалы (заемные письма) и другие общинные документы. Эта «всемирская коробка» всегда хранилась при церкви. «Мир» обязывал церковного старосту, в частности, блюсти церковную казну, помогать хлебом и деньгами неимущим, взыскивать самому по прошествии года розданные в долги деньги, «не приваливая» к следующим старостам, преемникам своим, и

давать отчет во всем миру «на своей правде, перед Спасовым образом». (Русский труд. 1898. № 32. Церковные вопросы. с. 11).

Считая своею собственностью церковную казну, мир выдавал ссуды из нее как частным лицам, так и целым обществам деньгами, хлебом, сеном и т.д. По выражению Папкова и Богословского, церковные кассы служили для крестьян кредитными учреждениями, народными банками. (Богословский. Земское самоуправление. 1912. Т. II, стр. 39; Папков Богословский Вестник, 1897, февраль, стр. 274).

Поскольку церковные деньги выдавались часто под залог, то храмы служили не только банками, но вместе с тем и волостными ломбардами. В церковной казне могли храниться жемчуг, серьги, пуговицы, кафтаны, рубахи, словом, всё то, что могло быть относительно ликвидным залогом в условиях сельской местности. (Богословский. Земское самоуправление. Т. II, стр. 39; Мышцын В. О православном приходе, как юридическом лице // Юридические записки, издаваемые юридическим лицеем. 1913. Вып. II. Ярославль. 1913. с. 91-92).

Тот же автор пишет, что «из представленной характеристики древнерусского прихода, о восстановлении которого у нас так много мечтают, легко видеть, что на древнем Севере церковная и гражданская община в значительной степени сливалась. Границы прихода совпадали с границами земских областных делений. Волостной сход был тождествен с собранием прихожан. Мир непосредственно заведывал церковными делами. Организация богослужения и церковное хозяйство являлись предметами земского самоуправления. В свою очередь церковь обслуживала земские нужды. Церковная трапеза служила местом волостных сходов, заседаний волостного суда, а церковная касса – крестьянским банком и ломбардом. В церковном старосте нередко соединялось попечение о церковном имуществе с обязанностями земской власти». (Там же. с. 95).

В XVII в. в приходных книгах Патриаршего казенного приказа имелся раздел «заемные деньги». Изучение раздела показывает, что казна святителя для многих частных лиц являлась источником получения ссуд. Выдаваемые займы деньги записывались в расходные книги, а возвращенные должником – в приходные. Как правило, ссуды выдавались без процентов. Выдача ссуды производилась только с личного разрешения патриарха. Ссуды выдавались по «кабалам» или «закладным памятям» под залог недвижимого и движимого имущества: дворов, лавок, ценных вещей, одежды. Так, в 1681 г. Антониева Сийского монастыря было выдано из патриаршей казны 1000 р. по заемной кабале, в которой записано: «В тех деньгах в закладе в Вологде, на Зосимовском берегу, монастырский соляной двор со всеми каменными палатами, и с амбарами, и с подворною землею, по их монастырским письменным крепостям».

Примерно в тоже время взял ссуду в 200 р. И.А. Мусин-Пушкин (ставший впоследствии начальником Казенного приказа), который «представил заклад»: «Поставец серебряный с судками серебряными же, чашками и блюдами, шандалы с щипцами наподобие виноградного древка, весу серебра во всем 18 ф. 13 зол.; и в тех деньгах и на тот заклад взята у него, Ивана, заемная и закладная память; писана его ж рукою». (Шимко И.И. Патриарший казенный приказ. М., 1894. с. 207).

Как следует из этого документа, подход к выдаче кредитов в Патриаршем казенном приказе был вполне профессиональный.

Имеется еще ряд интересных примеров участия русской православной церкви в создании системы доступного кредита, но и вышеприведенных вполне достаточно понять, что священнослужители руководствовались евангельскими заповедями: «Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся. Враг ли то, друг ли или неверный просит притом у тебя денег или другого пособия, дай ему по твоей возможности. В займы же дай не с ростом, но простой заем для пользы ближнего, ибо и во время подзаконное иногда давали займы без процентов». (Толкование на Евангелие от Матфея, гл. 5// Святое Евангелие с толкованием Феофилакта, Архиепископа Болгарского. М.: «Новая книга», «Ковчег», 2002. с. 58).

Наиболее результативным участие священнослужителей стало в развитии кредитной кооперации. На основе проведенных исследований очевидно благотворное влияние представителей русской православной церкви в развитии кооперативного движения в России в дореволюционный период. Актуальность настоящей темы определяется и тем фактом, что уже более десяти лет в современной России предпринимаются усилия создать эффективно работающую систему кредитных кооперативов, но до сих пор выйти на уровень развития микрокредитования, существовавший до 1917 г., не удается. В значительной мере это можно объяснить забвением наработанного в дореволюционный период в течение более чем пятидесяти лет отечественного опыта. Освещение опыта церкви в кооперативном движении позволяет представить не только многочисленные примеры самоотверженного служения её представителей для общественного блага, но и сам подход в организации этого национального проекта того времени. Вряд ли возможно представить участие Русской православной церкви в развитии кредитной кооперации в статистических данных, но знакомство с многочисленными примерами деятельности священнослужителей в организации кредитных кооперативов на селе позволяет достаточно полно увидеть её роль в становлении отечественной кредитной системы в дореволюционный период.

На первом этапе развития кредитной кооперации в России участие священников можно считать во многом инициативой отдельных энтузиастов. Без каких-либо призывов многие священнослужители добровольно приняли на себя миссию популяризации и распространения кредитных кооперативов в стране.

Известно, что среди первых 21 человека, которых удалось убедить С.Ф. Лугинину для вступления в первое в России ссудо-сберегательное товарищество, был священник села Рождественское отец Алексей Петрович Соколов.

Первое свидетельство об активном участии представителей Русской православной церкви в становлении и развитии кредитной кооперации в Российской империи удалось встретить в докладе В.Н. Хитрово «О ссудо-сберегательных товариществах», прочитанном им в III отделении Императорского Вольного Экономического Общества 2 ноября 1874 г. Интересным представляется наблюдение докладчика: «Конечно, лучше всего было бы, если товарищества возникали по инициативе самих крестьян, но в действительности, в большей части случаев, это не так. Обыкновенно затевают товарищество кто-либо из местных жителей не крестьян, мировые посредники или судьи, священники, землевладельцы, управляющие,

арендаторы, одним словом, лица, стоящие по своему образованию выше окружающей среды. Но в редких случаях и эти лица вполне сознательно относятся к этому делу, они прекрасно понимают, что крестьянину в известное время нужны деньги, что этих денег крестьянину перехватить негде, что от их недостатка он может разориться, они желают ему помочь, устроить такое учреждение, где бы крестьяне могли занять деньги в минуту нужды. Случайно услышали или вычитали они, что подобные учреждения существуют, что они носят название ссудо-сберегательных товариществ, что устав с объяснениями можно достать тут или там, затем добывается такой печатный устав, а между тем идут переговоры с крестьянами, уговорить которых подписать устав, поверьте мне, есть дело далеко не легкое и нужно пользоваться большим личным доверием у крестьян, чтоб эти переговоры пришли к желаемому результату. Крестьяне, подписывающие устав, редко делают это с сознанием, что это дело полезное, и даже вообще что это за дело, а просто потому, что об нем хлопочут Иван Николаевич или Николай Иванович, а они де худого дела не затеют...Как видите, при возникновении товариществ, имеющих будущность, главными деятелями являются местные образованные жители, они одни становятся лицом к лицу с народом, они одни выносят на своих плечах все затруднения первого устройства». (Хитрово В.Н. Доклад о ссудо-сберегательных товариществах в III отделении Императорского Вольного экономического общества // Кооперация. Страницы истории. Том 1. Книга вторая. М. 2001. с. 55, 56-57).

Как можно заметить из доклада, мотивация инициаторов создания кредитных кооперативов, в том числе и священников – организация доступного кредита крестьянам. При этом отмечается, что все организаторы первых в стране ссудо-сберегательных товариществ, и без того сверх меры обремененные своими прямыми обязанностями, действуют только по своему почину. Первые в России организаторы ссудо-сберегательных товариществ столкнулись не только с неизбежными в любом новом деле организационными сложностями, но и крестьянской косностью, и с противодействием ростовщиков, о чем свидетельствует один из примеров в докладе: «В одной из западных губерний местный священник энергически принялся за товарищество, устроил и повел его как следует, это пришлось очень не по нутру местному еврейскому населению, на него посыпался целый ряд тайных доносов и хотя ни один из них по следствию не оправдался, тем не менее его, человека семейного, обжившегося в городе, несмотря на просьбы прихожан, перевели на служение в противоположный угол губернии в другой уезд». (Там же. с. 58). Другому священнику пришлось опровергать распространяемый среди крестьян слух, что «товарищество есть дело Антихриста, печать правления, прикладываемая к членской книжке есть антихристова печать». (Там же. с. 58).

В.Н. Хитрово прямо называет деятельность по созданию ссудо-сберегательных товариществ борьбой, которая имеет только ту утешительную сторону, что «товарищества прямо достигают той цели, для которой предназначались».

Несмотря, однако же, на эту борьбу, если устав утвержден, товарищество с большей или меньшей торжественностью открывает свои действия. Мне, по крайней мере, из 350 товариществ известны только семь, которые не осуществились. Первым действием товарищества по открытии есть выбор правления и устройство управления. Почти всегда главный учредитель товарищества, лицо, бывшее душою предприятия, становится главным

распорядителем под именем ли попечителя, председателя совета или правления. Остальных членов управления Комитет в своем отчете определяет так: дворян – 9 %, духовных лиц – 11, крестьян и мещан грамотных – 67 и неграмотных – 14 %». (Там же. с. 58).

Если учесть, что ранее названные представители «образованного класса» - мировые посредники, судьи и другие – относятся к дворянскому сословию, то есть входят в 9 %, то духовенство является лидирующей группой среди сельской интеллигенции по организации ссудо-сберегательных товариществ. Самое удивительное в приведенной статистике даже не то, что священники преобладают над числом судейских и прочих представителей интеллигенции, связанной по службе с деревней (всегда можно сказать, что священников на селе больше, чем других представителей интеллигентных сил). Неожиданностью в данном случае является то, что священники опередили представителей земства: казалось бы, именно этим представителям в первую очередь следовало озаботиться созданием кредитных кооперативов, поскольку отсутствие доступного кредита не только подрывало благосостояние крестьян, оно подрывало и податные возможности крестьянства – их способности делать обязательные платежи в казну.

В четвертом отчете Санкт-Петербургского отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах отмечается еще более высокая цифра участия священников в управлении товариществами – 18 %, при этом число дворян в управлении – 15 %. (Четвертый отчет отделения Санкт-Петербургского Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. СПб. 1877. с. LXIII).

Священники хорошо сознавали роль правильно действующих кредитных кооперативов в сбережении крестьянских средств. Так, священник Н. Златорунский из Саратовской губернии, в частности, писал: «...Наличные деньги в нашей местности еще есть, но они лежат мертвым капиталом в «зепях» и портфелях недоверчивых крестьян, за что, конечно, я не считаю себя вправе осуждать их, зная из отчета банковых погромов, как иногда играют доверием простодушных вкладчиков некие банковые дельцы». (Златорунский Н. Ивановское ссудо-сберегательное товарищество / Саратовский дневник. 1880. № 25. с. 2).

В 1889 г. была опубликована книга видного деятеля отечественной кооперации П.А. Соколовского «Ссудо-сберегательные товарищества в России по отзывам литературы». Интересный факт приводится в этой книге по Саратовскому уезду: «Всех товариществ в Саратовском у. – 11. Из показаний местных жителей видно, что духовенство более всего принимало участие в образовании товариществ; затем следуют землевладельцы и только одно устроено самими крестьянами». (П.А. Соколовский Из книги «Ссудо-сберегательные товарищества в России по отзывам литературы» // Кооперация. Том 1. Книга вторая. Часть вторая... с. 416).

В конце семидесятых годов XIX в. священники, связанные с кооперативным движением, были встревожены: «По газетным слухам, в высших правительственных сферах разрабатывается вопрос о том, чтобы отклонить сельское духовенство от участия в ссудо-сберегательных товариществах, так как подобное участие не соответствует каноническим правилам соборов. Надобно заметить, что половина товариществ (выделено А.В.) обязаны своим появлением духовенству и прочное существование большинства товариществ

обусловливается тоже участием духовенства вследствие особого доверия к своим духовным руководителям». (Церковно-общественный вестник. 1879. № 144. с. 4).

Чрезвычайно ценной представляется активная роль священников в разъяснении крестьянам идей народного кредита. Дореволюционная периодика содержит значительное число таких примеров. (Вычугжанин А.Л. Церковь, деньги, кредит. Тюмень. 2014. с. 444 – 626). Участие священников на первом этапе развития кредитной кооперации (с 1865 по 1894 гг.) является чрезвычайно важным в первую очередь с точки зрения популяризации кооперативных идей в крестьянской массе.

Святейший Синод в конце XIX в. как минимум дважды уделял внимание ссудо-сберегательным товариществам: постановление от 1 – 22 марта 1877 г. Св. Синод признал «противным церковным постановлениям дозволить лицам духовного звания вступить в члены правления Агаймакского Таврической губернии ссудо-сберегательного товарищества» и постановление от 2 ноября – 4 марта 1884 – 1885 гг. за № 2406 «признал необходимым воспретить священнослужителям принимать на себя звание членов правлений и советов сельских ссудо-сберегательных товариществ». (Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. Его теория и практика. М., 1918. с. 356).

Запрещение Святейшего Синода на участие священнослужителей в ссудо-сберегательных товариществах лишило их возможности заниматься непосредственной организационной работой по кредитной кооперации, но не уменьшило стремления многих из них помочь своей пастве в заботах о хлебе насущном.

Несмотря на запрещение Святейшего Синода, в ряде мест, очевидно, в силу того, что этот указ подзабыли, священнослужители продолжали участвовать в деятельности кредитных кооперативов. В 1896 г. в периодическом издании Санкт-Петербургского отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах отмечалось, что «наиболее аккуратно исполняют свои обязанности перед товариществом члены из духовного звания». (Сообщение Санкт-Петербургского отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. Вып. 11. СПб. 1896. с. 17).

Необходимость оживления приходской жизни за счет более активного участия священников в делах прихожан, в том числе и посредством организации доступного кредита, в начале XX в. осознавалась как отдельными членами приходских попечительств, так и некоторыми публицистами. В 1901 г. издатель С.Ф. Шарапов в своем сборнике «Пороша» опубликовал письмо члена Николаевского церковно-приходского попечительства «Что можно сделать и при существующих условиях. Приходская программа». (Сочинения Сергея Шарапова. Вып. 14 (Т. V). Пороша. М., 1901. с. 70-74).

В предполагаемой программе оживления приходской жизни, в частности, предлагалось: «С помощью ссуды из Государственного Банка, земства, а также в виде вкладов свободных сумм попечительства, волости и частных лиц, возможно было бы устроить кредитное товарищество с самым широким развитием посреднических дел, причем из земства можно было бы получать живой и мертвый инвентарь, нужный для крестьянского хозяйства, многие материалы, как-то кровельное железо и пр.». (Там же. с. 73).

О необходимости повышения роли церковного прихода в развитии народного кредита в 1909 г. писал известный дореволюционный деятель князь А.Г. Щербатов. Он полагал, что

православный приход должен «сноситься с министерством финансов через приходское учреждение мелкого кредита. Князь считал, что «для взаимострахования и взаимопомощи между исправными домохозяевами и для обеспечения им удобного и доступного кредита имущественного и личного и помещения на хранение их сбережений» в приходе должны быть устроены следующие учреждения:

- 1) Мелкое сельскохозяйственное общество;
- 2) Учреждение мелкого кредита;
- 3) Общество взаимопомощи и потребительное общество. (Щербатов А.Г. Православный приход – твердыня русской народности / Сост. И.А. Настенко. М., 2010. с. 143).

Если учесть, что в 1900 г. в России насчитывалось 35 тысяч сельских священников, а с учетом дьяконов, имевшихся во многих приходах, получалось около 45 тысяч сельских интеллигентов (Новое Время. 1900. № 8864. с. 2), в случае отмены запрещения Святейшего Синода к делу развития народного кредита привлекалась огромная сила.

С учетом того, что некоторые священники в начале XX в. руководили кредитными кооперативами, министр финансов В.Н. Коковцов посчитал необходимым де-юре закрепить их статус в этом качестве.

25 октября 1906 года В.Н. Коковцов обратился с письмом к обер-прокурору Святейшего Синода, где обосновывал целесообразность участия священнослужителей в организации кредитных кооперативов в сельской местности, но получил отказ. (РГИА. Ф. 582. Оп. 4. Д. 13288. Л. 29 об.-30).

Отказ церковного ведомства вызвал негативную реакцию не только в министерстве финансов, но и в общественных кругах.

Скорее всего, причиной такого решения Синода было нежелание церковного руководства давать поводы для нападков на церковь в период того смутного времени. Общеизвестно, что в этот период внутри самой церкви шло активное обсуждение реформ, и дополнительные сложности казались несвоевременными. Вместе с тем, к письму министра финансов на сей раз отнеслись более внимательно. Уже 10 сентября 1907 г. последовал Указ Святейшего Синода за № 17, который разрешал духовным лицам, избранным до 30 мая 1907 г., исполнять обязанности в кредитных кооперативов до истечения сроков, а также позволялось лицам духовного сана принимать на себя звание попечителей товариществ.

По запросу Управления по делам мелкого кредита из 115 провинциальных учреждений Государственного банка подтверждения об участии священнослужителей в управлении товариществами поступили из 26 губерний и 2 областей. Все полученные данные были сведены в одну таблицу. Общее число действовавших товарищеских учреждений в этих административно-территориальных образованиях составляло 1545, при этом 233 священника и диакона принимали участие в руководстве 212 кредитными и ссудо-сберегательными товариществами. Согласно этим данным получалось, что почти 14 % (13,7) всех товариществ развивались при непосредственном участии священно-церковнослужителей. Эта цифра не маленькая, но она вызывает сомнение – представляется, что священников на самом деле в руководстве кредитных кооперативов было значительно больше. Есть все основания усомниться в достоверности этой цифры.

Более впечатляющими, чем цифры, являются отзывы инспекторов мелкого кредита о роли священнослужителей в организации кредитных кооперативов. Несмотря на то, что данные поступили только из 28 провинциальных учреждений Государственного банка, мнения представлены практически из всех районов Российской империи:

«1) Духовные лица, большею частью, являются единственными представителями местной интеллигенции, так как во многих местах, если не считать редких землевладельцев, к тому же теперь покидающих свои имения под влиянием событий последнего времени, остаются одни учителя, но последние по многим причинам не имеют прочной связи с населением и потому не пользуются в его глазах особым авторитетом. Кроме того, духовенство до последнего времени имеет сильное влияние на население деревни и с его советами крестьяне очень считаются как в решении своих личных вопросов, так и общественных.

2) Участие духовенства в администрации товарищеских учреждений мелкого кредита должно считаться необходимым условием как для самого существования товариществ, так и для успешного развития их деятельности.

Крестьянство по своей некультурности крайне скептически относится к мелкому кредиту, поэтому почин и организацию по устройству товариществ принимает на себя духовенство, руководствуясь чисто идейными соображениями, вытекающими из заботы о нуждах местного населения...». Описание некоторых учреждений мелкого кредита». (СПб., 1912, стр. 613).

При вторичном обращении В.Н. Коковцову удалось убедить Святейший Правительствующий Синод в необходимости отмены запрета на участие представителей церкви в деятельности учреждений мелкого кредита, и указом Синода от 13 января 1909 г. представители Русской православной церкви получили разрешение на всевозможное содействие развитию кредитной кооперации.

Вполне вероятно, что решающую роль в этом сыграло обращение В.Н. Коковцова к такому авторитетному представителю церкви, как митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний. Письмо министра финансов к митрополиту не оставляет никаких сомнений в том, что единственной мотивацией обращения было стремление улучшить благосостояние народа.

Синод признал возможным «допустить священнослужителей к участию в товарищеских учреждениях мелкого кредита (кредитных и ссудо-сберегательных товариществах) не только на правах членов и попечителей их, но и членов правлений и советов, имея в виду, что в основу их положены, главным образом, товарищеские начала, то есть начала взаимной ответственности и доверия, которые не могут существовать без укрепления в сознании участников той мысли, что экономические интересы должны объединять людей между собою на почве христианских взаимных отношений». (РГИА ф. 582. Оп. 4. Д. 13319. Л. 1).

Такая постановка вопроса стала привлекательной для тысяч священнослужителей. Церковный причт очень хорошо знал нужды своего прихода и в массе своей воспринял новый закон как возможность облегчить жизнь крестьян. Осенью 1909 г. министр финансов В.Н. Коковцов обратился с письмом во все епархии Российской империи с просьбой оказать содействие в организации работы кредитных кооперативов на селе.

Автору удалось выявить письма, отражавшие позицию высших церковных иерархов к развитию кредитной кооперации, от 39 епархиальных архиереев (в империи имелось 67 епархий). (Вычугжанин А.Л. Церковь, деньги, кредит. Тюмень. 2014. с. 368 – 443). Почти все епархии империи очень заинтересованно откликнулись на просьбу министра. Изучение этих ответов позволяет представить не только отношение священнослужителей к участию в развитии кооперации, но и намеченные практические меры по организации доступного кредита крестьянам, особенности положения церкви в отдельных регионах страны.

Огромные возможности для разъяснительной работы у русской православной церкви имелись благодаря наличию в каждой губернии своего местного печатного органа – епархиальных ведомостей. Практически во всех губерниях главы епархий обратились к священникам с соответствующим разъяснением, причем отмечалось, что участие в работе товариществ – дело добровольное.

Сложно количественно измерить результативность участия священников в кооперативном движении, но некоторые цифры по его развитию позволяют делать выводы о несомненном положительном влиянии церкви. В 1904 г. в стране насчитывалось 306 кредитных и 877 ссудо-сберегательных товариществ (всего 1183), 1909 г. – 2699 и 1505, в 1910 г. – 3607 и 1805, а в 1912 г. число их достигло 5932 и 2626 соответственно (всего 8558). (Вацура Г.А. Статистика кредитной кооперации // Книжки вестника мелкого кредита. Книга первая. Петроград. 1916. с 63).

В 1913 г. число кредитных и ссудо-сберегательных товариществ составило 7964 и 3062 соответственно, в 1914 г. – 9552 и 3528, 1915 г. – 10696 и 3890, 1916 г. – 11398 и 4038. (Вацура Г.А. Указ. соч. с. 63).

Хочу особо подчеркнуть, что на этот рост оказали влияние многие факторы, в первую очередь – более грамотная политика министерства финансов с 1905 г., но в «скачке» 1910 г. есть несомненная заслуга церкви. Не следует забывать, что Совет Министров в этот период возглавлял П.А. Столыпин, придававший большое значение развитию кредитной кооперации как одному из средств подъема крестьянского благосостояния, и понимавший, что для достижения значимых для народа целей необходима консолидация всех здоровых сил.

К началу первой мировой войны кредитные кооперативы превратились в авторитетную силу в масштабах всего государства, а священники продолжали играть в них видную роль. В некоторых епархиях развитию кооперации придавали настолько выдающееся значение, что даже посчитали необходимым ввести ее преподавание для будущих священнослужителей. Так, в Каменец-Подольске на епархиальном съезде духовенства Подольской губернии священник А. Маричев сделал доклад о введении преподавания кооперации в духовно-учебных заведениях губернии (духовных училищах, духовных семинариях, церковно-учительских и второклассных учительских школах). (Вестник мелкого кредита. 1914 г. № 50. с. 2030).

Те идеи, которые декларировались пропагандистами кооперации, были близки представителям русской православной церкви: «Чем сильна кооперация? Сильна она единением; «в единении сила», где труды отдельного человека не могут сделать ничего, там соединенные усилия многих людей способны совершать чудеса, лишь было бы согласие и умение.

Знакомство с архивными материалами, где отражено участие священнослужителей в деятельности ссудо-сберегательных и кредитных товариществ, позволяет с полным правом сделать вывод о том, что главной мотивацией участия приходских священников являлось стремление облегчить материальную нужду своих прихожан. В большинстве случаев священники принимали на себя эти хлопоты совершенно бескорыстно, тем более, что, как правило, в период становления кредитного кооператива – первые три-четыре года – и платить-то было нечем. Это было самым трудным – организовать кооператив, наладить его работу, чтобы крестьяне, познакомившись с техникой ведения дел товарищества, в дальнейшем уже из своей среды выдвигали организаторов. Так в большинстве случаев и происходило. Тем более представляется несправедливым, что уже в 1917 г. в книге М.Л. Хейсина «Исторический очерк кредитной кооперации в России. Петроград. 1917.», об участии представителей Русской православной церкви даже не упоминается. Более того, подобраны два примера именно негативного влияния священников на развитие кредитных товариществ со ссылкой на «Вестник мелкого кредита». (Хейсин М.Л. Исторический очерк кредитной кооперации в России. Петроград, 1917. с. 165). Мною проработано все это издание, и примеров плодотворного участия представителей духовенства в кредитной кооперации «Вестник мелкого кредита» содержит предостаточно. Несмотря на эти искажения, книга Хейсина стала авторитетным изданием на многие десятилетия для исследователей истории кредитной кооперации в России.

Портрет российского кооперативного движения будет не совсем достоверным и не столь ярким без отражения в его развитии деятельности представителей Русской православной церкви.

Это наследие нуждается в изучении и глубоком осмыслении. Нынешние экономические реалии убеждают, что лечение системных кризисов может быть успешным только при системном подходе.

В июле нынешнего года в отделе зарубежной литературы Российской государственной библиотеки встретила каталожная карточка на книгу: Н.С. Тимашев «Каким должно быть русское христианское хозяйство», изданную в Женеве. Поскольку давно собираю материалы по семье С.И. Тимашева (управляющего Государственным банком Российской империи с 1904 по 1909 гг., отца Н.С.), то сразу же заказал эту книгу на копирование. На удивление, получил категорический отказ. Мотивировка была единственная – из этого фонда книги не копируются.

Мои аргументы, что книга издания 1936 года, которую вряд ли можно отнести к неприкосновенным раритетам, и то, что впервые почти за сто лет кто-то заинтересовался этим изданием (страницы книги были не разрезаны), нужного воздействия не произвели. Удалось договориться только с руководством, в разговоре решающим аргументом стало то, что в 2006 году я выступил в качестве составителя книги «С.И. Тимашев: жизнь и деятельность», которую подарил во все ведущие российские библиотеки, в том числе и в РГБ.

Книга С.И. Тимашева, выдающегося ученого, профессора Гарвардского, а впоследствии Фордэмского католического университета, как можно понять из выходных данных, была издана «Бюро Конфедерации Русских Трудящихся Христиан» в выпуске 1

«Трудов Ривского съезда». Интересная деталь – упоминания об этой книге не оказалось в библиографии, составленной дочерью профессора Т.Н. Тимашевой-Бобринской.

Легко заметить, что книга написана по горячим следам величайшего кризиса в США. Мысли Н.С. Тимашева звучат на удивление современно:

1. Неправда капитализма. ...Как ясно выяснилось за нынешний кризис, тянувшийся с 1929 года, капитализм зашел в тупик, который можно охарактеризовать формулой: «нищета перед горами богатств». ... Он носит явные признаки строя, отходящего в историю... Даже в лучшие свои времена он разрешил техническую проблему хозяйства лишь за счет стеснения христианской этики: человеческая личность не только рабочего, но и предпринимателя, стала служебной по отношению к хозяйству; осуществление любви к ближнему стало невозможно в условиях безудержной конкуренции; о начале соборности не могло быть и речи, так как капиталистическое общество состоит из личностей, сталкивающихся друг с другом как молекулы газа, заключенные в замкнутом сосуде, или как голодные волки в степи. Капитализм никогда формально не отрицал христианства, даже лицемерно продолжал признавать господствующей христианскую этику, но фактически создал строй, весьма далекий от христианства. (Н.С. Тимашев «Каким должно быть русское христианское хозяйство». Женева. 1936. с. 7 – 8).

2. Неправда социализма. ... Монопольное положение государства в качестве распорядителя средств производства позволило ему так заполнить время трудящихся, чтобы, как и при капитализме, не оставалось времени задуматься о Вечном. В результате социалистический строй, в своем осуществлении, не освободил человека от эксплуатации, только изменив субъект ее. Не дал он ни малейшего приближения к идеалам (отвергаемым им) христианской этики. Не разрешил этот строй и проблемы наилучшего технического использования возможностей на благо всем членам общества». (Там же. с. 9).

Ключевая мысль Н.С. Тимашева – создать такой хозяйственный механизм, при котором «христиански настроенные люди были бы в состоянии вести хозяйство, совместимое с началами христианской этики». (Там же. с. 15).

Представители РПЦ оценивали свое участие в экономических проектах в первую очередь с позиций нравственности. В современном мире вновь становится актуальной необходимость экономической деятельности соотносить с нормами морали.

Следует заметить, что у значительного числа предпринимателей Западной Европы имеется потребность оценивать свою деятельность с позиций нравственности, чему подтверждением является объединение 34 тысяч итальянских предприятий разного профиля, коммерческих и некоммерческих, в Ассоциацию. Главная задача этого союза – реализация принципов социального учения Католической Церкви. На итало-российском форуме с красноречивым названием «Экономике нужны этические регуляторы» президент Ассоциации предпринимателей «Компания делле опере» Бернард Шольц сказал, что «опыт нашей ассоциации – это попытка способствовать новой социальности, иначе взглянуть на любую деятельность». (Regions.Ru с использованием материалов «Благовеста». 29.06.11).

О востребованности подобного рода знаний в последнее время появляется всё больше свидетельств. Яркое тому подтверждение – освещение журналом «Экономические стратегии» дискуссии о православном банкинге. (Экономические стратегии. 2010. № 11. с. 92 – 109).

Размышления о совместимости христианской морали и ведения бизнеса имеются в сборнике «Христианин и деньги» Христианин и деньги. М., 2007, статье М. Осадчего «Бог и процент» <http://banker.ru/analytics.history/27.07/2009>.

О том, что полнейшая беспринципность подобных банковских дельцов приводит как к моральному, так и финансовому кризису, свидетельствует статья «Большой бизнес обращается к церкви в попытке спасти свою репутацию» в английской газете «Evening standard» от 18 сентября 2012 г. Руководители более двухсот крупнейших банков и английских компаний встретились с архиепископом Вестминстерским Винсентом Николсом с целью «обсудить пути формирования моральных принципов в сердце делового поведения». (Peter Dominiczak Big business turns to the Church in attempt to repair its reputation / Evening standard. 18 september 2012. p. 22). Весьма показательно, что либеральная модель экономики даже на ее родине себя дискредитировала.

Недавнее выступление председателя Синодального отдела Московского патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерея Всеволода Чаплина также поднимает актуальность создания банковского дела, основанного на православных ценностях. (Культура. 2014. № 45 от 19-25.12. с. 5).

Обращение Патриарха Илии II к руководителям кредитных организаций о проведении финансовой политики в интересах народа по своей сути – это призыв помнить о православных ценностях (Патриарх: Дай Бог, чтобы мы поняли, что такое настоящие ценности / Свободная Грузия. 2014 г. № 10 от 04.07.14. с. 1.).

Изучение опыта нашего успешного прошлого не даст готового рецепта реформирования экономики, но обязательно поможет найти правильное решение.

Давид Гоциридзе

ХРОНОТОП СУЩЕСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКОВЫХ ФАКТАХ

В процессе межкультурного общения особую сложность составляет отсутствие общности сознаний коммуникантов. Именно оно является основной причиной коммуникативных конфликтов – конфликтов непонимания партнерами друг друга. Проблемы межкультурного общения, как и проблемы речевого общения в целом, напрямую связаны с темой языкового сознания. Говоря словами Г.Г. Гадамера, «положение, согласно которому всякое понимание есть проблема языковая и что оно достигается (или не достигается) в медиуме языковости, в доказательствах, собственно не нуждается» (Гадамер 1991:43).

Проблема понимания непосредственно связана с человеком – субъектом и объектом антропоцентристского исследования. Следует отметить, что каждая культура обладает набором своих специфических представлений о «человеке», поэтому в процессе межкультурной коммуникации особое значение приобретает знание тех положительных или отрицательных свойств, которое коллективное сознание нации отражает в своей оценочной шкале. Исследуя процессы, связанные с глобальной перестройкой современного мира, Н.В.

Уфимцева пишет: «Мы живём в «смутное время», время крушения социальных идей, скреплявших наше общество, когда в качестве реакции на социальную неопределённость возрастает роль этничности, как наиболее древней и устойчивой формы информационного структурирования мира» (Уфимцева 1996: 135). От постижения своей собственной природы человек или народ путем углубления самопознания приходит к сознанию равноценности всех людей и народов. А выводом из этих постижений является утверждение своей самобытности, стремление быть самим собой. И не только стремление, но и умение. Ибо тот, кто самого себя не познал, не может, не умеет быть самим собой» (Трубейской 1995:115). Лексико-семантические единицы, связанные со значением ментальности, наиболее ярко выявляют национально-культурную специфику того или иного языка. Мы исходим из того, что языковое и когнитивное сознание не тождественны, хотя и пересекаются в значительной части. Языковое сознание имеет языковую природу и манифестирует себя в языке, который является наилучшим отражением человеческой мысли. С другой стороны, не все содержание нашего сознания находит свое выражение в единицах языкового уровня. Языковое сознание является основой лингвокультурного сообщества, т.е. группы людей, объединяемых общностью культуры входящих в нее индивидов. Единство коллективного языкового сознания определяется общностью особым образом организованного фонда знаний и представлений, называемой когнитивной базой. Ментальный мир человека реализуется в ключевых концептах культуры, представляющих собой базовые единицы картины мира.

Языковая картина мира соответствует способу мышления, присущему эпохе, духовным ценностям, выработанным человечеством и существующим в национальной идиосфере языка и культуры, интерпретации общей ценностной иерархии, организующей жизнедеятельность общества на основе декларируемых целей и идеалов (Караулов 1987: 36). Моделирование мира в сознании человека осуществляется с помощью концептов - «дискретных содержательных единиц коллективного сознания, отражающих предмет реального/идеального мира и хранимых в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» (Бабушкин 1998:12). Исследование национального характера и картины мира должно базироваться на ключевых концептах культуры, манифестирующих природу коллективного языкового сознания. «Культурные концепты» (в иной терминологической огласовке «ключевые концепты культуры») представляют собой ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом. Концепты, по замечанию Д. С. Лихачева, возникают в сознании человека не только как намеки на возможные значения, но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом – поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и так далее (цит. по кн. Масловой В.А.: Лингвокультурология 2004: 51). Эпоха антропоцентризма, повлекшая за собой попытки осмысления взаимоотношения языка и мышления в новой концептуальной парадигме, стимулировала особый интерес к изучению ключевых концептов культуры, исследование которых дает возможность выявить те аспекты национально-языкового сознания, которые не лежат на поверхности, но играют значительную роль в системе как внутриязыковой, так и межкультурной коммуникации. Этап внутрикультурной селекции, результатом которого является разграничение ключевых и оперативных концептов культуры, позволяет установить

внутреннюю иерархию в концептосферах соответствующих языков. Полагаем, что лишь на базе соответствующего языкового сознания возможно понимание менталитета.

В этой связи особый интерес представляет сопоставительное исследование концептов «жизнь» и «смерть», позволяющее выявить специфику языкового сознания.

Концепт «смерть» уже описывался лингвистами (Антипова 2007, Атурина 2007, Богомолова 1999, Моисеева 2000, Хо Сон Те 2001, Чернейко 2001, Шафиков 2002, Салалыкина 2003) как отдельно, так и в сопоставлении с концептом-антонимом «жизнь», вызвав определенный интерес специалистов, однако породил и ряд вопросов, связанных с необходимостью его комплексного исследования. Категория экзистенциональности, включающая оппозиционную пару «жизнь»-«смерть», выступает как своеобразная универсалия, актуальность которой не ограничивается рамками одной культуры. Несмотря на универсальность понятийной основы, в рамках сопоставляемых культур ключевые концепты «жизнь» и «смерть» имеют разные коннотационные поля, что находит отражение как в системе лексико-фразеологической номинации, так и в самой идиоматике.

Исследование конкретного эмпирического материала включает как результаты изучения лексикографических источников, так и ассоциативного эксперимента, что дало возможность сопоставить понятийные, ценностные и образные слои в структуре данных концептов. Универсальность явления определила совпадение ряда семантических и ассоциативных связей в сопоставляемых языках, а также близость шлейфа значений, порожденных данными концептами. Наряду с универсальными (тенденция табуирования понятия «смерть» и ее замена различными синонимами, широкая стилистическая палитра, отражающая аксиологическую значимость данных концептов в системе соответствующих культур и др.) характеристиками, в работе анализируются национально-специфические формы языкового отражения понятийного значения указанных концептов.

Как мы отметили, в концептосфере любого языка концепты «жизнь» и «смерть» занимают центральное место среди культурных концептов, поскольку содержащиеся в них понятия экзистенциально значимы как для каждого человека в отдельности, так и для всех людей мира. Кросс-культурный анализ концептов «жизнь» и «смерть» в русской, английской и грузинской национальных картинах мира позволяет максимально полно реконструировать соответствующий фрагмент языковой картины мира, выявить специфику языковой манифестации данных концептов, установить их национально-культурную специфику и универсальные черты, осмыслить указанные концепты в пределах соответствующих концептосфер, дать синтагматическую характеристику имен «жизнь» и «смерть», чтобы обнаружить узуальные представления, стоящие за этими именами и очерчивающие их семантические границы. Сопоставительный план исследования дает возможность реконструировать значимые фрагменты национальных картин мира. На основе толковых, семантических, идеографических, этимологических, ассоциативных фразеологических словарей русского, английского и грузинского языков, сборников паремий и афоризмов, этнографических источников, а также данных кросс-ассоциативного эксперимента устанавливаются универсальные и национально-культурные особенности семантики и прагматики данных концептов.

Структура концептов «жизнь» и «смерть» и моделей, их репрезентирующих, подвижна и динамична. Концептуальное значение рассматриваемых единиц проявляется на различных языковых уровнях: лексическом, фразеологическом, паремиологическом. В передаче содержательной стороны концепта активно участвуют и фигуры речи (метафора, метонимия, олицетворение и др.). Научная интерпретация проблемы существования значительным образом отличается от понимания, сложившегося в наивной картине мира. Во всех рассматриваемых культурах (как и в большинстве других) «жизнь» и «смерть» рассматриваются в диалектическом единстве, как две части единого мироздания, связанные между собой внутренней закономерностью.

В силу особого формата наш анализ мы ограничиваем специфической микросферой – хронотопом «жизни» и «смерти».

В концептосферах сопоставляемых языков пространство и время имеют универсальные и специфические свойства. Диада «жизнь» и «смерть» в рассматриваемых культурах понимается как процесс, имеющий свое начало и свой конец. Процессуальное понимание связано с временным фактором.

Вслед за Ухтомским, понимая хронотоп как единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение определенного (культурного, художественного) смысла (Ухтомский 2002:347), мы разделяем и точку зрения М. Бахтина, согласно которой вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопа. Иначе говоря, содержащиеся в произведении смыслы могут быть объективированы только через их пространственно-временное выражение (Бахтин 1975:42).

Если перенести эту идею в интересующую нас область, хронотоп, как закономерная связь пространственно-временных координат, в исследуемой концептосфере будет иметь свои специфические черты, отличные от научного хронотопа. Специфические свойства пространства и времени в этноязыковом сознании народов имеет своеобразное преломление, что подтверждается и концептами «жизнь» и «смерть».

«Жизнь» и «смерть» взаимно предполагают друг друга и связаны с существованием во времени и пространстве, однако понимание указанного хронотопа теснейшим образом связано с дихотомичностью мироздания. Говоря о специфике экзистенциального хронотопа, нужно подчеркнуть, что здесь утрачивает силу одно из всеобщих свойств времени – необратимость и направленность от прошлого к будущему. Эти два мира тесно взаимосвязаны и возможен переход из одного в другой (преимущественно из этого в тот), хотя, вопреки научной картине мира, в этноязыковом сознании возможно и обратное – «Воскресение из мертвых», «рождение заново», «raise from the dead» / «raise to life»/ «coming back from the dead», груз. «gасockleba» (возвращение к жизни), «agdgoma» (воскресение), что никак не согласуется с нашим традиционным представлением о времени. Связь миров в народном сознании, когда негативные события этой жизни влияют на умершего человека, можно проиллюстрировать следующим примером: Turn in one's grave – «gadabrundeba samareshi» (перевернуться в могиле), «roll over in his grave».

Появление на свет человека, как и уход из жизни, связано с движением, перемещением в пространстве, куда можно прийти – «Come into the world», «am qveynad mosvla» (появиться на свет), – где можно найти своё место – «find the place in life», «adgilis

rovna skhovrebashi», который можно покинуть («покинуть /оставить/ этот (бренный) мир» - «to depart out of this world») и «отойти в лучший мир» – «saiqiosi casvla», переселиться в иной/ в лучший мир - to move to a better world / to move to another world. Возможны и варианты: «Отправиться к праотцам », «отойти в вечность», « move away into eternity», «отойти в лоно авраамово», «to step into Abraham's bosom», «покинуть земную сень», «to end the earthly existence», «отойти от мира сего», «to depart from this world».

В качестве нулевой формы движения следует рассмотреть состояние покоя: «Обрести покой»/ «вечный сон» и т.д.

Пространственное противопоставление двух миров (католики добавляют еще и чистилище) наглядно подтверждается языковыми данными: «this world», «the next world», «the world beyond», «the other side (world)», груз. «saaqao» (этот мир) , «es qvekana», «es sofeli»(букв. этот мир, эта деревня), «этот мир», «земная жизнь», « потусторонний мир» переселиться в лучший мир - to move to a better world.

Эти два мира во всех трех языках представлены в разных аксиологемах: позитивное начало связано с раем, а негативное с адом, (см. груз. «samotkhe» -«jojokheti», англ. «paradise» / «heaven» - «hell»/ «bottom»/ «les pit»; русское - «рай» - «ад» /«преисподняя»). Отрицательные коннотации имеют конструкции: «underworld», «lower regions», «lower world», «netherworld» (мир мертвых) , «Hades», «Sheol», «mkvdreti»(мир умерших), «царство мёртвых», «преисподняя».

Отношение к потустороннему миру может иметь как позитивные («Better world», «saukuno sasufeveli», «cis kari» (небесные врата), «Heaven's Gate», «Pearly Gate» (жемчужные врата), «sasuleti» (мир усопших душ), «samzeo» (мир солнца), так и негативные коннотации – «jojokhetis kari» (врата ада) – «Hell Gate» – «Врата Ада».

Язык фиксирует также транзитную оппозицию – «приход в этот мир и уход из этого мира» («You are the coming generation, and I am on my way out»; «Ты приходиющий, а я уходящий»; «saakaosken pirs aqnevinebs» (обратит лицом к этому миру).

Все культуры единодушны в признании краткосрочности земной жизни: «жизнь коротка» - «life is short» –«sicoxle ханмоклеа» ср. грузинское название жизни - «цутисорели» - букв. «минутный мир»). Жизнь пролетает, течёт , «tskhovreba miqris» - «Life runs». Она имеет временную протяженность и характеризуется цикличностью: «круговорот жизни» - «circle of life», «bedis charkhis triali» (вращение колеса судьбы).

«Вся жизнь человека» («the whole life», «mteli tskhovreba» (вся жизнь) заключена в определенные временные рамки, а дни, часы сочтены («One's days /hours/ are numbered» - «dgeebi datvlilia»), «всё имеет начало и конец» («kvelafers aqvs tavi da bolo» – «everything has a beginning and an end»).

Жизнь имеет начало («появляться на свет»/ родиться – «appear»/ «be born»/ «come into the world», «dabadeba» (родиться)) и конец («смертный час» - «mortal hour»), когда «приходит / наступает время» («A time will come»), «пробивает час» и звонит колокол («zhami darekavs» (букв. прозвонит время), «passing bell», «death bell»). Когда человек доживает последние дни, о нем говорят: «он свое отжил», «tavisi dro mochama» (букв.- съел свое время) – «Sb's time is over» ,«didi dge ar uweria» (букв. много дней за ним не записано), «dges ver gaatens» (до утра не протянет).

Существует определенный «нормативный» временной предел: дожить до («до глубокой старости» – «reach old age», «siberemde»).

Время, отведенное человеку на этой земле, ограничено. Длительность жизни («dgegrzeloba» - «longevity», «долголетие») не всегда представляет благо и не всегда однозначно коррелирует с ее ценностью, ибо нередки случаи, когда жизнь для человека превращается в полный кошмар, и он мечтает о смерти.

Историко-фольклорной перспективой выхода из состояния временной детерминированности в рассматриваемых культурах является «переход в бессмертие»: «Join to infinity/ eternity», «ukvdaveba», где «вечная жизнь после смерти» (бессмертие) будет иметь негативную альтернативу – «everlasting death», «вечные муки» (в аду) – «maradiuli tanjva».

Понимание времени специфично. Существование жизни во времени связано с различными этапами или стадиями, а в нашем случае - и с разными мирами.

Рождение или начало жизни фактически представляет собой соединение души и тела, а смерть - их разъединение. Нисхождение души в тело определяется её природой: ей надлежит соединиться с телом, чтобы, выполнив свое назначение в земной жизни, вернуться к миру чистого света - Богу. Противопоставление указанных ипостасей отражает дихотомию, сложившуюся в сознании носителей указанных языков, трактующих душу как бессмертную сущность, а тело – как нечто временное, преходящее.

Душа способна как самостоятельно совершать свои действия, так и подвергаться определенному воздействию. В русской фольклорной традиции человек «отдает душу», «выпускает душу», «душа выходит», «душа улетает», «смерть вынимает душу из белых грудей», что подтверждает связь понятия души с материальным началом. Подобные отношения мы наблюдаем как в английском («The soul leaves /departs the body», «the soul goes out», «the soul has departed», «take the soul», «the soul's gone», «will steal away», «elope», «embed Soul», «bring sb to life» / «animate»), так и в грузинском языках), так и в грузинском языках: «suls amoartmevs»(вытащит душу), «suli amoepareba» (душа ускользнет), «suli amosdzvreba» (душа вырвется), «gascxeba» (душа испарится).

В ходе развития мифологического мышления сформировалось понятие о душе как о некотором атрибуте живого существа. Наблюдение за дыханием живого, которое после его смерти исчезало, способствовало возникновению древних представлений о душе, как о дыхании, происходящем извне. Во всех трех языках прослеживается связь жизни с его главным атрибутом - дыханием («Breath of life», «дыхание жизни» - «sicocklis suntqva»). Сам факт рождения описывается как первый вздох («Draw the first breath», «amoisuntqo» (сделать первый вдох), «shtabera» (вдохнул жизнь) – «breath a new life into smb / Put spirit into something»), а смерть – как последний: «Draw one's last breath /Yield up one's breath» - «Испустить дух, испустить последний вздох», умереть – «sulis daleva» (испустить дух). Следует отметить, что рождение в указанных культурах ассоциируется с появлением на свет («See the sun», «появиться на свет», «mzis sinatle ixila» (увидел солнечный свет). В этой связи интересно и грузинское название этого мира «samzeo» (мир солнца).

Между телом и душой происходит непрерывная борьба. Все конфликты между людьми возникают вследствие дихотомии тела и души, напряженности между нашим

телесным «я» и потребностью в возвышенном. Тело человека создано Богом «из праха земного» (Быт. 2, 7) и потому оно принадлежит земле: «земля еси и в землю отыдеши» (Быт. 3, 19), сказано первому человеку после его грехопадения. Своею телесной жизнью человек ничем не отличается от прочих живых существ, и состоит она в удовлетворении потребностей тела. Душа дана Богом, как животворящее начало для того, чтобы управлять телом. Иначе сказать, душа есть жизненная сила человека и каждого живого существа.

Душа есть и у животных, но только о человеке сказано, что после создания тела его из праха земного Господь Бог «вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2, 7). Это «дыхание жизни» и есть высшее начало в человеке, т. е. его дух, которым он безмерно возвышается над всеми другими живыми существами.

Противопоставление «души и тела», «suli da khorci» (души и плоти), «flesh and spirit» имеет универсальный характер, суть которого можно продемонстрировать следующими примерами:

«Плоть душе враг», «Грешное тело и душу съело!», «Душе с телом мука». В этой оппозиции ведущее место занимает душа (см. «Diseases of the soul are more dangerous than those of the body»), хотя в некоторых фразах мы видим попытки «реабилитации» тела - «Кто не мил телом, тот не мил и делом»; « Душа согрешила, а тело в ответе».

Интересно, что начало жизни в мире животных и растений обозначается специальными лексемами: «плодиться», «breed», «dakra» (букв. разбросать), «amoikara» (распуститься), «amoikvirta» (раскрыться), «amokhrtqa micidan» (пустил ростки), «unfold», «bud», «blossom», «bloom», «расцвести», «пускать ростки», «давать почки», «распускаться».

Жизнь представляет собой процесс, определенный временными рамками. Процесс жизни связан с многообразными типами существования, однако для его понимания наиболее важное значение имеет противопоставление «жизни» и «существования», что обычно понимается как противопоставление духовного и телесного начал. Указанная оппозиция фиксируется и в остальных языках: «kopna» - «arseboba», «being» - «existence». Говоря о «жизни» и «существовании», можно вспомнить высказывание: «То, что он умер, еще не доказывает, что он жил». Жизнь это пространство, в котором каждый ищет собственное место и где события его жизни разворачиваются во времени. Естественно, в зависимости от отправной точки отсчета, события жизни получают неоднозначную оценку и могут повлиять на судьбу человека и его место в мироздании. Поэтому очень важно «найти своё место в жизни» («find place in life» – «sakuTari adgilis povna skhovrebashi»).

Аксиология жизни может оцениваться в категориях этики и морали, что может сыграть важнейшую роль в определении места «будущей дислокации» его души. Несколько «земные» критерии определяют оценку его существования, хотя и они играют немаловажную роль.

С точки зрения этики и морали особо ценится умение «самостоятельно строить свою жизнь» («make one's own life» - «sakutari skhovrebis damoukideblad askoba» (самостоятельно строить свою жизнь)). Универсальную значимость имеют высказывания, ставшие достоянием мировой культуры и иллюстрирующие общее понимание морально-этических принципов: «Better die standing than live kneeling» (Лучше умереть стоя, чем жить на коленях); «Бояться надо не смерти, а пустой жизни» (Брехт); «Умирают только за то, ради чего стоит жить»

(Экзюпери); «A man can die but once», «Умереть человек может лишь один раз»; «Better a glorious death than a shameful life»; «Лучше смерть, но смерть со славой, чем бесславных дней позор» (Руставели);

Противопоставление различной аксиологии «жизни» и «существования» можно продемонстрировать на примере: «Live not to eat but eat to live» (Живи не для того, чтобы есть, но ешь для того, чтобы жить).

Показательны и другие сентенции, касающиеся интересующего нас вопроса: «A loveless life is a living death»; «Live and learn» – «век живи-век учись» – «scavla siberemde» (учеба до старости); «Live and let live» - «Сам живи и другим не мешай».

«While there is life there is hope», «пока человек жив, он надеется», «sanam vsuntqav-vimedovneb» (пока дышу – надеюсь); «Life is great if you don't weaken» - (посл.) «жизнь прекрасна, если человек не падает духом».

Наряду с осознанием величия жизни, человек видит, что она может состоять и из мелочей: «Life is made up of little things»; «life is not all beer and skittles».

«Мелочи жизни» / «skhovrebis cvrilmanebi» могут заключать в себе всю сладость и горечь жизни - «The sweet and the bitter of life».

Прагматическая оценка «образа жизни» («mode of life» - «skhovrebis wesi») связана с «принципами жизни» («essence of life», «skhovrebis principebi»). «Плотские» удовольствия ориентированы на такие свойства, как легкость, богатство, роскошь, власть («приятная» / «лёгкая жизнь» - «lagi», «saamuri sicocxle», «bed of roses», «a life of heedless pleasure and luxury», «path strewn with roses», «mefuri sxovreba» (царская жизнь) – «live in grand style», «live like a prince» (or lord) - «жить в роскоши», «жить припеваючи» - «fufunebashi skhovreba»). Если бедность не считается пороком, то беспутная жизнь («lead a fast life» - вести беспутную жизнь, прожигать жизнь – «uceso skhovreba») вызывает всеобщее осуждение, как и вечные ссоры («Cat – and – dog life » - «живут как кошка с собакой», «Live like a fighting cocks»).

Определенное сочувствие вызывает сложная жизнь: «dog's life» - «собачья жизнь», «Live on air»; «Live on nothing»; «Live on wind pudding» - «питаться воздухом», «питаться манной небесной», «haerit» (питаться воздухом) /bus kverckhebit kveba» (букв. есть свиные яйца).

Особое место занимает воздействие на жизнь. Многообразны и действия, связанные с жизнью:

«Отравить кому-нибудь существование», «скрасить жизнь» – sicockhlis galamazeba - to brighten up one's life, to add charm to life. Превратить жизнь в ад - to save one's life, seek somebody's life - дорого продать свою жизнь – угрожать жизни, sell one's life dearly - дорого продать свою жизнь и т.д.

Борьба жизни и смерти (сражаться не на жизнь, а на смерть – samkvdro-sasicocxlo brdzola) проходит с переменным успехом. Особо она обостряется в ситуации, граничащей с финальной стадией человеческого существования.

Здесь возможно состояние относительного равновесия:

Находиться «между жизнью и смертью» – «be half way between life and death / Neither alive nor dead», «cockal-mkvdari» (ни жив, ни мертв).

Временное равновесие может получить различные сценарии развития. Ситуация может оцениваться как критическая: «на пороге смерти», «на краю могилы», «на грани смерти», «быть на волосок от смерти», «At the point of death», «to be at death's door», «On the brink /verge/of the grave», «One foot in the grave», «Within an inch of death», «в когтях смерти», «in the jaws of death», «On one's last legs/ pins» - «sikvdilis piras» («на последнем издыхании»), в «предсмертной агонии», «death agony», «kheldan eclba» (выскальзывает из рук), «sikvdilis piras» (на краю смерти), «didi dge ar uweria» (его дни сочтены), «agsasruli dgeba» (настает конец), «zarma chamokra» (час пробил).

При удачном развитии событий возможно «возвращение к жизни» - «gamococxleba», «coming back to life», «воскрес», «ожил», «revives»; «comes back to life», gadarchena (выживание), «survive», «gaukhandzlivebs sicocxles» («продление жизни»), «extend the life».

Конец жизни (финальная стадия процесса жизни) представляет собой разъединение духа и плоти (sulisa da xorcis gayra - разделение души и тела - separation of body and soul), когда с «последним вздохом» (last breathe, ukanaskneli amosuntqva) открывается путь в неведомый мир.

При всем разнообразии номинаций («bednieri dasasruli»/ «счастливое избавление»/ «a happy release», «уход со сцены» / «quit the stage», «mochama wutisofeli /dro» (поглотил время), «отбросить коньки», «испустить дух»; отдать концы: - slip one's breath, дать дуба, загнуться, to pop one's clogs, kiss of death) суть одна - душа расстается с телом и переходит в новое измерение.

Несмотря на многообразие религий и идеологических систем, только атеизм отрицает возможность продолжения жизни после смерти. Место «будущей дислокации» зависит от нравственной стороны прожитой человеком жизни. Грешные души после смерти должны снова и снова проходить круг перерождения (реинкарнацию), пока не достигнут совершенства. Согласно христианской и мусульманской религиям человек попадает в рай или ад. Особую трактовку дает буддизм, согласно которому трансформируется форма существования человека, душа которого может переселиться в разные биоформы. Смерть – это всего лишь переход из одной жизни в другую, переоблачение из старой одежды в новую (Бхагавад-Гита).

После смерти тела человека душа, согласно этим представлениям, продолжает полностью сознательное существование, и её дальнейшая судьба определяется Богом на суде (сначала предварительном, затем Страшном), и дальнейшим местом пребывания души является либо рай, либо ад. Согласно этим взглядам судьба души при этом решается на так называемом частном суде, непосредственно после смерти человека. А после всеобщего суда душа соединяется с воскресшим телом, и её ждет или вечная жизнь или вечное мучение в аду (геенне огненной).

В христианстве понятие «душа» неразрывно связано с понятием спасения. Под спасением души подразумевается спасение человека от вечного наказания за грех (в аду, или геенне огненной). Спасение достигается посредством веры в смерть и телесное воскресение Иисуса Христа и покаянием перед Богом. Большинство христиан считает, что после воскресения умерших, души спасенных людей воссоединятся с телами и в этих телах получат вечную жизнь

С точки зрения «перспективы» в новом мире (пространстве) возможны следующие случаи: Предстать перед господом – To appear before the Lord/ Deport to god, Uplis winshe warsdga, возможно обретение «вечного покоя на небесах», «to find eternal peace», rest in the Lord, «упокое в мире», «мир праху», «rest in peace».

Покой ассоциируется со сном: «почить вечным сном» – «to rest in eternal sleep» / «saukuno dzili» (уснуть навеки, или вечным сном), «смежить очи» – «to take one's last sleep», «ganisveneb» (обретет покой), «nateli daadgeba» (будет благословен), will be blessed.

Тело грешника (по словам Шекспира) вскормит червей: «Be meat for worms» или будет поглощена землей («mica shechams» – букв. земля съест), а перед душой откроются врата ада.

Наилучшей перспективой анализируемые культуры считают прощение Господом человеческих грехов, после чего «открываются врата рая» («Paradise's doors opened to sb», «gaegeba samotkhis kari» (откроются врата рая), «Heaven's gate will open») и наступает вечное блаженство.

Таким образом, мы попытались представить «жизнь» и «смерть» как полярные сущности, объединенные в структуре единого хронотопа, что позволило увидеть национально–культурную специфику анализируемого явления в сопоставительном ракурсе.

Литература:

1. Антипова А.С. Ассоциативная связь "смерть" и "слава" как диахроническая константа в картине мира англичан // Вестн. НГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск, 2007, т.5, вып.2.
2. Атурина Г.В. Анализ семантически сопряженных категорий "жизнь" и "смерть" : (На материале английского языка) // Человек. Язык. Культура. - СПб.,2007.
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1998
4. Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
5. Богомолова О.В. Концепт "смерть" и менталитет русского народа // Этногерменевтика : фрагменты языковой картины мира. - Кемерово, 1999.
6. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 1-е изд. М.: «Наука», 1987
8. Маслова В. А, Лингвокультурология. М., 2004.
9. Моисеева С.А. Восприятие концепта "смерть" в русском и французском языковом сознании // Проблематика смерти в естественных и гуманитарных науках. - Белгород, 2000.
10. Салалыкина Ж. В. Понятие «смерть» в русском языке (опыт концептуального анализа семантического поля): дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2003.
11. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995.
12. Уфимцева Н.В. Русские: опыт ещё одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996.
13. Ухтомский А.А. Доминанта. - СПб.: Питер, 2002.
14. Фесенко Т. А. Концептуальные основы перевода М., 1999
15. Хо Сон Тэ. Концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в русском языке: (На материале фразеологизмов и паремий) . АКД, М., 2001.
16. Чернейко Л.О. Концепты жизнь и смерть как фрагменты русской языковой картины мира // Филол. науки. - М., 2001. - № 5.
17. Шафиков И.С. Концептуальна ясфера "смерть" в семантике глагольных единиц в английском языке // Теория поля в современном языкознании. – Уфа, 2002.

GEORGIAN LANGUAGES

The aim of the work is to study through language definite types of human consciousness and to single out the ethnic mentality of Georgian, Russian and English peoples and to make their description with the help of key concepts “life” and “death”, which are considered the mirror of national culture. Research on the nature of linguistic and cultural similarities and differences can play a positive and constructive role in harmonization of intercultural communications.

Георгий Жужунашвили

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИЗ ИСТОРИИ
ЦЕРКОВНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И ГРУЗИИ**

(рецензия на статью Антона Рыбакова «В «области кесаря»: проблема статуса и структуры Грузинской православной церкви после отмены автокефалии (первая половина XIX века)» //Ab Imperio/3/2010)

«После воссоединения Царства Грузинского с Российским государством грузинская церковь обязательно должна была присоединиться к правлению Святейшего Синода.

Существование Католикоса неприемлемо в новом правлении.

Без сомнения, вы догадывались об этом и ранее...»

Из письма Императора Александра I

к Католикос-Патриарху Антону II

Россия смогла добиться в Грузии того, чего безуспешно добивались многие империи на всем протяжении истории этой страны – Грузия была полностью ассимилирована институционально: страна потеряла независимость, перестала существовать как государство, стала одной из российских губерний. Изменения коснулись всех сфер человеческой деятельности, ими проникнуты все отрасли и сферы грузинской культуры на протяжении XIX-XX веков.

В качестве «друга и покровителя» призванная единоверная Россия сразу же показала истинное лицо. И проявилось это в самых низких формах: «не понимая того», она проглотила целую нацию. Во всех сферах проводилась поголовная русификация (в особенности, в системе образования), денационализация общества (особенно это чувствовалось по отношению к православной церкви в Грузии). Российская империя всячески стремилась культурно ассимилировать грузин. (См.: Куталадзе Г.Д., Жужунашвили Г.Д. *Периферийность «центра» в современных национальных исторических нарративах – Forum AI/ Ab Imperio, 1/2012. Казань. с. 70-72).*

Противостояние культур особо резко проявилось в период церковных реформ. В I четверти XIX века религиозная политика для России была основной составляющей внешней и внутренней политики. На ее основе определялись все основные направления правительственных решений. Это было вызвано тем, что в то время мировоззрение русского общества все-таки было религиозным, политика правительства вытекала из отношений

светских и духовных властей, из распространенного в обществе мнения о характере вмешательства первых в дела вторых.

Тут же отметим, что религиозную политику в большей степени определяло желание модернизации русской государственности со стороны высших властей, она должна была стать источником становления стабильных социальных отношений внутри страны и интеграции государства в европейское содружество. (*Подр. см.: Е.А. Вишленкова. Религиозная политика в России (первая четверть XIX в.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. Казань. 1998*). Однако теоретические суждения не всегда соответствовали реальности. И реформы, проведенные во время правления Александра I, оказались неоднородными и непоследовательными. Особенно это нужно сказать о церковных реформах, так как поддержка «титульной церкви» в многонациональной и мультиконфессиональной империи приводила к неоднородным последствиям: с одной стороны, ее поддержка и репрессивные меры по отношению к другим конфессиям привели к разрозненности общества, с другой, вызвали стагнацию духовной жизни.

Но худшая ситуация создалась в Грузии – в единоверной стране, где грузинская церковь (и не только!) из союзника превратилась в противника не только церковной, но и, вообще, русификаторской политики имперских властей.

Исследованию именно этих вопросов посвящается работа Антона Рыбакова.

Названная статья нас заинтересовала по нескольким причинам: 1. Выводы интересны тем, что они принадлежат русскому исследователю. 2. Антон Рыбаков давно исследует вопросы российско-грузинских церковных взаимоотношений и является автором нескольких интересных работ. 3. Вопросы, которые рассмотрены в статье, и по сей день актуальны.

Рассмотрим эти выводы подробно.

В 1917 году, когда на грузинском языке был напечатан перевод труда Николая Дурново «Судьбы грузинской церкви (По вопросу о Грузинской церковной автокефалии)» (М. 1907), в грузинском предисловии Трифон Джапаридзе писал: «Грузинскому обществу Дурново представляется яростным защитником грузинской церкви. Среди русских писателей это не только редкий, но и единственный случай... Его личность и его позиция по отношению к грузинской церкви и вправду заслуживает большого интереса». (<http://darbr.webs.com/destiny.pdf>).

То же самое мы можем сказать и об Антоне Рыбакове.

Ниже рассмотрим позитивные стороны рецензируемой статьи и позволим себе дать некоторые замечания автору.

- Статья основывается на интересных воззрениях европейских и американских ученых. В частности, основываясь на работе Nikolas K. Gvosdev – *Imperial Policies and Perspectives towards Georgia, 1760–1819*, автор рассматривает сложившуюся ситуацию, а опираясь на идею «Конфессионального государства» (Robert Crews. *Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia*), - видения ориентализма (Edward W. Said) и теории современного государства (Gregory L. Freeze), Антон Рыбаков старается объяснить процессы, происходящие в Российской империи и, в частности, в Грузии в I трети XIX века.

- В статье автор пытается сравнить друг с другом существовавшие договоренности между российскими и грузинскими светскими и духовными официальными лицами с осуществленными практиками и показать их взаимоотношения, доказать, что различие между ними вызвано частыми изменениями в самой империи и, в известной степени, даже «самовольностью» отдельных лиц. По этому поводу он пишет: «После же восстания в Западной Грузии, когда “ослушание” и поспешность российских духовных властей во главе с экзархом Феофилактом, по авторитетному мнению главноуправляющего А. П. Ермолова, привели к самым серьезным последствиям – необходимости применять силу, кровопролитию и жертвам, мнение гражданской власти в церковных вопросах стало, как минимум, равным по своему весу мнению экзарха».

- Впервые дается сравнительный анализ проектных предложений и деятельности авторов этих проектов (экзархов Варлаама, Досифея, Феофилакта).

- Интересно анализируется постреформная реальность, как со стороны догматики, так и с учетом повседневного быта.

- Авторские выводы подтверждают основные выводы, которые фиксируются в литературе по этому вопросу, но отличительным является то, что примеры из повседневной жизни придают им убедительность.

- Впервые в историографии автор старается доказать несостоятельность реформы, опираясь на новую пространственную организацию церкви в Грузии. В частности, он пишет: «Значение пространственной организации церкви трудно переоценить, особенно в природных условиях Грузии... Каждая церковь, исходя из тех природных условий, в которых она существует, в течение столетий своей истории определяла оптимальную для себя форму своего территориального устройства... В истории церкви трудно, если вообще возможно, найти прецеденты, когда бы традиции пространственной организации одной церковной структуры переносились бы на каноническую территорию другой. Реформы Грузинской православной церкви, проводившиеся российской администрацией всю первую половину XIX в., являются, пожалуй, одним из редких примеров подобного “экспорта”».

Благодаря необдуманной, точнее целенаправленной имперской политике, открытое толерантное грузинское общество закрывается в самом себе, становится индифферентным к своим духовным началам.

- Вследствие этого мы получили отчужденное общество: «С этой точки зрения итоги форсированной секуляризации русского и грузинского обществ оказались во многом схожи: церковь и духовенство уступили свое культурное первенство вестернизированной светской интеллигенции, не имея уже возможности на равных конкурировать с ней в идеологическом и социальном отношении», или «В немалой степени причина этого заключалась в разрушении монополии Грузинской церкви на образование, которой она пользовалась до начала XIX в. Церковь утратила возможность формировать и ретранслировать культурный код грузинской элиты».

- Из авторских суждений о реформировании грузинской церкви особо отметим его отношение к изменениям в Западной Грузии: «Леван Дадияни и владетель Гурийского княжества Мамаи Гуриели лично объявили о готовности ввести духовенство своих владений в зависимость от экзарха Грузии. Но в то же время они открыто высказались о том, что

“всякая прикосновенность к имуществам” будет расценена ими как “монарший гнев”, поскольку они были пожалованы церквям и монастырям их предками и ими самими, и потому только от их непосредственной воли зависело всегда умножение или уменьшение этой собственности. Российской администрации пришлось признать, что требование от западногрузинских владельцев передачи имений церкви в ведение Синодальной конторы и экзарха фактически означало нарушение высочайше утвержденных трактатов на вступление этих княжеств в подданство Российской империи».

Автор внимательно наблюдает за процессами, которые происходят в Имерети, Гурии, Самегрело, Апхазети и Сванети, и приходит к заключению, что спонтанно начатым процессом расчленения грузинского общества имперские власти позднее великолепно воспользовались (вернее, попытались воспользоваться) для разжигания сепаратизма в названных регионах: «В условиях характерной не только для Грузии, но и Кавказа в целом этнической пестроты, дефрагментация местного социума была особенно трудной задачей, которая оказалась под силу, по сути, только церкви», «В более широком масштабе “вписывание” новых епархий в политико-субэтнические границы, как представляется, имело последствия в отдаленной перспективе. Не случайными в этом контексте были предложения, звучавшие из уст представителей кавказской администрации уже в середине XIX в. (например, первого наместника М. С. Воронцова) о том, чтобы готовить священников, способных служить на мегрельском и абхазском языках или вести проповедь в Сванети на русском языке».

Как уже отмечалось, мы имеем некоторые замечания.

- Первое и главное касается того, что автор в своих суждениях в основном опирается на выводы европейских авторов. И это тогда, когда за последнее время в Грузии вышло немало интересных работ. (Например, Акакий Варaziшвили: «Некоторые вопросы истории и автокефалии грузинской церкви», «Грузинские историки в борьбе за автокефалию грузинской церкви», Кетеван Павлиашвили: «История грузинской апостольской православной церкви 1800-1945 гг.», Священномученик Кирион Второй. За автокефалию Грузинской апостольской православной церкви. Архивные материалы. 1906 год, Иламаз Дадешкелиани: Автокефалия Грузинской православной церкви. Каноночески-правовой анализ», Леван Ткешелашвили: «Мученики митрополиты Грузии Досифей и Эквтимэ», Вахтанг Гурули: «Отмена автокефалии Грузинской апостольской православной церкви (1811-1814)», Хатуна Кокрашвили: «Религиозная политика России в Грузии (первая половина 19 века)», Сборник: А. Бендиашвили, Ал. Даушвили, М. Самсонадзе, Х. Кокрашвили, Д. Чумбуридзе, О. Джанелидзе. «Русский колониализм в Грузии», Эльдар Бабулашвили: «Грузинская апостольская церковь», «Грузинская православная церковь в период экзархата», Г. Рогава: «Религия и церковь в Грузии 19-20 веков», «Отмена автокефалии грузинской церкви», Гванца Бурдули: «Вопрос законности автокефалии грузинской церкви на предыдущем заседании церковного собора России (1906) и многие другие).

Выше уже отмечали и тут повторимся, что Антон Рыбаков сравнивает происходящее в Грузии с аналогичными процессами в России, но, к сожалению, воздерживается от более глубокого сравнения конкретных вопросов. Однако, эта конкретика была бы очень полезна.

(Ю. Кондаков. *Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века.*

http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/kond/index.php, М.В. Пулькин. *Межэтническое взаимодействие в православных приходах Олонецкой епархии: пути и формы преодоления языкового барьера (XVIII-начало XX в.). Нестор. 2000. №1, О.Н. Яшина. Земельные владения монастырей в Российской империи. Государственный контроль и секуляризация. "Два века". <http://dvaveka.pp.ru/index.htm?/Nomer9/jashina.htm> и др.).*

- При обсуждении проблем картвелологии автор допускает некоторую неточность: David Lang предшественник Ronald Suny.

- Опираясь на суждения Nikolas K. Gvosdev, автор заявляет, что «Гвоздев ведь совершенно справедливо указывает, что в среде грузинской элиты именно иерархи являлись, пожалуй, наиболее убежденными сторонниками заключения стратегического союза с Россией. Более того, благодаря влиянию, которое архиереи имели на грузинских правителей, а также их напряженным дипломатическим усилиям, в 1783 г. этот союз все-таки состоялся. Примечательно, что одним из главных аргументов в пользу его заключения со стороны грузинских первосвященников выдвигалось то, что “под российской опекой церковь будет защищена, а ее права, свободы и собственность будут обеспечены”». На наш взгляд, эта теза, как минимум, спорна.

- Также никак нельзя согласиться с суждением, что «... в доктринальном отношении Русская и Грузинская православная церкви тождественны». Во время посольства Торха Иванова на претензии членов посольства митрополит Алавердский Николоз ответил вполне убедительно. (Белокуров С. А. *Сношение России с Кавказом с 1578 по 1613 гг. М. 1888. с. 191*).

- Неубедительным кажется сравнение отношений русских и грузинских церквей с отношениями к армянской церкви.

- Не можем согласиться с выводами автора, что «после того, как значительная часть исторических земель Грузии была собрана Российской империей в своих пределах, начался процесс воссоединения разорванного исторического сознания грузин. Значительную роль в этом сыграла активно формировавшаяся новая грузинская интеллигенция... Однако примечательно, что в процессе “реконструкции” исторического пространства грузинская интеллектуальная элита второй половины XIX века мало рассчитывала на ресурсы церкви». Против этого вывода говорит то, что в начале XX века грузинская интеллектуальная элита боролась за автокефалию грузинской церкви.

- Для нас неприемлемы некоторые термины и высказывания. Например: субэтнос – субэтнический, феодальная структура или местные феодальные элементы, реканализация и др.

Несмотря на эти замечания, не побоимся повториться, что статья Антона Рыбакова вносит весомый вклад в исследования грузино-русских церковных отношений.

Валерий Ленахин

ДВЕ ЖИТИЙНЫЕ ИКОНЫ ПРЕП. СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Значение преп. Сергия для России сравнимо с ролью преподобных Иоанна Зедазнийского, Шио Мгвимского, Давида Гареджийского для Грузии. Правда, эти три великих подвижника жили на восемь столетий ранее Сергия. Сходство наблюдается во многом: они основали в пустыне монастыри, которые со временем стали огромными лаврами, они терпели голод, холод и жажду из-за отсутствия источника воды, они миловали всякую тварь, даже диких зверей, они исцеляли больных, они совершали посмертные чудеса. Так же, как святым Иоанну и Шио преп. Сергию являлась Богородица, а первый храм в основанной им обители Шио Мгвимский возвёл, как позже преп. Сергий, в честь Живоначальной Троицы. Не случайно в приёмной святейшего Патриарха Илии II на фреске, изображающей всех грузинских святых можно увидеть преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского. Святость – едина, ибо един Бог.

Древнейшее изображение преп. Сергия представляет собой шитый покров, который несёт на себе черты портретного сходства. Он находится в Ризнице Троице-Сергиевой лавры. Первая из дошедших до нас житийных икон преподобного даруется 1480–1492 годами. Святой изображён на ней по пояс, на полях – девятнадцать клейм. Происходит икона из Троицкого собора Лавры и приписывается мастеру из круга знаменитого Дионисия. Для данной статьи мы выбрали два житийных образа. На первой иконе (нач. XVI в., музей им. Андрея Рублева – илл. 01) в среднике изображён преп. Сергий в полный рост, на полях иконы – 17 клейм. На другой иконе (вт. четв. XVI в., Третьяковская галерея – илл. 02) в среднике помещено поясное изображение святого, а на полях 19 клейм, посвящённых отдельным эпизодам из жития святого.

Многие жанры древнерусской словесности, особенно церковные песнопения, можно рассматривать как словесные иконы какого-либо события или личности святого, поэтому между церковной живописной иконой и иконой словесной существует устойчивая взаимосвязь. Она явно прослеживается на примере житийных иконы, в частности, образов преп. Сергия Радонежского.

Как известно, сохранилось несколько житий святого. Воспользуемся одним из самых авторитетных – житием, написанным учеником преп. Сергия, Епифанием Премудрым и переработанным впоследствии Пахомием Сербом или Логофетом (Житие 1999: 254–411). Кроме жития обратимся также к двум службам святому: на преставление (5 июля; здесь и далее даты даются по старому стилю) и обретение мощей (25 сентября), привлекая тропари, кондаки, стихиры, каноны, акафист, а также молитвы к преподобному.

Принадлежащее перу Епифания житие преп. Сергия состоит из тридцати глав, вступления, похвального слова и молитвы. Какие эпизоды из жития святого агиограф выделяет в отдельные клейма? 1. «Начало жития Сергия». Здесь описывается чудо, предшествовавшее рождению – троекратный крик ребёнка, бывшего ещё во чреве матери, во время богослужения. Для агиографа этот эпизод указание и на избранность преп. Сергия, и на

предназначение: распространение почитания Пресвятой Троицы (Житие 1999: 263). 2. «О том, как от Бога было дано ему уразуметь грамоту, а не от людей». Здесь речь идёт о встрече со старцем, давшим подростку, звавшимся тогда ещё Варфоломеем, кусочек просфоры; съев её, Варфоломей получил не только знание грамоты, и понимание Священного Писания (Житие 1999: 277). 3. «О юных годах». 4. «О переселении родителей святого». Здесь повествуется также о кончине родителей, уходе Сергия с братом Стефаном в пустынь, построении первой деревянной церкви в честь Пресвятой Троицы и уходе Стефана, который не выдержал трудностей и лишений пустынного жителства (Житие 1999: 293). 5. «О пострижении Варфоломея, которое стало началом иноческой жизни святого». 6. «Об изгнании бесов молитвами святого». Здесь имеется в виду изгнание бесов из пустыни, с места, предназначенного для нового монастыря (Житие 1999: 303). Описывается также приход первых монахов, посвящение Сергия в иподиаконы, рукоположение в диаконы, рукоположение в священнический сан и поставление в игумены. 7. «О начале игуменства святого». 8. «О Иване, сыне Стефана». Брат преподобного Стефан привел к Сергию своего сына, которого постригли с именем Феодор (Житие 1999: 327). Впоследствии он стал епископом Ростовским. 9. «Об изобилии всего нужного». Здесь описывается чудесное доставление в монастырь хлеба неизвестными людьми. 10. «О бедности одежды и о некоем крестьянине». Этот крестьянин никак не хотел признать в бедно одетом монахе великого игумена Земли Русской. 11. «Об изведении источника». Преп. Сергий из-за жалоб братии на удалённость источника воды «изводит» новый на территории монастыря. 12. «О воскрешении отрока молитвами святого». 13. «О бесноватом вельможе». В этой же главе говорится о видении преподобному множества птиц, то есть умножении учеников преподобного. 14. «О создании общежителства». Здесь рассказывается о приходе послов из Константинополя от патриарха Филофея, принесение подарков, нового устава и введении этого общежительного устава. 15. «Об основании монастыря на реке Киржач». 16. «О епископе Стефане». Здесь речь идёт о святителе Стефане Пермском, который путешествуя в Москву, остановился напротив обители преп. Сергия и поклонился ему. Сергий же во время трапезы встал и ответил святителю поклоном и молитвой (Житие 1999: 363). 17. «Начало Андроникова монастыря». 18. «Начало Симонова монастыря». 19. «О видении Ангела, служащего с блаженным Сергием». 20. «О победе над Мамаем и монастыре на Дубёнке». 21. «О Голутвинском монастыре». 22. «О монастыре Высоком». 23. «О том, как хотели святого возвести на митрополию». 24. «О посещении Богородицей святого». 25. «О епископе из Константинополя», который был «неверием одержим о святем», за что был наказан слепотой, от которой был исцелён преп. Сергием. 26. «Об исцелении мужа молитвами святого Сергия». 27. «Обличение человека, попробовавшего посланную еду». 28. «О лихоимце». 29. «О видении Божественного огня» во время причастия за Литургией». 30. «О кончине святого». Далее следует «Слово похвальное» и молитва.

Обратимся теперь к житийным иконам преп. Сергия. Сначала скажем об образе из музея Андрея Рублёва. Какие темы выбирает иконописец для клейм? На первом месте стоит «Рождество Сергия». Это кажется естественным, но нельзя не обратить внимания на то, что на иконах, например, св. великомученика Георгия, апостола и евангелиста Иоанна Богослова, блаженного Андрея Юродивого, преп. Кирилла Белозерского, преп. Димитрия Прилуцкого,

блгв. князей Бориса и Глеба, иногда преподобных Зосимы и Савватия и других такого клейма нет совсем. Но с него, как правило, начинается серия клейм на иконах святителя Николая Чудотворца, великомученицы Параскевы Пятницы, Святителей Петра и Алексия Московских и других. Это связано, как можно предположить, с тем, что жития многих святых начинаются с предсказания о их рождении или с чудес, связанных с рождением. Об этом специально пишет Епифаний Премудрый в первой главе, приводя также и ветхозаветные параллели (Житие 1999: 273). По своей сущности празднование дня рождения – языческий обычай. В древности иудеи считали возраст человека от зачатия (отсюда и такие праздники, как «Зачатие праведной Анною Пресвятой Богородицы» (9 декабря), «Зачатие Иоанна Предтечи» (23 сентября). Празднование дня рождения Христианство заменило «днём ангела», именинами, празднованием памяти того святого, чьё имя человек получил в крещении. Изображение рождения святого на иконе было бы нонсенсом, если бы оно не соотносилось с житием. Из жития же человек знает, что еще до рождения ребёнка с ним произошло «страшное и преславное» чудо. Таким образом, в иконе мы должны видеть не собственно рождение младенца, а чудо, связанное с этим событием, которое лишь подразумевается, поскольку оно не изобразимо живописными средствами. Подтверждением такого взгляда может служить образ Рождества Христова, на котором чудеса – поющие или поклоняющиеся Младенцу ангелы, явление ангела пастухам, звезда, указывающая путь волхвам – дополняют главный образ Богородицы с Младенцем в яслях и более глубоко раскрывают смысл события.

В верхнем горизонтальном ряду в следующем клейме иконописец изображает встречу Варфоломея со старцем и получение чудесным образом дара грамотности и понимания Священного Писания. В конце XIX века этот эпизод стал сюжетом знаменитой картины М.В. Нестерова (илл. 03). Далее в первой иконе следует «Пострижение во иноческий образ», «Изгнание бесов», «Рукоположение в диаконы» и «Поставление в игумены». На этом верхний ряд клейм заканчивается.

Композиция жития преподобного, как правило, имеет трёхчастную структуру: а) жизнь до пострижения, б) жизнь в монашестве, подвиги и чудеса, в) кончина и посмертные чудеса. Конечно, внутри этих частей можно выделить более мелкие эпизоды и темы. Обращаясь к иконе, к верхнему ряду клейм, видим, что он посвящён как раз первой части жития святого от рождения до поставления в игумены, в которой выделено шесть эпизодов. О первых двух уже говорилось, а далее в житии идёт речь о поселении Сергия в пустыни и жизни там. Однако на иконе это не изображается. Иконописец выбирает пострижение как более важный эпизод. Безусловно, это один из важнейших моментов в жизни преподобного, и он достоин изображения. Однако при чтении жития нельзя не обратить внимания на следующее замечание агиографа: «Преподобный отец не принял ангельский чин до тех пор, пока не изучил все монастырские дела: и монашеские порядки, и всё прочее, что требуется монахам» (Житие 1999: 295). Пострижение, следовательно, лишь венчает его предшествующую жизнь, и она как бы в «снятом», в скрытом виде присутствует в пострижении.

По сравнению с житием, в клеймах не описываются приход Сергия в пустынь, выбор им места и основание монастыря, но клеймо «Изгнание бесов» восполняет их отсутствие. В житии рассказывается, что бесы явились святому и говорили ему: «Беги, исчезни отсюда и

более не живи здесь, на месте этом: не мы напали на тебя, но, скорее, ты попал на нас... Уйди, уйди с этого места! В поисках чего ты пришёл в пустыню эту?.. Зачем ты здесь обосновываешься?» (Житие 1999: 303).

Дьявол хотел прогнать преподобного, опасаясь, что Сергей воздвигнет на этом месте монастырь, «обитель священную», – так в житии объясняется этот эпизод. Что и сбылось сегодня, добавляет автор жития. Таким образом иконописный эпизод изгнания бесов символически соединяет в себе и приход в пустынь, и выбор места, и основание монастыря, то есть иконописец использует приём «суммирования» (о приёме суммирования см. Успенский 1970: 18–22). Всё перечисленное остаётся как бы за кадром, но при знании жития легко воспроизводится в памяти.

«Рукоположение в диаконы» и «Поставление в игумены» продолжают ряд клейм. В житии это описывается очень подробно и включает в себя ещё посвящение в иподиаконы и рукоположение в священнический сан (Житие 1999: 295–327). Здесь, следовательно, иконописец в двух клеймах объединил, суммировал четыре эпизода, выпуская промежуточные, которые общеизвестны, а потому в скрытом виде они всё же присутствуют в иконе.

В вертикальных рядах клейм, как правом, так и левом, изображаются чудеса преподобного или чудесные явления (клейма читаются слева направо). В левом верхнем клейме – чудесное изведение источника, свидетелем которого стал, согласно житию, «один брат» (изображён в клейме). Затем в правом верхнем и левом среднем клеймах изображается воскрешение отрока: в первом преподобный Сергей молится над телом умершего, во втором возвращает воскресшего отрока отцу. Здесь мы видим обратный приём: один эпизод «раскладывается» на два клейма. Это связано прежде всего с техническими трудностями живописного изображения эпизода, а также значением чуда. Если в верхнем горизонтальном ряду зрителю предлагалось как бы развернуть суммированные события, дополнить их, то в вертикальных клеймах зритель должен сам суммировать два клейма, чтобы в полной мере воспринять смысл изображённого события.

Правое среднее клеймо посвящено видению огня, сошедшего в потир, когда преп. Сергей причащался. Это очень важный эпизод, поскольку в последовании ко Святому Причащению, читаемому перед Причастием, оно сравнивается с принятием огня: «Якоже огонь да будет ми, и яко свет, Тело Твое и Кровь, Спасе мой, пречестная, опаляя греховное вещество, сжигая же страстей терние, и всего мя просвещая, поклоняйся Божеству Твоему» (Молитвослов 1970: 84). Или же в молитве преп. Симеона Метафраста: «Соделателю, да не опалиши мя приобщением: огонь бо еси, недостойная попаляяй (Молитвослов 1970: 93, ср. 96, 83). Выбор именно этого эпизода для клейма приобретает тем самым вероучительный характер: причастие – это небо на земле, это принятие Тела и Крови Христовой под видом хлеба и вина, которое в молитвах, в житии и на иконе выступает в образе Божественного огня. Причащение антиномично – при смирении и покаянии Божественный огонь «попаляет» грехи человека, очищает его и становится Божественным Светом, при «недостойном» же причащении (в гордыне и нераскаянности) опаляет самого человека, а грехи его умножаются.

В левом нижнем клейме изображено явление преп. Сергию Богородицы с апостолами Петром и Иоанном. Бесспорно иконописец выбрал из жития великое чудо, которого удостоились не многие святые, и оно должно свидетельствовать о святости преподобного, но, прибегая к нашему методу, мы должны значительно расширить смысл явления Богородицы. Одной из главных заслуг преп. Сергия, согласно его житию и Похвальному слову ему, является не просто основание монастыря, а обновление и «умножение» монашества и особое покровительство Божие, нисшедшее на его монастырь. В житии приводятся следующие слова Богородицы: «Не ужасайся, избранник мой! Ведь я пришла посетить тебя. Услышана молитва твоя о учениках твоих, о которых ты молишься в обители твоей, – не скорби больше: ибо отныне всего будет здесь в изобилии, и не только при жизни твоей, но и после твоего к Господу отхождения не покину я обители твоей, всё нужное подавая в изобилии, и снабжая всем, и защищая» (Житие 1999: 381). Таким образом, то, что невозможно изобразить живописными средствами, органично входит в сюжет клейма, благодаря знанию жития: явление Богородицы – это и подтверждение богоизбранности основателя обители, и свидетельство силы его молитв, и предсказание умножения достойных учеников, и обещание материального благополучия, и покровительства после кончины преподобного. Всё это суммировано в одном клейме. Именно это клеймо со временем стало самостоятельной и довольно распространённой почитаемой иконой (см. илл. 03).

В последнем клейме вертикального ряда (правом нижнем) изображён приход послов из Царьграда от патриарха Филофея, описанное в житии в главе «О создании общежительства». Выбор этого эпизода для клейма иконы также знаменателен. Сам приход послов из Константинополя свидетельствует лишь о широкой известности «игумена Земли Русской», и клеймо иконы в этом случае так и осталось бы свидетельством реального события. Обращаясь же к житию, мы видим, что главное в этом приходе послов не известность преподобного, не дары патриарха, а введение нового общежительного устава, по преемству полученного от Византии и распространившегося затем, благодаря преп. Сергию, по всем монастырям, основанным его учениками, и затем по всем обителям Руси.

Нижний горизонтальный ряд состоит из пяти клейм. В первом изображается исцеление константинопольского епископа, который был наказан слепотой за неверие в святость преп. Сергия, и исцелён самим преподобным. И здесь выбор темы клейма неслучаен. Епископ думал про себя: «Как может в этой земле такой светильник появиться?» Таким образом, как явствует из жития преп. Сергия, епископ был наказан за неверие в благодать Божию, почившую на преподобном и за превозношение над смиренным игуменом, усугубленное ещё и превозношением над землёй Русской. Исцеление Константинопольского епископа, это, следовательно, победа веры над неверием, смирения над гордостью и, косвенно, утверждение равноправия Византии и Руси.

Следующее клеймо посвящено исцелению благочестивого человека Захарии Бороздина, за ним – исцелению бесноватого. Эти чудеса имеют свои прототипы в Евангелии. Исцеление бесноватого особенно важно, поскольку именно в таких исцелениях наиболее явно проявляется власть святого над бесами, способность не только исцелить от телесных недугов, но и освободить духовных немощей и болезней, победить демонские силы.

Изображение кончины святого, его преставление в виде положения во гроб занимает заметное место в нижнем ряду. Это важнейший праздник в почитании святого. Выше говорилось о дне рождения. В церковной традиции истинный день рождения – это кончина святого, точнее, его преставление, поскольку это настоящий день рождения: рождение для вечной жизни в Царстве Небесном, это победа над смертью. День памяти большинства святых приурочен именно ко дню их кончины, или обретению мощей или же перенесению мощей. Преставление преподобного в православном понимании – наиболее яркое выражение антонимичного понимания онтологии святости. Ещё при жизни, как читаем в молитве преп. Сергию, он устроил душу свою в обитель Пресвятой Троицы, то есть живя на земле, пребывал на небесах. Но и после преставления, ещё более приблизившись к Богу, святой не отступает своим духом от оставшихся на земле (Минея 1988: 303). И при жизни, и после кончины святой – связующее звено между небом и землёй. Вторым по значению, а иногда и первым праздником святого обычно бывает обретение и перенесение мощей. Именно мощи святого являются одним из главных (но не обязательным) залогом не прерывающегося общения в Духе святого и всех молящихся к нему. В одиннадцатом иконе акафиста преп. Сергию поются такие хэретизмы:

Радуйся, яко от обители земные во обитель небесную водворился еси.

Радуйся, яко восходя там душою, нам мощи твоя святые оставил еси.

Радуйся, яко мощи твоя исцелевают всякие скорби и болезни.

Радуйся, яко мощей твоих демоны трепещут (Акафистник 1992: 248).

Как видно из этого икоса, мощи святого – это свидетельство пребывания святого на земле духом. И после преставления они лишь место особенно частого проявления его святости, исцелений, избавления от бед, изгнания бесов. Но, конечно, как известно, святой подаёт помощь просящему в любом месте.

Нижний ряд клейм заканчивается изображением исцеления слепого у раки с мощами преподобного. Это важнейшая деталь любой житийной иконы. Поскольку чудеса у раки с мощами святого продолжают записываться в течение столетий, постольку житие остаётся открытым в будущее, оно допускает дополнение текста описанием новых чудес, совершившихся по предстательству святого. Поэтому и в житийной иконе важное место занимают посмертные чудеса, которые не просто ещё раз свидетельствуют о святости, но выводят эту святость в действительность, приближают её к человеку. Изображая посмертное чудо, последнее клеймо не ставит точку, а как бы утверждает и призывает: молитесь преподобному и получите просимое.

Вторая икона преп. Сергия находится в Третьяковской галерее. В верхнем горизонтальном ряду на ней также шесть клейм, но по сравнению с первой иконой имеются «разночтения». Вслед за «Видением отроку Варфоломею» следует «Приведение старца в дом родителей». На первый взгляд этот эпизод кажется маловажным, даже излишним, но обратившись к житию, мы находим, что именно по пришествии старца в дом родителей преподобного выяснилось, что отрок чудесным образом научен грамоте. Именно старец сказал родителям о богоизбранности отрока, именно он истолковал троекратный крик

ребёнка в утробе матери как предвестие его особой любви к Пресвятой Троице. Здесь опять наблюдается, как клеймо указывает на житие, на его важный эпизод. Здесь нет рукоположения в диаконы. Таким образом, последнее клеймо (поставление в игумены) совмещает в себе четыре эпизода жития: посвящение в иподиаконы, рукоположение в диаконы, рукоположение во священнический сан и поставление в игумены. Происходит сложная, возможно, уникальная словесно-повествовательная и живописно-графическая контаминация четырех эпизодов, их суммирование (соединение двух эпизодов, как мы видели, встречается довольно часто).

В клеймах второй иконы по вертикали справа и слева помещён один эпизод, отсутствующий в первой иконе: это «Беседа преп. Сергия с поселянином». В клейме изображена собственно беседа преподобного с князем, поселянин же стоит за спиной княжеских слуг. Выбор этого эпизода на первый взгляд маловажного, можно объяснить также лишь при знании жития. Объяснение события содержится уже в названии соответствующей главы жития: «О бедности одежд (худости порт) Сергия и некоем крестьянине». Смысл эпизода в том, что крестьянин, горячо желавший увидеть преподобного, не поверил монахам, указавшим ему на игумена, из-за того, что на святом была сермяжная, ветхая, грязная, залатанная одежда. И он не верил до тех пор, пока приехавший в монастырь князь не поклонился преподобному до земли. Таким образом, смысл эпизода состоит не в беседе с неким человеком, а в нестяжании, в стремлении преподобного к бедности, в его полном отречении от имущества и материального достатка.

В нижнем горизонтальном ряду размещено пять клейм. Начинаются они с преставления преподобного, затем следует обретение мощей и три посмертных чуда. По сравнению с первой иконой здесь особенно заметно выступают различия. Во-первых, икона более цельно построена композиционно: верхний ряд (шесть клейм) – жизнь святого до поставления в игумены; вертикальные ряды (по четыре клейма) – чудеса; нижний ряд – преставление и посмертные чудеса, то есть клейма скомпонованы по принципу трехчастного жития. Во-вторых, на иконе имеется особое клеймо, посвященное обретению мощей (5 июля), которое празднуется в России не менее торжественно, чем преставление (25 сентября). В соответствии с этим в Минеях имеются две службы преподобному с разными тропарями, кондаками и стихирами. В-третьих, на второй иконе увеличено число посмертных чудес до трёх, что заметно (даже чисто зрительно) усиливает присутствие святого, ещё раз наводит на мысль о непрекращающейся помощи, оказываемой преп. Сергием всем верующим в силу его молитв. К этому же подводит и выбор чудес, относящихся к конкретным лицам: явление во сне Захарии Бороздину, явление и исцеление больного Семёна Антонова, явление архимандриту Иоасафу.

Нельзя не обратить внимания на то, что на этих двух житийных иконах (и на более ранних) нет клейма с эпизодом благословения преп. Сергием св. блгв. князя Дмитрия Донского перед Куликовской битвой. Здесь мы имеем ещё одно свидетельство относительно того, насколько тесная связь существовала между житием и житийной иконой. Дело в том, этот эпизод отсутствует и в житиях того времени. Естественно, что он не находит отражения в иконописи. Что касается житий, то здесь следует предположить, что великое значение самой Куликовской битвы и духовный смысл благословения преп. Сергия было осознано не

сразу. Во всяком случае впервые этот эпизод появляется в житиях и клеймах икон лишь в XVII веке.

Сравнение двух икон говорит о том, что иконописец никогда не был простым иллюстратором жития. Прежде всего он был свободен в выборе тематики клейм. Это можно сказать не только о мастере, который писал первую житийную икону святого, но и о других более поздних иконописцах, которые не копировали предыдущую житийную икону, а творчески переосмыслили её, опираясь на житие, на богослужебные песнопения и на личный художественный опыт. Кроме выбора тематики клейм к творческой стороне работы мастера следует отнести последовательность клейм, часто не совпадающую с житийной, а также композицию, которая заметно различается в клеймах разных икон. К тому же, на житийных иконах менялось число клейм: от 12–20 до 40–42, как например, на ярославских иконах XVII века. Особый интерес представляет икона преп. Сергия с двадцатью четырьмя клеймами: как установлено В.В. Филатовым, они написаны на основе жития преп. Сергия, составленного в 1646 году Симоном Азарьиным и содержащего девяносто девять глав (Филатов 1966: 277–293).

При анализе житийных икон, при сравнении жития и житийной иконы неизбежно возникает такой вопрос: какие эпизоды из жития иконописец пропускает и почему? Как считает И.А. Кочетков, иконописец не обращается к эпизодам, а) сходным между собой по содержанию, б) трудным для изображения или в) не имеющим готовых иконографических образцов. Как мы видели на примере двух икон преп. Сергия, сходные по содержанию эпизоды всё же изображаются и как можно наблюдать, изображаются нередко. Особый вопрос – трудные для изображения эпизоды. Безусловно, невозможно изобразить троекратный крик ребёнка в утробе матери или «худость порт» святого. Но как раз в том и дело, что иконописец никогда не буквалистски не иллюстрирует житие. Наличие или отсутствие сцены рождения святого – важный указатель на наличие или отсутствие чудес, связанных с рождением. К тому же мастер часто полагался на знание верующим жития данного святого. Если мы будем исходить из того, что клеймо является своеобразной суммой нескольких житийных эпизодов или же, наоборот, развёртывание одного эпизода на ряд сцен, то практически для мастера не останется «трудных» для изображения эпизодов.

Если говорить об отсутствии готовой иконографии для конкретного эпизода, то здесь надо сделать оговорку. Как известно, житие пишется по канону, он широк и относительно подвижен, но всё же предлагает определённые правила, набор готовых житийных форм и формул, связанных со спецификой жанра. То же самое, как нам кажется, можно сказать и об иконографии клейм. Новые иконографические решения появлялись, когда этого требовало новое житие прославленного святого или новое житие нового святого. Если какие-либо эпизоды жития «не устаивались» изображения в клеймах, то это происходило не потому, что не было готового иконографического решения или его невозможно было создать, а потому, что этот эпизод был менее важен, чем те, которые изображались. Или же он входил в изображение в «снятом» виде, благодаря приёму суммирования. В данном случае надо говорить о каноничности структуры, тематики и композиции житийных клейм, которые, несмотря на всю свою подвижность, не допускали серьёзных отклонений. Любое коренное «новшество», новизна в иконе могло быть воспринято и понято молящимся как «выпадение»

из лика святых и вместо свидетельства о святости икона могла стать сомнительным свидетельством о «подозрительной» святости святого. Кроме того, большая разница в клеймах или заметная смена тематики клейм на иконах одного и того же святого без сомнения мешала бы молитве, которая любит сосредотачиваться на привычном, на знакомом и так возносить свои прошения к Богу.

И.А. Кочетков отмечает, что текст службы святому не влиял на выбор иконописцем тем для клейм (Кочетков 1981: 342). Так ли это? Обратимся к двум службам преп. Сергия, принимая во внимание прежде всего тропари, молитвы, стихиры, каноны и акафист. Какие эпизоды из жизни преп. Сергия воспеваются в них прежде всего? В тропарях: поселение в пустыни, чудеса и исцеления (конечно, в общем виде, не конкретизируя их, поскольку это – восхваление и воспевание преподобного и повествовательный момент здесь не может иметь места), создание обители, «стада учеников» (Минея 1988: 292–293); в молитвах: устройство обители, явление Богородицы, исцеление телесных и духовных недугов (Минея 1988: 303–306); в стихирах: обретение мощей, троекратный крик в утробе матери, явление Богородицы, поселение в пустыни и изгнание оттуда бесов, обретение множества учеников, исцеления (Минея 1988: 285–302); в канонах: троекратный крик в материнском чреве, изведение источника, видение огня в причастной чаше, воскрешение отрока, приход послов из Царьграда (Минея 1970: 45–49); в акафисте: троекратный крик в утробе матери (упоминается шесть раз в разных икосах и хэретизмах), приход послов из Царьграда, множество учеников, явление Богородицы, явление огня в чаше (дважды), воскрешение отрока, чудесный привоз хлеба, изведение источника, посмертные чудеса (трижды и так же, как и исцеления в самом общем виде, пострижение, открытие мощей (четыре раза) (Акафистник 1992: 241–249).

Это перечисление свидетельствует, что эпизоды упомянутые в богослужебных песнопениях, все – прямо или косвенно – стали предметом изображения в клеймах. Особенно близко иконный набор клейм стоит к акафисту преподобному. Из тематики клейм в богослужении не упомянуто исцеление епископа, но многократно воспеваются исцеления вообще, в их совокупности, и не только бывшие, но и ныне происходящие и даже будущие. Не упоминается в богослужении поставление в игумены, но многократно преп. Сергей воспевается как игумен и своей обители, и всей Земли Русской. Не упоминается беседа с поселянином, но упоминается «худость риз» святого. Не воспевается видение отроку Варфоломею, но многократно указывается на предызбание Сергия от рождения. Таким образом, служба святому бесспорно оказывала влияние на выбор тематики клейм житийной иконы: во-первых, для обеих житийных икон выбрана большая часть эпизодов, которые воспеваются в службах святому, во-вторых, остальная часть клейм не прямо, но косвенно или символически восходит к службе или соотносится с ней. На этом основании можно сделать вывод, что служба святому служила для иконописца своеобразным ситом, сквозь которое он просеивал житие, можно сказать, многословное житие, отбирая из него наиболее значимые эпизоды для житийных клейм.

Литература:

Акафистник 1992 – Акафистник. Часть 1–2. М., 1992.

Житие 1981 – Житие преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия чудотворца. Написано премудрейшим Епифанием // ПЛДР. XIV – серед. XIV в. М., 1981.

- Кочетков 1981 – Кочетков И.А. Иконописец как иллюстратор жития // ТОДРЛ. Т. XXXVI. Л., 1981.
 Минея 1970 – Минея праздничная. М., 1970.
 Минея 1988 – Минея. Июль. Часть 1–3. М., 1988.
 Молитвослов 1970 – Православный молитвослов. М., 1970.
 Успенский 1970 – Успенский Б.А. К исследованию языка древней живописи // Жегин Л.Ф. Язык живописного произведения. (Условность древнего искусства). М., 1970.
 Филатов 1966 – Филатов В.В. Икона с изображением сюжетов из истории Русского государства // ТОДРЛ. Т. XXII. М.–Л. 1966.

Татьяна МЕГРЕЛИШВИЛИ

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ДОСТОЕВСКОГО В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНОСТИ

Творчество Достоевского изучено в литературоведении сравнительно глубоко, большинство исследователей опираются на хорошо проверенный материал. Но на современном этапе, лишенные спорных идей или научной заостренности, многие статьи и монографии, будучи вполне корректными, ничего не прибавляют к уже известному. Хорошо знакомый художественный мир Достоевского описывается заново, но под определенным углом зрения. Не имея претензий ни на исчерпывающий обзор, ни на фундаментальный анализ тенденций современного прочтения Достоевского, все же интересно понаблюдать за некоторыми характерными для сегодняшнего положения дел особенностями. Начнем с ситуации, сложившейся вокруг научного осмысления творчества Достоевского на данном этапе.

За время существования достоевковедения как раздела науки о литературе устоялась своеобразная цель, которую в принципе можно назвать основной. Наиболее точно она была раскрыта еще в труде В. Комаровича «Достоевский. Современные проблемы историко-литературного изучения» (1925).

Автор говорит о том, что в первое время работы над изучением творчества Достоевского (рубеж XIX и XX веков) «среди разнообразных задач историко-литературного анализа романов Достоевского выделялась – как основная – проблема идеологии» писателя. Действительно, именно идеологической насыщенностью отличаются произведения Достоевского. На фоне литературного ряда второй половины XIX столетия произведения Достоевского резко выделяются неповторимым своеобразием, которое заключается в остроте поставленных перед читателями «последних вопросов бытия».

Слава Достоевского в русской читательской среде началась с его Пушкинской речи, а всемирное «открытие» Достоевского началось после речи В. Соловьева, произнесенной им на похоронах писателя (1). Колоссальным рывком в изучении творчества одного из самых сложных русских классиков явилась работа Вяч. Иванова «Достоевский и роман-трагедия». Нетрадиционность, с которой Вяч. Иванов подошёл к изучению творчества писателя, заключается в том, что точка зрения Вяч. Иванова оказалась в своём роде стартовой, указав цели и задачи достоевковедения: нужно найти «узел, которым связаны воедино поэтика и философия Достоевского», тот главный «принцип мирозерцания» писателя, который можно увидеть в особенности построения его романа, в «законах» его поэтики (2).

За многие годы после того, как вышла в свет работа Вяч. Иванова, достоевсковедение (включая и исследования, выходящие в эмиграции) заложило богатую базу идей, на которых и основывается современная наука. Эту основу к 1990-м годам выстроили исследования творчества Достоевского таких известных литературоведов, как В. Комарович, Л. Гроссман, В. Виноградов, А. Бем, П. Бицилли, Г. Фридлендер, А. Долинин и т.д.

Конец XX – начало XXI века отмечен возникновением новых исследований, в которых творчество Достоевского изучается в контексте христианской морали. Заслуживает внимания работа В. Дудкина, который пытался провести параллель в творчестве Достоевского с творчеством немецкого философа Ф. Ницше (3). Однако в середине 1990-х годов стало ясно, что полноценное толкование произведений писателя, как и русской литературы в целом, не представляется возможным без решения важных дилемм теории литературоведения, имеющих связь с осмыслением именно православного дискурса русской литературы как самостоятельного явления на почве мировой литературы. Исследуя поэтику отдельных произведений, научное познание обнаружило насущную «задачу описания „общего знаменателя“ православной культурной традиции и степени воздействия этого „знаменателя“ на поэтику русской литературы Нового времени» (4).

Сегодня определились два совершенно противоположных мнения о характере религиозных взглядов писателя. М. Дунаев, занимаясь исследованием основ творчества Достоевского, делает такой вывод: «Вне Православия Достоевский постигнут быть не может, всякая попытка объяснить его с позиции не вполне внятных общечеловеческих ценностей малосмысленна. Конечно, некоторые истины можно извлечь из творческого наследия писателя и вне связи с его подлинною религиозною жизнью, но: без скрепляющей все основы всякое осмысление любой проблемы останется и неполным, и шатким, ненадежным» (5).

На другом полюсе находится мнение К. Исупова: «Для Достоевского – художника, мыслителя и публициста – нет трансцендентного Бога. Ни Троица, ни Отчая Ипостась его не слишком интересуют; он знает Богочеловека Христа в аспектах явления и чуда, кенотического Боговоплощения, знает его как Абсолютного Другого, но этот Абсолютный Другой осознан им преимущественно по эту сторону бытия как жертвенный идеал, нравственная норма, обетование Преображения и Спасения. Иначе говоря, Христос понят как имманентный человеческому феномен сверхчеловеческого» (6).

«Промежуточная» позиция, думается, наилучшим образом представлена точкой зрения А. Любомудрова, признающего, что Достоевский «приближался» к православным догмам, и его творчество во второй половине XIX века можно назвать «мощным противодействием» секуляризационным веяниям в культуре (7). Этот тезис, однако, сопровождают весомые оговорки, в частности согласие с точкой зрения В. Котельникова, считающего, что Достоевский не принимал «мистическое содержание православия», «обрядность и церковность», а также в корне неправильно трактовал христианское учение (8). В последних трудах были по пунктам раскрыты разногласия писателя с Православием: ересь, гностицизм.

Более сдержанная оценка была опубликована в статье Д. Григорьева, отмечавшего, что «у Достоевского есть сходство с „восточной“ антиохийской святоотеческой школой в основных для него вопросах: христологическом и антропологическом» (9).

На сегодня относительно невелико число работ, посвященных поэтике писателя. М. Бахтин еще в прошлом веке создал свою знаменитую монографию «Поэтика Достоевского», однако убедительной и обстоятельной полемики с бахтинской концепцией Достоевского нет; чувствуется лишь поверхностное и просто неверное прочтение. Часто идея двунаправленного слова Достоевского, как отличающая его от других реалистов, принимается, однако анализируются высказывания писателя и персонажей как сплошь монологические. Также следует отметить огромное число повторяющих друг друга работ о смехе, времени, фольклоре, фигуре повествователя, эпике и лирике, романтизме, европеизме и сентиментализме, этике и эстетике и т.п. Или, например, берется образ Христа и сравнивается, каков он у Достоевского и каков у Тютчева. Естественно, они в чем-то похожи и в чем-то различны (писатели-то все-таки разные). Так что едва ли это направление может породить интересные, перспективные работы.

Ещё раз возвращаясь к цели научного познания творческого наследия Достоевского, следует заметить, что в наши дни научное познание, как это ни странно, находится в начале своего пути к осознанию глубины характера творчества Достоевского, в определении реальной связи его поэтики и религиозно-философских воззрений. Возможно, именно на этой почве достоевковедение ждут уникальные и неожиданные открытия. Нельзя не согласиться с А. Звозинковым в том, что «перечитывание Достоевского в русле тысячелетней православной традиции позволит увидеть совершенно неожиданные глубины мистики и богословски осознанной им религиозности русского народа» (10).

А что же собственно современный литературный процесс? Насколько можно говорить о рецепции творчества Достоевского современной литературой? В созданной Достоевским парадигме «нашли место» книги разных современных писателей, стремившихся в своих художественных практиках собственные режимы мысли (ее логику, типы дискурса и пафос) идентифицировать «через Достоевского», а точнее – через манеру его письма и природу сознания героя. Самые разные произведения современной литературы – произведения В. Пьецуха («Новая московская философия»), Л. Цыпина («Лето в Бадене»), А. Мелентьевой («Девушки Достоевского»), В. Сорокина («Голубое сало»), Б. Акунина («Ф. М.»), Ф. Михайлова («Идиот») и многие другие тексты – своеобразные «медитации по поводу Достоевского».

Отдельного разговора заслуживает вопрос о «сквозных темах» русской литературы, восходящих к Достоевскому и интерпретируемых современными авторами. Как показывает анализ материала, именно актуальное присутствие в современной литературе Ф.М. Достоевского и его метода, названного писателем «реализмом в высшем смысле», позволяет особым образом типологизировать литературный процесс. Но как, по каким правилам проявляется это «участие»?

Анализируя современные тенденции восприятия прозы Достоевского современной прозой, можно выделить следующие составляющие этого процесса:

- дискурс Достоевского;
- дискурс сознания в «Записках из подполья» Ф. Достоевского и в поэме «Москва - Петушки» В. Ерофеева;
- образ нового «подпольного человека»;

- мотивный диалог, который строится по линии художественного переосмысления Легенды о Великом инквизиторе русской литературой рубежа XX-XXI вв.

Имя Ф.М. Достоевского сегодня показывает и характеризует способ бытия многочисленных дискурсов – философских и художественных, обнаруживающих даже в своей отличности релевантность его дискурсу.

Главной особенностью дискурса Ф.М. Достоевского, по-разному определяемого (11), является отражение особого способа бытия - двоемирия - взаимосвязи, взаимодействия, взаимопроникновения. Думается, здесь заложена и формула специфического типа дискурса Ф.М. Достоевского, которая определяет влияние писателя на литературу XX-XXI вв.

В крупнейших произведениях мировой литературы XX века мы наблюдаем проявление этого двоемирия, взаимопроникновение реального и трансцендентного, социального и экзистенциального. Можно обсуждать схожее явление и в литературном процессе XXI столетия. Были случаи, когда это единство разрушалось, когда писатели стремились показать экзистенциальное вне связи с реальным (модернистское сознание), изымали человеческий дух из повседневности в силу ее абсурдности, отсутствия в ней смысла или воплощения равнодушной покорности неотвратимому закону.

Иначе реальное и сверхреальное соотносятся в постмодернизме: постмодернизм, не отвергая абсурдности человеческого существования, тем не менее ищет связи с вечными, неизблемыми началами бытия. Попытки соотнесения реального и сверхреального, временного и надвременного, человеческого и общечеловеческого обнаруживаются, к примеру, у Ч. Айтматова («Плаха»), Л. Бежина («Калоши счастья»), Б. Васильева («Дом, который построил Дед»). Взаимопроникновение это специфически представлено в различных течениях современного литературного процесса. В постмодернизме – как диалог с хаосом (концепция Н. Лейдермана и М. Липовецкого) – обезумевшим миром, как предельная критика советской действительности, общего духовного «опьянения». «Опьянение» и есть проявление духовного хаоса, выразившегося в лозунгах-симулякрах, предмете иронии Венички, героя поэмы Вен. Ерофеева «Москва - Петушки», в душе которого живет вечная вера в Бога.

В постреализме двоемирие проявляется как взаимопроникновение двух миров: быт, пронизанный экзистенциальными, бытийными потребностями. У В. Маканина в романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» показан мир людей, преуспевающих в советском обществе и характеризуемых категорией «истеблишмент», и мир тех, кто протестует против них, против разного рода симуляций ценностей - совершенно другая форма «опьянения».

И, наконец, третий тип двоемирия в метафизическом реализме - у Ю. Мамлеева: с одной стороны, жалкая, скудная жизнь обывателей, приземленных, грубых, малоразвитых людей, а с другой - свойственная этим же людям неутолимая и необъяснимая жажда иной реальности – трансцендентной жизни.

Все это разные лики двоемирия. Но именно там, где проступают эти лики, взаимодействие реального и скрытого, и происходят важные художественные открытия, рассматриваемые как факты своеобразного «переоткрытия» Ф.М. Достоевского: диалогического обращения к нему современных писателей, исследующих феномен сознания современного человека, существенные перемены в структуре этого сознания. Главные

персонажи современных авторов - личности, как и герои Ф.М. Достоевского, исключительные, тоже «повиднее обыкновенных», с особым мировидением, но в этом мировидении преломились некие общие процессы в мышлении и самосознании людей переломной эпохи. Веничка Ерофеев (поэма «Москва - Петушки») в своих рассуждениях и своей судьбе отразил деконструкцию всей системы ценностей социалистического общества, обнажив тем самым изъяны советской ментальности. В романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» запечатлено важное социально-психологическое явление, ставшее специальным предметом художественного исследования русского писателя - «подсознание общества», социальный андеграунд как вариант «подпольного» сознания нашего времени.

Открытый Достоевским «подпольный» тип, муки сознания и самосознания которого стали отражением русского духовного кризиса, предстает сегодня в качестве архетипа. Писатель создал метафизическую матрицу особого мира – «подполья», в лабиринтах которого «встречаются» герои-антигерои произведений русской литературы XX-XXI веков. Веничка («Москва - Петушки»), Петрович («Андеграунд, или Герой нашего времени»), Вася Куролесов («Бегун»), Андрей («Дорога в бездну»), как и подпольные герои Ф.М. Достоевского (парадоксалист и Раскольников, Иван Карамазов и Ипполит Терентьев), - знаковые герои времени, которые не только могут и должны «существовать в нашем обществе, взяв в соображение те обстоятельства, при которых вообще складывалось наше общество», но и, «сохраняя свои исходные положения, переживать динамическую трансформацию, эволюционировать вместе с окружающим их миром» (12).

Таким образом, можно констатировать на сегодня не только необходимость изучения мало освоенной сферы «присутствия» Ф.М. Достоевского в литературе постмодерности, но и новые обоснования необходимости осмысления движения литературного процесса в аспекте творческой лаборатории автора, в плане ее новых модификаций. Традиционная методология работ по теме «классика и современность» сводится, как правило, к констатации «формального» сходства содержательных концепций и поэтики (выраженных сюжетом, образностью, лексикой) писателей. Подход должен быть иным: в нашем случае и на данном материале даже в сходстве отдельных частных явлений следует искать принципиальное развитие и трансформацию принципов творческого метода Ф.М. Достоевского в художественных исканиях современных русских прозаиков, в различных течениях современной русской литературы. Проблема диалога классики и современности в литературе последней трети XX – начала XXI вв., как представляется, должна ставиться в аспекте назревших задач литературоведения.

Примечания:

1. Комарович В. Л. Достоевский. Современные проблемы историко-литературного изучения. – 1925. – С. 4.
2. Комарович В. Л. «Достоевский. Современные проблемы историко-литературного изучения» – 1925, с. 7-9.
3. Дудкин В. В. Достоевский и Ницше. Монография. – Петрозаводск, 1994.
4. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1995, с. 380.
5. Дунаев М. М. Православие и русская литература. Ф. М. Достоевский. – Храм Святой мученицы Татианы при МГУ, 2002. – с. 284.

6. Исупов К. Г. Русская философская танатология // Вопросы философии.- 1994.- № 3, с. 19.
7. Любомудров А.М. «Христианство и русская литература», с. 29-44.
8. Любомудров А.М. «Христианство и русская литература», с. 223.
9. Д. Григорьев. Достоевский и церковь, с. 162.
10. Звозинков А. А. «Гуманизм и христианство в русской литературе XIX века» – 1994, с. 180.
11. Существует несколько воззрений по этому поводу: как реализм «символический» - С.Н.Булгаков, «онтологический», «мистический» – Вяч.Иванов, «психологический» - Г.М.Фридендер, «социально-психологический» - Ф.И.Евнин, К.И.Тюнькин, «философско-экзистенциальный» - И.И.Виноградов, «христианский» - В.Н.Захаров, «евангельский» - Ю.П.Иваск, «духовный» - М.М. Дунаев, А.М.Любомудров
12. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров / Семиосфера. – С.-Петербург: «Искусство–СПБ», 2000. – с. 150-390. С.156.

Валентин Никитин

ОТ ИВЕРСКОЙ ОБИТЕЛИ НА АФОНЕ – К ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ НА МАКОВЦЕ (ИНОЧЕСКИЕ УСТАВЫ ГРУЗИН-СВЯТОГОРЦЕВ И ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРЕП. СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО) (1)

Святая Гора Афон – ныне духовный оплот Православия в мировом масштабе – была избрана Самой Царицей Небесной и стала местом Ее чрезвычайного попечения. Сюда был отнесен бурей корабль с Пресвятой Богородицей, когда Она отправилась на Кипр, чтобы навестить «Лазаря четверодневною» (впоследствии епископ Кипра). На берегу бухты, где высадилась Пресвятая Богородица с апостолом Иоанном Богословом, находилось святилище Посейдона. Там и возник впоследствии знаменитый Иверский монастырь, а Афон стало принято считать вторым уделом Пресвятой Богородицы.

Первым же Ее уделом, выпавшим в Иерусалиме по жребию в 44 году по Рождестве Христовом, когда правитель Иудеи Ирод Агриппа воздвиг там гонение на христиан [обезглавил апостола Иакова и заключил в тюрьму ап. Петра], была и остается Грузия. Духовная связь Грузии, связь ее иноков с Афоном поддерживается вот уже более тысячелетия.

Древняя летопись «Жизнь Грузии» («Картлис Цховреба») свидетельствует, что грузинское монашество возникло еще в 4 веке, когда царь Мириан по совету святой равноапостольной Нины основал в Иерусалиме, на месте Лотова знамения, Крестовый монастырь («Джвари»). В самой Грузии монашество утвердилось позже, основателями его были тринадцать «сирийских» подвижников во главе с преп. Иоанном Зедазнийским. Скорей всего, это были грузины, возвратившиеся на родину для распространения и утверждения христианства. Ранее они подвизались в Лавре преп. Симеона Столпника и в других монастырях Сирии и Палестины. Именно отсюда, а также из монастырей южной Грузии (Тао-Кларджети, Шавшети, Хандзта и др.), где был переведен весь корпус патристической литературы и вся Библия, можно проследить связь грузинского иночества с Афоном. В монастыре Сабацминда, основанном в конце 5 века, к середине 6 века подвизалось множество грузин, построивших храм, в котором совершались богослужения по Иерусалимскому уставу, на грузинском языке. В 8-10 веках здесь сложился уникальный очаг грузинской духовной культуры, была осуществлена реформа грузинского литературного языка и разработана сабацминдская редакция Священного Писания. Творцом оригинальной грузинской гимнографии стал Василий Сабацминдели, плодотворно трудился здесь преподобный Иоанн-Зосима (10 век), автор «Похвалы и славословия грузинскому языку» (2).

В составе древнего грузинского Евхология сохранился полный иерусалимский Лекционарий VII–VIII веков, содержащий новозаветные и ветхозаветные чтения (3) . [Евхологий или Евхологион - богослужбная книга, являющаяся сборником молитв и чинов, взятых из «Служебника» и «Требника»].

Первоначальное монашество на Афоне было сугубо индивидуальное, пустынноческое, а потому никаких иноческих уставов, регулирующих монастырскую жизнь, включая структуру и порядок богослужений, на Святой Горе не было. То есть, не было рукописных книг, в которых записаны та или иные **уставы**. (Такая книга называется «Типикон»; от греч. τύπος – образец). Здесь следует пояснить, что основными параметрами, характеризующими богослужбный устав, являются *месяцеслов* (содержащий распределение праздников по дням богослужбного года), *лекционарная система* (определяющая состав и распорядок чтений Священного Писания в течение года), а также *литургические тексты* и *молитвословия* суточного круга богослужения (4).

Различают несколько монашеских уставов. Древнейший, четвертого века - устав Пахомия Великого (ок. 292 - ок. 348). Чуть позже появились «Пространно изложенные правила для монахов» святителя Василия Великого (ок. 330-379), епископа Кесарийского (М. Азия) - дидактический труд философа-платоника, и 12 книг «Об устройстве общежитий» преп. Иоанна Кассиана Римлянина.

К трудам этих теоретиков монашества и аскетизма примыкает Иерусалимский устав 6 века Лавры преп. Саввы Освященного (в грузинской транскрипции Сабацминда) и Устав преподобного Венедикта Нурсийского († 543), созданный примерно в то же время для монастыря в Монте-Кассино, в Италии.

К 9 веку относится Константинопольский или Студийский – устав Студийского монастыря, основанного в Константинополе римским сенатором Студием, впоследствии игуменом этой обители - преп. Федором Студитом.

Сравнение Иерусалимского и Константинопольского устава показывает, что лекционарные системы у них имеют общую структуру (рождественско-триодную), но существенные различия в месяцесловах и ориентированы на различные литургические тексты: в Иерусалиме это Литургия Апостола Иакова, в Константинополе – Литургия Василия Великого. В Иерусалимском Уставе есть всенощные бдения и поется великое славословие; в Константинопольском Уставе этого нет (в течение всего года служатся вечерня, полунощница, утренняя).

Иерусалимский Устав был написан для монахов, живших в рассеянных пещерах-келлиях и сходящихся в церковь только под воскресные дни и большие праздники, как это было в Лавре святого Саввы Освященного или в Шио-Мгвимском монастыре близ Мцхета. Константинопольский Устав создавался для монахов, живущих в одной ограде, в городе, под непосредственным попечением одного игумена.

Покровителем афонских монахов стал Византийский император Константин IV Погонат («Бородатый»), царствовавший во второй половине 7 века (654-685 гг.). В то время, спасаясь от нашествия арабов (завоевателей исламского халифата), тысячи монахов из Египта, Сирии, Палестины и Закавказья ринулись в Константинополь, прося защиты у Византии. В 680 году Константин IV своим высочайшим указом (хризовулом) отвел им для жительства и подвигов уединенный Афонский полуостров и закрепил за ними право вечного владения Святой Горой.

Выдающийся русский византолог, востоковед и археолог епископ Чигиринский Порфирий (Успенский; 1804-1885), викарий Киевского митрополита, ссылаясь на «письменные Памяти афонские», указывает, что первый грузинский монастырь на Афоне возник раньше, чем Иверский - в 8 веке (вскоре после 787 г.). Это был общежительный монастырь Афо, рядом с которым жил грузинский отшельник преп. Гавриил.

В начале царствования византийского императора-иконоборца Феофила (829-842) здесь принял постриг некий юноша, мать которого, опасаясь поругания иконы Божией Матери, тайно опустила ее в море близ Никеи. Рассказ об этом событии лег в основу предания о главной святыне Иверского монастыря - чудотворной иконе Божией Матери Портаитиссы (Вратарницы). Ее обретение на Афоне совершилось в период иконоборчества, охватившего Византию. Благодарение Богу, Грузия иконоборчества не знала.

В начале 9 века преп. Григорий Хандзтели, великий светильник Грузинской Церкви, духоносный старец и пламенный патриот, получил из Иерусалима устав Лавры Саввы Освященного, то есть, Иерусалимский устав. В «Житии Григория Хандзтели», написанном в 10 веке Григорием Мерчуле, приведены извлечения из этого устава, которые представляют большой интерес для специалистов по литургике. Под руководством преп. Григория Хандзтели в монастырях Юго-Западной Грузии, называемых «грузинским Синаем», переводились святоотеческие творения и богослужебные книги, создавались высокохудожественные литературные памятники, достигла расцвета литургическая поэзия. Преп. Григорий Хандзтели сияет в сонме грузинских святых, подобно преподобному Сергию Радонежскому в сонме святых земли Российской (5).

В 883 г. византийский император Василий I Македонянин (867–886) освободил афонские монастыри от уплаты земельных налогов. В дальнейшем императорские привилегии только возрастали, и Афон постепенно превратился в монашеский центр всей Византии. К 972 г. относится первый устав афонского монашеского сообщества - Типикон Иоанна Цимисхия, действовавший без значительных изменений на протяжении всей византийской эпохи.

Император Иоанн Цимисхий закрепил превращение Афона из прибежища отшельников в центр общежительного монашества. Произошло это вскоре после того, как киевский князь Святослав Игоревич заключил с ним (23 июля 971 г.) мирный договор по итогам войны, проходившей на Дунае в 968-971 гг. между Киевской Русью и Византией.

К тому времени Афон стал крупнейшим духовным центром Византийской империи, где мирно сосуществуют, сохраняя разные уставы и развивая разные литургические традиции несколько направлений православного монашества. На Афоне уже подвизались устроители общежительного монашества – святой Афанасий Афонский, основатель Великой Лавры (963), и его сподвижник и сопостник преп. Иоанн Мтацминдели, основатель Иверского монастыря (ок. 980-982). Они утвердили на Афоне Константинопольский Устав, на смену которому впоследствии придет устав Иерусалимский. Интересно отметить, что древнейший устав грузинского Шио-Мгвимского монастыря был разновидностью Иерусалимского.

С тех пор Великая Лавра и Иверский монастырь считаются монастырями-побратимами. Афон стал для Грузии Новым Иерусалимом и Афинами. Все афонские монастыри придерживаются византийского отсчета времени, согласно которому день начинается с захода солнца. Исключение составляет Иверский монастырь, где отсчет времени ведется от восхода солнца, как было у древних христиан.

В благодарность за помощь, оказанную грузинским полководцем Торнике Эристави (в монашестве Иоанн), который в 979 г. во главе 12-тысячного грузинского войска разбил мятежные полки Варды Склира, император Василий II Болгаробойца взял Иверский монастырь под особое покровительство и даровал ему статут полного самоуправления.

Василий II стал шурином великому Киевскому князю Владимиру, выдав за него замуж свою сестру Анну, с условием принять крещение. Князь Владимир с дружиной крестился в

крымском Херсонесе, а в следующем году в водах Днепра и Почайны крестил всю Киевскую Русь. Таким образом, уже в те далекие времена, как свидетельствует история, пути и судьбы Грузии и Византии, Византии и Руси тесно переплелись.

К 1-му десятилетию после основания Иверского монастыря (980-990) - относится появление на Афоне выходцев из Италии - Льва Беневентского, брата венецианского дожа (Беневенто Пандольфа II) и его учеников, которых гостеприимно принимали в Иверском монастыре. Грузинские иноки помогли итальянцам в создании единственного на Афоне латинского монастыря Амальфитанцев, организованного по уставу прп. Венедикта Нурсийского.

Преподобный Иоанн Мтацминдели перед своей кончиной (12 июля 998 или 1003 г.; по другим сведениям – в 1005 г.) создал иноков Иверской обители, преподал им благословение и вручил настоятельство своему сыну Евфимию.

14 лет был преподобный Евфимий игуменом Иверского монастыря.

Еще при жизни отца он разработал и ввел в повседневную жизнь насельников Иверского монастыря свой Типикон - «Правила и распорядок, утверждающие в вере», на основе составленного им ранее Малого Номоканона, объединив ряд канонических памятников греч. церковного законодательства, которые переработал и дополнил.

Трудами преподобного Евфимия Мтацминдели, сына и преемника преп. Иоанна, был введен *строгий монастырский устав по образцу палестинских обителей*. «Главные черты этого устава заключались в проведении полного равенства всех монахов и христианско-общественных начал жизни», - подчеркивает академик Иванэ Джавахишвили (1876-1940), основатель Тбилисского университета, который по праву носит его имя (б). Именно эти начала, эти духовные принципы были утверждены впоследствии в иноческой жизни Киево-Печерской Лавры, а затем на Маковце преподобным Сергием Радонежским.

Преподобный Евфимий служил высочайшим образцом иноческой жизни и столь преуспел в аскетическом подвиге, что стяжал дар чудотворений. С полным правом он был назван впоследствии на Поместном Русско-Урбнисском Соборе Грузинской Церкви 1103 года, созванном царем Давидом Строителем, «святым, блаженным и *просветителем Грузии*».

Сохранились сведения о том, что в 1008 году преп. Евфимию довелось иметь хозяйственное дело с русскими священнослужителями, жившими в Греции в селении Аравеникия недалеко от Солуни (слав. название г. Фессалоники). Павел Поплавицын, Иоанн Звездицын, Константин Всезелев и другие построили храм на участке земли, полученном в дар от Иверского монастыря.

Достоинным продолжателем преподобного Евфимия явился другой великий светильник Грузинской Церкви, выдающийся богослов и переводчик Георгий Мтацминдели (1009-1065). Его перу принадлежит ряд афонских церковных песнопений, переведенных впоследствии на европейские языки, в частности, знаменитый «Вечерний звон» - монастырская песня, ставшая русской народной в XIX веке. Благодаря высоким научным и литературным достоинствам, переводческие труды Георгия Мтацминдели были признаны образцовыми. И поныне Грузинская Церковь признаёт канонической редакцию Священного Писания, которая принадлежит его перу. Ему удалось убедить Антиохийского Патриарха Феодосия III (1057-1076) в законности автокефалии Грузинской Православной Церкви, сохраняющей

апостольскую преемственность от святых апостолов Андрея Первозванного и Симона Канонита. Грузинский царь Баграт IV предложил преподобному Георгию занять епископскую кафедру, но он уклонился от этой высокой чести. Как известно, преподобный Сергей Радонежский подобным образом отказался от предложения святителя Алексия, митрополита Московского, стать его преемником.

Братия Иверского монастыря поручили преп. Георгию взяться за изложение монастырской истории, и он с воодушевлением исполнил это послушание. «Житие святых Иоанна и Евфимия и повествование о достохвальных подвигах их» излагает историю Иверского монастыря на протяжении почти столетия (980-1060), сообщая множество драгоценных сведений о грузинской средневековой письменности. Преподобный Георгий строго соблюдал монастырский устав, введенный преподобным Евфимием. Он смело обличал корыстолюбие некоторых иерархов, уча народ словом и житием. Он содействовал посвящению в сан иерейский нескольких достойных простолудинов из числа крепостных, подчеркивая значение личных, а не сословных достоинств. Преп. Сергей Радонежский был поборником таких же воззрений и принципов.

В истории Иверского монастыря благословенным периодом мирной и благоустроенной жизни были годы царствования Тамары Великой (1178–1213), когда Грузия достигла культурного и хозяйственного расцвета. По всей стране строились многочисленные храмы и монастыри, оживились связи с диаспорой, в частности, с грузинскими монастырями в Палестине и в Византии. Есть основания считать, что именно тогда Иверский монастырь посетил Шота Руставели, дабы изучить труды преподобных Евфимия и Георгия. Благодаря их литературной деятельности, был создан чрезвычайно богатый грузинский литературный язык, который свободно может передать нюансы человеческих чувств и мыслей. Пользуясь поддержкой грузинских царей и покровительством византийских императоров, Иверский монастырь возрастал и украшался. Он имел несравненное значение для развития грузинской национальной культуры. Илья Чавчавадзе подчеркивал, что предки оставили грузинам "три божественные сокровища" - Родину, язык и веру. И в этой триаде отдавал предпочтение вере, поскольку именно в вере воплотились "родина, родная земля, нация".

Преемственную связь от Иверского монастыря к Троице-Сергиевой Лавре можно проследить через Киево-Печерскую обитель и труды ее основателей - преп. Антония и Феодосия Печерских. Не случайно Киево-Печерский монастырь принято считать третьим уделом Пресвятой Богородицы.

Русские монахи появились на Афоне позднее грузинских, лишь в начале XI века. Сперва в монастыре Ксилургу, а вскоре - в «старом» или «нагорном Руссике», называемом по другому «монастырь Фессалоникийца» (впоследствии ему унаследовал монастырь во имя св. вмч. и целителя Пантелеимона).

В XI веке некий Антипа, уроженец древнего города Любеч (ныне это скромный посёлок близ Чернигова), поклонившись святыням Царьграда (Константинополя), принял иноческий постриг с именем Антоний в одном из афонских монастырей. Пресвятая Богородица открыла игумену этого монастыря, что новопостриженному монаху следует идти к себе на родину, в Киевскую Русь. «Антоний! Иди обратно в русскую землю! Пусть там живущие через тебя утвердятся в вере христианской. Да будет с тобой благословение Святой

горы!» - услышал эти слова Антоний, вернулся в Киев и основал там Киево-Печерский монастырь, впоследствии ставший Лаврой.

Величайшая святыня Лавры – чудотворная икона Успения Божией Матери, находившаяся над Царскими вратами. Эта икона была вручена Самой Пресвятой Богородицей в 1073 г. во Влаернском храме Константинополя греческим мастерам - зодчим лаврского Успенского собора. В иконе первоначально находились мощи 7 мучеников, положенные затем храмоздателями в основание Великой Лаврской церкви. Ныне местопребывание иконы неизвестно... (7)

Киево-Печерский монастырь, возникший обособленно от княжеской власти, унаследовал Афонские обычаи и уставы. Рассказы о первых Печерских подвижниках наполнены описаниями их самоотречения и молитвенной борьбы с искушениями плоти. Годы жили Печерские иноки в пещерах, на хлебе с водою, нося суровые власяницы и перенося лютую стужу... Путь к спасению души и к вечной жизни, предложенный Антонием, поразил воображение русских людей и поднял авторитет нового монастыря на недостижимую высоту. Преп. Антоний Печерский (983-1073) издревле почитается на Руси как «начальник всех Российских монахов». Именем Антония названы Ближние (Антониевы) пещеры Киево-Печерской лавры и пещеры черниговского Троице-Ильинского монастыря.

В церковно-исторической литературе остается нерешенным вопрос: в каком из афонских монастырей он был пострижен? Относительно этого вопроса акад. Евгений Голубинский (1834-1912) произнёс свое безнадежное *ignorabimus* – не узнаем!..

А епископ Кирион (Садзаглишвили), будущий святитель Католикос-Патриарх Грузии Кирион III (8), аргументировано доказывал, что наиболее вероятным местом этого пострига был Иверский монастырь, «благоустроеннейший и гостеприимный, блиставший в это время на Афоне святою жизнью своих насельников и религиозно-богословским просвещением» (9). В своей книге "Культурное влияние Иверии на Русь" (Тифлис, 1910) он подчеркивает: «В древней Руси расписывали свои храмы по образцу Иверского монастыря [на Афоне], что без сомнения указывает на древнейшую религиозно-нравственную связь Руси с Иверией вообще и с этою святою обителью в особенности».

Ученик и постриженник преп. Антония преподобный Феодосий Печерский утвердил на Руси монашескую жизнь в форме общежития по Студийскому уставу. Он проповедовал основы христианской морали, призывал монахов полностью, «без уныния» отречься от мира, обличал своекорыстие и жадность иноков, последовательно и неутомимо выступал против феодальных междоусобиц.

Достойным преемником Антония и Феодосия Печерских стал преп. Сергей Радонежский. В 1337 году он основал небольшой монастырь с храмом во имя Святой Троицы на горе Маковец (храм был освящён в 1340 году). Образно выражаясь, Маковец стал «русским Араратом».

Поселясь в лесу на Маковце, преп. Сергей искал вначале только уединения, не помышляя о создании монастыря. Когда к нему стали приходиться другие иноки, искавшие такой же жизни, он не мог отказать им, возглавив небольшую обитель. Вначале она придерживалась скитского, то есть, особножительного устава. Каждый монах строил себе келию, добывал пропитание и готовил еду, а виделись иноки только в церкви. При этом более состоятельные отшельники оказывались в привилегированном положении по сравнению со своими бедными собратьями.

Преподобный Сергей решил избавиться от монастырского неравенства и ввел в обители общую трапезу. Житие рассказывает, что преподобный Сергей обходил келии иноков и выбрасывал то, что не полагалось по уставу. Он стал принимать на послушание в обитель всех желающих - юного и старого, больного и здорового, богатого и бедного. Каждый насельник обители должен был находиться в уединении, молитве, чтении или заниматься рукоделием. Преподобный Сергей запретил монахам выходить за стены обители для сбора милостыни. Он ввел в монастыре общее ежедневное богослужение в Троицком храме.

Добрая слава о преп. Сергии дошла до Царьграда: Патриарх Константинопольский Филофей Коккинос (ноябрь 1353-1354 и с 1364-1376) прислал ему в дар крест, облачение схимника и грамоту, в которой восхвалял за добродетельное житие и давал совет ввести в монастыре общинножитие. Надо сказать, что Патриарх Филофей сам был одним из выдающихся воспитанников и насельников Афона. По его совету и с благословения митрополита Московского свт. Алексия, преп. Сергей ввел в своем монастыре в 1355 году общинножительный устав.

По этому уставу у Троицких иноков всё было общим, и каждый член братства обязан был совмещать долг непрестанной умной молитвы с работой на общую пользу в монастыре. Такой уклад воскресил дух первохристианской общины, в которой «никто и ничего из имени не называл своим» (Деян. 4, 32), поскольку «у множества уверовавших было одно сердце и одна душа» (Деян. 4, 32). Сам о. Сергей шил братии одежду и обувь, а избытки от общего труда тратил на благоустройство обители и попечение о странниках. Считая целью иноческих подвигов спасение души, он именовал хозяйственные работы аскетическим термином «поделие». Деятельною любовью удалось укрепить ему сердечную связь монашествующих друг с другом и ввести их в тесное единение с народом.

По словам священномученика Павла Флоренского, «идея общежития, как совместного жития в полной любви, единомыслии и экономическом единстве, – назовется ли она по-гречески киноией, или по-латыни коммунной, всегда столь близкая русской душе и сияющая в ней, как вожденнейшая заповедь жизни, – была авторитетнее всего воплощена в Троице-Сергиевой Лавре и повсюду распространялась от Дома Троицы...» (10).

Бытует мнение, что преп. Сергей не покидал монастырских стен, принимая в них великого князя или московского первоиерарха. На самом деле, помогая духовным и светским властям преодолеть различные нестроения в церковной и государственной жизни, он не раз посещал различные города, - прежде всего Москву; бывал в Серпухове и Калуге, Голутвине и Нижнем Новгороде, совершая эти походы пешком, хотя ему уже было более 60 и 70 лет. Именно в этом одна из причин величания его «игуменом земли Русской», благодаря чему Н.В. Гоголь мог впоследствии призвать: «Монастырь ваш - Россия» («Выбранные места», из письма к графу Александру Петровичу Толстому, впоследствии обер-прокурору Синода). Вторая по древности и значению на Руси, после Киево-Печерской, Троице-Сергиева Лавра со второй половины XIV века приобрела исключительное значение, не только духовное, но и культурно-просветительное.

Учениками преп. Сергия было основано до 40 монастырей, насельники которых духовно возрастали, умножая навыки трудолюбия и нестяжательства. Троице-Сергиева Лавра

сыграла ключевую роль в свержении татаро-монгольского ига и объединении русских земель вокруг Москвы. Здесь в 1380 году преп. Сергей благословил войско князя Дмитрия Донского на сражение с ханом Мамаем.

На протяжении нескольких столетий обитель преподобного Сергия по своему влиянию и значению занимала первое место среди всех русских монастырей, являясь важнейшим духовным и культурным центром страны. В ее стенах трудились духовные писатели Епифаний Премудрый, Пахомий Логофет, Максим Грек, иконописцы преп. Андрей Рублев, Даниил Черный и многие другие подвижники, олицетворяющие славу Русского Православия.

Для Московской Руси и русского Севера преп. Сергей явился таким же ярким светильником веры и общительного трудолюбия, какими были в Киевской Руси преподобные Антоний и Феодосий Печерские, какими были на Афоне преподобные Иоанн, Евфимий и Георгий Мтацминдели.

Подобно основателям Иверского и Киево-Печерского монастырей, преп. Сергей насаждал в своей обители труд, культуру и образование. Большинство русских святых конца XIV – начала XV века были его учениками или собеседниками: святые Роман Киржачский, Кирилл Белозерский, Павел Обнорский, Афанасий и Феодосий Череповецкие – и многие другие. Это позволяет уверенно говорить о «школе преп. Сергия».

Древнейшая попытка зафиксировать монашескую традицию аввы Сергия была сделана духовником обители преподобным Епифанием Премудрым (+ ок. 1420), составителем его жития. Как видим из Жития, преп. Сергей вводил общежительные принципы не дисциплинарными мерами и не сразу. Здесь тоже уместна параллель с Иверским монастырем на Афоне. Своим духовным руководством преп. Сергей, так же, как святые Иоанн и Евфимий Мтацминдели, создавал сплоченную семью, приучая, подготавливая, возвращая, воспитывая братию своим собственным примером. Он сумел привить монахам общежительный дух и понимание высоких целей иноческой жизни. Более того, Преп. Сергию удалось утвердить в жизни Троицких иноков подвиг *странноприимства*. Под этим словом на Руси издревле подразумевали прием в свой дом богомольцев и странников, предоставление им ночлега и пищи. У русских людей это считалось делом богоугодным, как и гостеприимство у грузин. Вспомним, кстати, помощь насельников Иверона итальянцам в созидании латинского монастыря на Афоне.

Странноприимство было воплощением давней мечты преподобного Сергия, который считал эту добродетель исключительно важной и завещал её впоследствии ученикам.

Странноприимство было для него не просто заповедью о милосердии, но и деланием, возводящим к почитанию Святой Троицы. Явление Пресвятой Троицы в Ветхом Завете в виде Трех Ангелов произошло через странноприимство праотца Авраама. Преп. Сергию удалось соединить основные принципы общежительного монашества с догматом о Святой Троице. Единство лиц Святой Троицы, таинственно соединенных между собой Божественной любовью, ставилось им в образец иноческих взаимоотношений. Завет «странноприимства не забывайте» стал образцом отношения учеников Преподобного к миру.

В заключение следует отметить, что общежительные монастыри и поныне остаются школой подлинно подвижнической жизни, в которой формируются основные навыки

молитвенно-аскетического делания. Четвертым уделом Пресвятой Богородицы принято считать Серафимо-Дивеевскую обитель, основанную преподобным Серафимом Саровским. Так гласит благочестивое церковное предание. У нас достаточно оснований величать одним из благословенных уделов Царицы Небесной и Троице-Сергиеву Лавру, где Она являлась своему избраннику на Маковце.

Цитируемая литература:

1. Доклад на научно-практической конференции «Православие и современность». Тбилиси, 4 декабря 2014 г.
2. См.: Цагарели А.А. Памятники грузинской старины в Святой земле и на Синае. СПб., 1888; Джанашивили М.Г. Грузинские обители вне Грузии. Тифлис, 1899; Леван Менабде. Очаги древнегрузинской литературы за рубежом. – «Литературная Грузия», 1980, № 3, с. 198-207.
3. См.: Кекелидзе К. С. Иерусалимский канонарь VII в. (грузинская версия). Тифлис, 1912; Tarchnischvili M. Le grand lectionnaire de l'Eglise de Jerusalem (V– VIII siecle). Louvain, 1959–1960. Т. I–II (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 188-189, 204-205).
4. См.: Алексей Пентковский. Константинопольский и Иерусалимский богослужебные уставы. – «Журнал Московской Патриархии», 2001, № 4.
5. См.: Валентин Никитин. Преподобный Григорий Хандзтели, основатель "грузинского Синая", и его эпоха. К 1125-летию преставления. - "Журнал Московской Патриархии", 1987, №11, с. 61-63; 1987, №12, с. 56-60.
6. И. А. Джавахишвили. К истории церковных реформ в древней Грузии. Георгий Афонский.– «Журнал Министерства народного просвещения», 1904, ч. 351, отд. 2, с. 358–372; цит. с. 364.
7. Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра. - "Православие.UA".
8. Епископ Кирион (Садзаглишвили) - впоследствии священномученик Католикос-Патриарх Кирион III (1855-1918).
9. См.: Епископ Кирион (Садзагалишвили). Культурная роль Иверии в истории Руси. Тифлис, 1910.
10. Священник Павел Флоренский. Троице-Сергиева Лавра и Россия. – В кн.: «Троице-Сергиева Лавра», Сергиев Посад, М., 1919, с. 20.

Литература

1. И. А. Джавахишвили. К истории церковных реформ в древней Грузии. Георгий Афонский.– «Журнал Министерства народного просвещения», 1904, ч. 351, отд. 2, с. 358–372.
2. Епископ Кирион (Садзагалишвили). Культурная роль Иверии в истории Руси. Тифлис, 1910.
3. Священник Павел Флоренский. Троице-Сергиева Лавра и Россия. – В кн.: «Троице-Сергиева Лавра», Сергиев Посад, М., 1919.
4. Епископ Шемокмедский Илия (Гудушаури-Шнолашвили) [ныне Католикос-Патриарх всей Грузии Илия II]. Святой Георгий Мтацминдели (Святогорец). К 900-летнему юбилею.– «Журнал Московской Патриархии», 1966, № 6, с. 48–54.
5. Валентин Никитин. Преподобный Евфимий Иверский, Мтацминдэли (Святогорец). К 950-летию преставления. - "ЖМП", 1978, №12, с. 41-47.
6. Валентин Никитин. Преподобный Георгий Иверский, Афонский (Мтацминдэли) [Святогорец]. - "Настольная книга священнослужителя". Месяцеслов (март-август). Т.3. М., изд. Московской Патриархии, 1979, с.483-485.
7. Валентин Никитин. Иверский монастырь и грузинская письменность (к 1000-летию Иверского монастыря) // Богословские труды. М., 1982. Сб. 23, с. 94-118.
8. Валентин Никитин. Преподобный Григорий Хандзтели, основатель "грузинского Синая", и его эпоха. К 1125-летию преставления. - "Журнал Московской Патриархии", 1987, №11, с. 61-63; 1987, №12, с. 56-60.

9. Алексей Пентковский. Константинопольский и Иерусалимский богослужебные уставы. – «Журнал Московской Патриархии», 2001, № 4.
10. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Т. 3. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995.
11. Православная энциклопедия. Т. II, IV, V. М.: Церковно-научный Центр «Православная энциклопедия», 2001–2002.
12. Афонский Патерик: В 2 ч. М.: Русский на Афоне Свято-Пантелеимонов монастырь; Афонское подворье, 2002.
13. Гора Афон – гора святая. М.: Изд-во «Лето», 2002.
14. Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. Т. 1. М.: ДАРЬ, 2007.
15. Иларион (Алфеев), епископ [ныне митрополит Волоколамский]. Священная тайна Церкви. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007.
16. Материалы международной научно-богословской конференции «Россия – Афон: тысячелетие духовного единства». Москва, 1–4 октября 2006 года. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008.

ПАМЯТНИК ПРЕПОДОБНОМУ СЕРГИЮ

20-го сентября 1987 г. было намечено в Загорске (Сергиев Посад) установление памятника св. Сергию Радонежскому, санкционированное председателем загорского горисполкома Геннадием Поповым, о чем было сообщено в афишах, расклеенных по городу. На торжестве должны были присутствовать митр. Питирим, Вл. Солоухин, братья Лавры и Даниловского монастыря. Но 18 сентября в программе "Время" по центральному телевидению попытка установить памятник была названа провокацией и связана с деятельностью общества "Память". Очевидцы рассказали западным туристам, что ГБ бросило отборные силы, спецчасти перекрыли все дороги вокруг Радонежа. Памятник арестовали во время перевозки с квартиры художника, остановили подъемный кран (специальная машина шла из Данилова монастыря). Несмотря на шлагбаумы, лесом и полем прошли сотни людей, в том числе и активисты общества "Память". Накануне ночью варварски был разрыт фундамент памятника, разрушен цоколь; зияла яма, присыпанная землей.

Это место почитатели преп. Сергия завалили цветами... Активисты преклонили красные знамена и стали на колени, торжественно клянясь, что на этом месте все равно будет памятник преподобному. Приехал Попов, пытался успокоить, сказал, что проект памятника надо сначала поставить на обсуждение. Было пасмурно, дождливо. Внезапно прояснилось – и над Радонежем повисла огромная, яркая радуга... («ВРХД» № 150)

*Он вовек не поколеблется;
в вечной памяти будет праведник*

Пс. 112, 6

Забвенье – смерть, а смерть жестока;
Как жалок грешный человек!

Но тот, кто в памяти у Бога,
Он свят и не умрет вовек!
Зачем же памятник святому,
Чей дивный лик на образах,
Кто близок Божьему престолу
И кто прославлен в Небесах?
Ведь суетна мирская слава,
Ее порыв, ее привал!
Тебе не нужен, Сергей авва,
Ни памятник, ни пьедестал!
Но этот памятник нам нужен,
Как зримый о незримом знак,
Чтоб святостью обезоружен
Был супостат и Божий враг.
Россия, Русь! в слезах и с болью,
Но веру отчую храни!
Христовой спасена любовью,
Твой каждый храм - Спас на крови!..
Твои колокола веками
Мечту вселенскую поют..
Ты воплотила ее в камне,
И эти камни вопиют!
Мы все за прошлое в ответе,
Не надо громогласных слов!
Да, память – знание о смерти,
Но и к бессмертию любовь!
Бог – в тишине, в молитве строгой,
В сознание собственной вины..
Витии, вспомнили ли Бога?
Тогда о чем шумите вы ?..
Тебе не нужен, Сергей авва,
Ни памятник, ни пьедестал!
Но будет радуга и слава,
Чтоб Радонеж благоухал!

19.9.1987

Владимир Сарийвили

«СЕВЕР ДУХА»

(ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБРАЗ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО)

«Житие» всегда иконность придаёт изображаемому. Но, насколько можно чувствовать Сергия через тьму годов и краткие сообщения, в нём вообще не было улыбки. Св. Франциск душевно улыбается – и солнцу, и цветам, и птицам, волку из Губбио (речь идёт о наводившем ужас на округу хищнике, прирученном св. Франциском – В.С.). Есть улыбка – тёплая и жизненная, у св. Серафима Саровского. Св. Сергей ясен, милостив, «страннолюбив», тоже благословил природу, в образе медведя, близко подошедшего к нему. Он заступился перед братией и за простого человека. В нём нет грусти. Но как будто бы всегда он в сдержанной, кристально-разреженной и прохладной атмосфере. В нём есть некоторый север духа». (1) (Б.Зайцев. «Преподобный Сергей Радонежский». Глава «Общежитие и тернии», с.378. Далее ссылки на страницы указанного источника).

Так определяет в одном из ключевых своих выводов сущность святости преп. Сергия Радонежского замечательный русский прозаик Борис Зайцев, строящий своё повествование о житии основателя Троице-Сергиевой лавры на богатой палитре художественных изобразительных средств, главным из которых представляется нам антитеза – приём, порой переходящий в сопоставление образов, в ряде случаев - с элементами параллелизма. Причём, Б.Зайцев не всегда «сохраняет верность контрастно-сопоставительному принципу» (определение И. Ничипорова), нередко обогащая сопоставления, помимо контрастного, более «мягким освещением».

Повесть Б. Зайцева вышла в свет в Париже в 1925 г. А спустя 14 лет другой эмигрант, видный представитель консервативно-христианского направления в русской словесности Иван Шмелёв публикует рассказ «Куликово поле», смещая центр тяжести на раздумья о путях, приводящих к вере. Критики отмечают, что автору удалось добиться ощущения реального присутствия преп. Сергия Радонежского в этом рассказе.

Образ Сергия Радонежского вычерчивается – контурно или объёмно - и в рассказе Александра Солженицына «Захар-Калита»; и в романах Дмитрия Балашова, изданных в конце прошлого века; и в произведении Бориса Шергина «Свет Радонежа». Памятна нам и статья Валентина Распутина «Ближний свет издалека», в которой писатель даёт такую характеристику значимости личности святого: «Сергий Радонежский в каждой русской душе – как демиург (в значении, очевидно, творца из материи видимых явлений и чувственной души – В.С.) внутреннего мира».

Излишне говорить, что жизнь и деятельность величайшего российского подвижника стала объектом пристального внимания светочей русской религиозно-философской мысли: о. Сергия Булгакова, о. Павла Флоренского, И. Ильина...

В историографии ярким явлением стал труд Василия Ключевского «Значение преп. Сергия для русского народа и государства». "Примером своей жизни, высотой своего духа преподобный Сергей поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее. Он вышел из нас, был плоть от плоти нашей и

кость от костей наших, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь из наших была доступна» (2), - писал Василий Ключевский.

Список можно продолжить, но это не входит в нашу локальную задачу. Мы ограничимся стержневым рассуждением о литературном образе преп. Сергия, явленном со страниц повести Б.Зайцева, по сути – пересказа стародавнего «жития», в версии русского прозаика нового времени, тем не менее, исполненного глубокими, живыми и светлыми авторскими мыслями.

Б.Зайцев начинает свою палитру антитез с обобщающего: «Он (преп. Сергей Радонежский – В.С.) враг всем забывающим Христа, всем утверждающим себя и забывающим об Истине. Их очень много в наше время, когда «раздрание» мира зашло слишком далеко. Татары, может быть, не тронули Сергия, если бы и дошли до Лавры: у них было уважение к чужой религии. Митрополит Пётр получил от Узбека охранную грамоту для духовенства. Наш век в сознании полнейшей правоты разгромил Лавру, надругался над мощами Сергия – ибо поверхность века нашего есть ненависть ко Христу, мешающему быть преступником и торгашом». (с. 355-356).

Главным объектом сопоставления является в повести Б. Зайцева католический святой Франциск Ассизский. Причём параллели проводятся в высшей степени этично и деликатно, без всякого намёка на «что такое хорошо, и что такое плохо». Здесь в действии скорее чеховская «безучастность» - автор как бы предлагает: «смотрите, это так, как есть. И не мне в это вмешиваться, а вам судить». Хотя здесь следует оговориться – Б.Зайцев, «показывая», всё-таки анализирует, в основном не рассуждая, а констатируя. В этом – отличие Б.Зайцева от большинства авторов агиографических произведений, выступающих скорее в качестве летописцев, «запечатлевателей».

Приведём примеры:

«В нём (преп. Сергии Радонежском – В.С.) не было экстаза, как во Франциске Ассизском. Если бы он был блаженным, то на русской почве это значило бы «юродивый». Но именно юродство ему чуждо. Живя, он с жизнью, семьёй, духом родного дома и считался, как и с ним семья считалась. Потому к нему неприменима судьба бегства и разрыва» (с.359). Замечательно подмечает Б.Зайцев характерную черту преп. Сергия – долготерпеливость, в эпизоде, когда отец просит отрока Варфоломея: «...твоя благая часть не отнимется, только послужи нам немного, пока Бог не возьмёт нас отсюда». «Варфоломей послушался. Св. Франциск ушёл, конечно бы, отряхнул прах от всего житейского, в светлом экстазе ринулся бы в слёзы и молитвы подвига. Варфоломей сдержался. Выжидал». (с.361-362).

Ещё одним тонким и в какой-то мере парадоксальным наблюдением делится с читателем Б.Зайцев: «Трудолюбие мальчика и юноши Варфоломея оставалось неизменным и в игумене. По известному завету апостола Павла, он требовал от иноков труда и запрещал им выходить за подаянием. В этом резкое отличие от св. Франциска. Блаженный из Ассизи не чувствовал под собою земли. Всю недлинную свою жизнь он летел в светлом экстазе, над землёй, но летел «в люди», с проповедью апостольской и Христовой... Св. Сергей, православный глубочайшим образом, насаждал в некотором смысле западную культуру (труд, порядок, дисциплину) в радонежских лесах, а св. Франциск, родившись в стране переизбыточной культуры, как бы на неё восстал». (с.370).

Интересный и содержательный комментарий к этому наблюдению читаем у священника, доктора филологических наук, профессора МГУ Илии Ничипорова: «В стержневых главах повести («Выступление», «Отшельник», «Игумен», «Св. Сергей чудотворец и наставник», «Общежитие и тернии») выстраивается целостная аксиология (прежде всего в понимании системы ценностей как блага, сформулированной ещё Сократом – В.С.) пути Сергия к претворению в себе Божьего замысла. Существенны здесь авторские раздумья о вехах аскетического подвига борьбы святого за «организованность человеческой души, за выведение ее из пестроты и суетности в строгий канон», за обретение «духопроводности» души, дающей «ощущать Бога». Авторское слово, соединяющее в себе близость житийной стилистике и богатство образно-ассоциативного ряда, направлено здесь на раскрытие того, как в «прохладном и прозрачном духе» Сергия еще до принятия священства «из уединенного пустычника, молитвенника, созерцателя выросстал... и деятель» (3).

Ещё один, на этот раз полный драматизма выбор, стоявший перед преп. Сергием, «взвешивает» Б.Зайцев на «весах» сопоставлений. Речь идёт о благословении оказавшегося в сложнейшем положении, приехавшего к нему князя Дмитрия, прозванного впоследствии Донским, на жестокую битву с татарами.

«До сих пор Сергей был тихим отшельником, плотником, скромным игуменом и воспитателем, святителем. Теперь стоял перед трудным делом: благословения на кровь. Благословил бы на войну, даже национальную, Христос? И кто отправился бы за таким благословением к Франциску? Но... если на трагической земле идёт трагическое дело, он благословит ту сторону, которую считает правой... Как наставник... «Параклет» (защитник и утешитель, одно из имён Третьей ипостаси Святой Троицы - Духа Святого – В.С.) России, он не может оставаться безучастным» (с. 392).

Отметим здесь, что благословение преп. Сергия князь Московский и Великий князь Владимирский Дмитрий получил на войну против агрессора - справедливую, оборонительную, во имя отчизны и веры, а не на захватническую.

И – ещё одна параллель, дополняющая облик преп. Сергия: «За всю, почти восьмидесятилетнюю жизнь его нигде, ни на одном горизонте не видна женщина. Юношей отошёл он от главнейшей «прелести» мира... всё «житие» нигде женщиною не пересечено – даже настоятельницей монастыря соседнего, поклонницею и «женою мирноносицей», как св. Клара в жизненном пути Франциска. В прохладных и суровых лесах Радонежа позабыто само имя женщины... Однако же в его духовной жизни культ Жены существовал. Культ Богоматери, Мадонны – в этом смысле Преподобный Сергей был типическим средневековым человеком в русском облике. Глубокой ночью, ежедневно, в келии, он пел акафист и молился. В закате земной жизни, на призыв стремлений многолетних Непорочная, по житию, сошла к нему» (с.388-399).

И. Ничипоров справедливо говорит в этой связи о поэтике «... меняющихся ракурсов изображения путей и поступков житийных персонажей, композиционном значении ключевых символических эпизодов, формирующих образно-ассоциативные ряды произведений. Проникновенно-лирическое и одновременно обращенное к широкому адресату авторское

слово предстает здесь в многообразии смысловых оттенков и стиливых вариаций, открывая перед древним житийным жанром новые перспективы культурно-исторического бытия».

Имя преподобного Сергия неразрывно связано с новой духовной эпохой, отмеченной почитанием Святой Троицы. Ещё отроком был он весьма осторожен и вдумчив во всём, но в особенности – в том, что касалось отношений с церковью. Как назвать возводимую им церковь? Вспомнив слова встреченного им в поле под дубом божественного посланника – «церковь должна быть во имя Святой Троицы», «Варфоломей принял это». Так дело его жизни, столь уравновешенно-покойное, приняло покровительство Триединства, глубочайше внутренне-уравновешенной идеи христианства. Позднее, придя на Маковец в 1337 г. и срубив здесь церковь во имя Живоначальной Троицы, Радонежский подвижник изменил мировоззрение русского человека. Деревянный храм, посвященный Триединому Богу, стал духовным символом мира и единства, жертвенности и любви.

Это живоначалие Троицы, единство Отца, Сына и Духа Святаго, как представляется одному из крупнейших художников слова и мыслителей века XX Григолу Робакидзе, несколько туманно для восприятия западной культурой.

«...потому что на Западе не знают Отца. Там только Сын – да и тот – отторгнутый, в отрыве. На востоке Гамлет невозможен: отъятый у отца. Здесь и Фауст немислим – ищущий отца. У нас «Сын» сначала же – в лоне «Отца». Это не укладывается в голове Канта». (4)

Но не параллелями едиными и сопоставлениями ограничивается палитра художественных средств, применяемых Б.Зайцевым.

«Путь Сергия в творческой трактовке Зайцева – это не «путь Савла», с неожиданными, мучительными прозрениями, но скорее «непрерывное, недраматическое восхождение» к достигнутому в старости «абсолютной гармоничности и просветленности», - согласимся мы с оценкой И. Ничипорова.

«Вот какие надлежащие представления должно иметь о преподобном Сергии Радонежском! Он есть великий подвижник в сонме наших русских подвижников, но, кроме этого частного, так сказать, достоинства, или кроме этой частной высоты, он имеет еще необыкновенно важное общее значение в истории нашего русского монашества: после преподобного Феодосия Печерского, который был у нас вводителем истинной монашеской жизни в форме общежития, он был у нас восстановителем этой истинной монашеской жизни», подчёркивает в своём капитальном труде Е. Голубинский (5).

Преподобный Сергей Радонежский – один из могучих оплотов православия, главного сердечного и духовного моста между русским и грузинским народами. И мы, православные грузины, всей душой разделяем сказанное игуменом Иоанном (Самойловым) в его статье, посвящённой юбилею преподобного Сергия Радонежского: «Он явил образец святости, показал и научил примером жизни, как нужно исполнять евангельский закон о любви к Богу и людям» (6).

И вот опять уж по зарям
В выси, пустынной и привольной,
Станицы птиц летят к морям,
Чернея цепью треугольной.

Ясна заря, безмолвна степь,
 Закат алеет, разгораясь...
 И тихо в небе эта цепь
 Плывёт, размеренно качаясь.

Какая даль и вышина!
 Глядишь - и бездной голубою
 Небес осенних глубина
 Как будто тает над тобою.

И обнимает эта даль,-
 Душа отдаться ей готова,
 И новых, светлых дум печаль
 Освобождает от земного.

И.А.Бунин

Цитируемая литература:

1. Зайцев Б. Люди Божии//Преподобный Сергей Радонежский. М., 1991. с. 378
<http://mitropolia.spb.ru/news/av/?id=49924>
2. "Исторические портреты" ("Древнерусские жития святых как исторический источник". Василий Ключевский, Москва, 1871).
<http://www.mepar.ru/library/vedomosti/71/1475/>
3. Священник Илия Ничипоров. Преподобный Сергей Радонежский в русской литературе XX века.
4. Робакидзе Григол. «Змеиная рубашка». Тбилиси, 2014. с. 49
<http://www.sedmitza.ru/lib/text/438551/>
5. Голубинский Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М.,1909.
<http://www.mepar.ru/library/vedomosti/71/1485/>
6. Игумен Иоанн (Самойлов) «Земной Ангел и Небесный человек». К 700-летию преподобного Сергия Радонежского.

Библиография с аннотациями ряда литературных произведений о преп. Сергии Радонежском:

1. Любопытнов Юрий Николаевич. Свет над Маковцем : история жизни и духовных подвигов Сергия Радонежского. Ч. 1. Пустырник / Юрий Любопытнов. – Сергиев Посад : РЕМАРКО, 2014. – 240 с.: ил. «Свет над Маковцем» – первая книга трилогии о жизни и духовных подвигах Сергия Радонежского, рассказывает о юных и отроческих годах будущего подвижника и печальника земли Русской вплоть до его пострижения в монахи, прошедшего через многие искушения, через страх, голод и холод, неоднократно находившегося на волоске от смерти.
2. Рыбаков Иван Алексеевич. Подвижник Древней Руси : очерк о жизни и делах преподобного Сергия Радонежского, праведника и чудотворца, которого православная Церковь еще называет избранником и угодником Божиим / Иван Алексеевич Рыбаков. –Сергиев Посад : РЕМАРКО, 2014. – 124 с.: ил. Книга задумана автором как рассказанное и переведённое на доступный для современного читателя язык «Житие Сергия Радонежского». Книгу отличает лёгкий, современный язык с объяснениями древнерусских понятий и выражений, что поможет легко воспринять цитируемые творения древнерусских писателей. Автор считает, что «житие» Сергия имеет значение и для нашего времени с его нравственными и духовно-религиозными уроками,

которые во многом помогают человеку разобраться в жизненном предназначении и вместе с обществом идти вперёд дорогой мира и любви.

3. Борисов Николай Сергеевич. Сергей Радонежский / Николай Борисов. – 3-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 304 с. – (Жизнь замечательных людей). Автор книги, известный историк Николай Сергеевич Борисов, на основании многолетнего и скрупулезного исследования всех сохранившихся источников восстановил подлинную, а не легендарную биографию нашего великого соотечественника.

4. Преподобный Сергей, игумен Радонежский, всея России чудотворец // Русские святые. 1000 лет русской святости : жития собрала монахиня Таисия / Вед. ред. Надежда Николаюк. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – С. 527 – 535. Книга монахини Таисии «Жития русских святых» – истинно подвижнический труд русского человека, оказавшегося на чужбине и посвятившего всю свою жизнь служению Богу. В течение долгих лет все свободное от монастырского послушания и богослужений время собирала монахиня житийные тексты в надежде и вере, что история святых земли Русской станет для православных людей примером терпения, добродетели и красоты.

5. Карпов Алексей Юрьевич. Сергей Радонежский (ум. 1392) // Самые знаменитые святые и чудотворцы России / А. Ю. Карпов, А. А. Юрьев. – М.: Вече, 2002. – С. 167 – 184. – (Самые знаменитые).

6. Крупин Владимир Николаевич. Сергей Радонежский // Русские святые / В. Н. Крупин. – М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2003. – С. 106 – 117. – (Великие русские).

В разделах этих книг рассказывается о преподобном Сергии Радонежском, который освящал своим присутствием все более или менее значимые военные предприятия средневековой России – и отражения набегов казанских и крымских татар, и оборону западных рубежей Русского государства от польских или литовских ратников.

Так было, по крайней мере, в средние века, когда люди гораздо яснее, чем сейчас, осознавали свою связь с Богом, когда ждали чуда и горячо верили в него, а потому чудеса случались так часто.

7. Преподобный Сергей вышел в жизнь, когда татарщина уже надламывалась. Шли два процесса: разложение Орды, крепло молодое русское государство. В Орде несколько соперников, боролись за власть, ханом стал Мамай.

Злые времена татарщины // Родная старина. Отечественная история в рассказах и картинках : с IX по XIV столетие / Сост. В. Д. Сиповский. – М.: Белый город, 2006. – Кн. 1. – С. 218 – 303.

Издание книги дореволюционного автора В. Д. Сиповского «Родная старина» обращает внимание на важнейшие события русской истории. Вместе с тем простота, чистота и живость языка книги делают ее увлекательной и интересной.

8. Большинство русских святых конца XIV – начала XV века были учениками или собеседниками Сергия Радонежского, испытавшими на себе его непосредственное духовное влияние. Именно в XIV и XV веках возникают самые прославленные русские обители.

Бахметева А. Н. Преподобный Сергей и ученики его // Рассказы из русской церковной истории / А. Н. Бахметева. – М.: Современник, 1995. – Ч. 1, гл. 19. – С. 157 – 168. – (История России в рассказах для детей).

Вы найдете здесь и небольшие рассказы об учениках преподобного Сергия – святом Романе Киржачском, Кирилле Белозерском, Павле Обнорском, Афанасии и Феодосии Череповецком.

9. Светлые, благодатные, всегда неожиданные и радостные чудеса издревле совершались у мощей святых, в храмах и кельях, на путях паломнических странствий. В ответ на искреннюю и сердечную молитву люди получали исцеление, чудесное избавление от бед и скорбей.

Артёмов Владислав Владимирович. Чудеса Святых. Из Жития Преподобного Сергия Радонежского // Чудеса в православии и будущей России / В. В. Артёмов. – М.: Вече, 2006. – С.78 – 93. – (Русское Православие). Эта книга освещает чудеса святых, которые кажутся нам невозможными, но ведь в каждом слове есть доля истины.

10. Сергей Радонежский не просто святой, чудотворец, он еще и основатель Троицкого монастыря под Москвой (ныне Троице-Сергиева лавра). Это самый крупный в России православный мужской монастырь. Город, в котором он находится, называется Сергиевым Посадом.

Ионина Надежда Алексеевна. Троице-Сергиева лавра // Православные Святые / Надежда Ионина. – М.: РОССА, 2010. – С. 154 – 169.

11. Свято-Троице-Сергиева Лавра // Монастыри. Русская православная церковь : энцикл. справочник / Сост. А. В. Никольский. – М.: Моск. Патриархии, 2000. – С.10 – 17.

12. Сурмина Ирина Олеговна. Православные храмы и монашеские обители. Москва и Московская область. Свято-Троицкая Сергиева лавра // Святые места России / И. А. Сурмина, Т. В. Титкова. – М.: Дом Славянской книги, 2010. – С. 168 – 174.

Мария Филина

ГРИГОЛ ПЕРАДЗЕ – ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТОЙ В КАТОЛИЧЕСКОМ МИРЕ

В сложном сплетении взаимоотношений различных христианских конфессий, в их диалоге ведущая роль принадлежит отдельным теологам и священнослужителям. В XX столетии одной из самых ярких личностей, волею судьбы оказавшейся на пересечении культур, в разных христианских мирах, стал архимандрит Григол Перадзе. До развала СССР о нем фактически умалчивалось в советских, да и в польских источниках. В 1990-е годы его имя постепенно становится знаковым для грузинской, польской и в целом православной теологии и культуры, интерес к его личности растет постоянно, и ныне святой Григол Перадзе стал явлением, объединяющим различные стороны давних грузино-польских взаимосвязей – теологическую, патрологическую, культурную, историческую и литературную.

Сегодня Институт исследований Восточной Европы Варшавского университета раз в два года проводит Международную Сессию Кавказологии имени святого Григола Перадзе. В увековечении памяти и издании наследия Григола Перадзе следует отметить особую роль настоятеля Варшавской православной церкви отца Хенрика Папроцкого, взявшего на себя огромный труд издания сочинений святого отца Перадзе. Неустанно работает доктор исторических наук, профессор Варшавского университета Давид Колбая, который обнаружил и опубликовал многие рукописи Григола Перадзе и материалы о нем, издает научный журнал “Pro Georgia”, в котором были опубликованы многочисленные работы о выдающемся теологе. 2-4 декабря 2014 года, одновременно с нашим форумом «Православие и современность» в Варшавском университете состоялась очередная Международная Сессия Кавказологии имени святого Григола Перадзе, организованная Центром по изучения Восточной Европы при Варшавском университете. В этом году она была посвящена поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». В сессии принял участие президент Грузии Георгий Маргвелашвили. На открытии сессии Президент Грузии, доктор философии Георгий Маргвелашвили обратился к присутствующим с речью и отметил значение и глубину грузино-польских взаимосвязей, выразил благодарность полякам за помощь Грузии на разных исторических этапах: «У меня вызывает глубокое уважение все, что сделала Польша для Грузии...», – сказал Президент Грузии и особо отметил значение личности Григола Перадзе для Грузии, Польши и всего человечества [Reportiori.ge. pres-klubi. 05 dekemberi 2014].

За последние годы о Григоле Перадзе написаны десятки исследований, в Варшаве вышли в свет его сочинения, о нем сняты фильмы, личность святого стала символом связи различных культур. В краткой статье невозможно коснуться всех сторон деятельности необыкновенно многогранного ученого, философа и служителя грузинской церкви архимандрита Гр.Перадзе. Отметим две ипостаси: редкостную способность видеть мир единым в многоголосье его языков и культур и стремление вписать грузинскую культуру и литературу в мировой процесс развития культуры.

Юноша из Кахетии, сын священника, он рано потерял отца, семья нуждалась, но тяга к знаниям у братьев Перадзе была необыкновенной. Уже семинаристом духовной семинарии в Тбилиси (поступил в 1913 году) Григол Перадзе, занявшийся историей раннего христианства в Грузии, обратил на себя внимание ректора, выдающегося ученого в области древнегрузинской литературы Корнелия Самсонидзе-Кекелидзе. Именно благодаря его рекомендации молодой ученый был направлен в Европу на дальнейшую учебу и для теологических исследований. Блестяще окончив семинарию, Григол Перадзе получил право на поступление в духовные академии России. Но в 1918 году все планы были нарушены, он был призван в армию и три года служил молодому независимому государству. С приходом большевиков Григол Перадзе скрывался, но тем не менее в 1921 году поступил в Тбилисский государственный университет.

В том же 1921 году на Всегрузинском церковном собрании в Гелати, на котором избирали Патриарха Грузии, вторым вопросом рассматривалось направление молодого ученого Григола Перадзе за границу. Как утверждает племянник Г.Перадзе Романоз Перадзе, он стал первым грузином, представлявшим в Европе Грузинскую Православную Церковь, причем тогда он не имел духовного сана. С рекомендательным письмом вновь избранного Патриарха Амбросия Г.Перадзе выехал в Берлин.

Молодого ученого опекал доктор Иоханнес Лепсиус, основатель «Ориент Миссион», задачей этой организации, помимо иных, была помощь христианам на Востоке. К 1925 году, когда Григол Перадзе получил степень магистра богословия, он блестяще изучил несколько восточных языков, в том числе арабский, греческий и древнееврейский. Европейские языки ученый освоил на таком уровне, что в дальнейшем писал свои труды на десяти языках. Через год Г.Перадзе уже защитил докторскую диссертацию, посвященную истории грузинского монашества до XI столетия. Она принесла ему известность среди европейских теологов. Таким образом, православный философ вошел в круг не только православной, но католической и протестантской научной элиты. Знаменательно, что Григол Перадзе участвовал в экуменическом движении в период его зарождения в конце 1920-х годов. Он посещал лекции в Католическом университете в Лувене, а позже стал работать в Англии, читал лекции в Оксфорде. Необыкновенная глубина знаний сочеталась у грузинского ученого с поистине беспримерной широтой взглядов. Он одновременно продолжал учиться, в основном изучал языки и древнехристианские рукописи, и преподавал, а также выступал на самых солидных конференциях, став признанным авторитетом по раннему христианству на Ближнем Востоке.

Участвуя в научном диалоге различных христианских конфессий, Григол Перадзе самоотверженно служил православию. Главным его деянием того периода стало основание

церкви святой Нино в Париже – центре расселения грузинских эмигрантов. По неизвестным до конца причинам Григол Перадзе отказался стать настоятелем прихода, возможно, он еще не решил, посвятить ли себя полностью науке или служению церкви.

Дальнейшая его жизнь связана с одним из самых католических государств Европы – Польшей, которая незадолго до этого, после более вековой зависимости от трех разделивших ее между собой стран, обрела независимость.

Здесь следует отметить, что в весьма широкой литературе о святом, не так уж много русскоязычных источников. В основном исследованием его жизни и наследия занимаются грузинские и польские теологи, философы и историки. Поэтому важно, даже, быть может, повторяясь, знакомить русскоязычного читателя с деяниями православного святого XX столетия. Среди материалов, написанных на русском, выделяется, в частности, работа поэтессы и филолога Инны Кулишовой, включающая в себя и два подробных интервью – с племянником Г. Перадзе Романозом и настоятелем православной церкви в Варшаве отцом Хенриком Папроцким, которому наука обязана обнаружением значительной части архива Григола Перадзе, фундаментальными трудами о нем и изданием большей части философского наследия. Статья опубликована в журнале «Новая Польша», выходящем в Варшаве на русском языке.

В частности, в своем интервью Романоз Перадзе рассказал о важном жизненном решении Григола: «Во время тяжелой болезни на Рождество 1930 года, на пороге смерти, Григолу было видение, которое помогло сделать выбор. Но именно тогда неожиданно перед ним открылась возможность вернуться в СССР. Академик Н.Я. Марр предложил ему место своего ассистента в Ленинградском университете. Но решение было принято. 18 апреля 1931 г. в возрасте 32 лет Григол Перадзе принял монашеские обеты в греческом кафедральном соборе св. Софии в Лондоне. Днем позже был рукоположен в иеродиакона, а 25 мая того же года в греческом кафедральном соборе Святого Стефана в Париже – во иерея. Он был назначен настоятелем прихода св. Нино в Париже, где 31 мая 1931 г. торжественно отслужил свою первую литургию. Ради прихода он отказался от чтения лекций в Боннском университете и только изредка давал лекции в Оксфорде и Париже.

С этого времени и до своей смерти исполнял он священнические обязанности, впоследствии – в Польше, в нижней церкви собора св. Марии Магдалины в Варшаве. 8 мая 1934 г. польский митрополит Дионисий наградил его митрой. Скорее всего, отец Григол занял бы, как планировал митрополит Дионисий, почетное место среди иерархии Православной Церкви в Польше... [Цит. по Кулишова И. «Новая Польша» 2010].

Таким образом Григол Перадзе стал православным деятелем в католическом государстве и, что весьма знаменательно, был тепло принят элитой польской интеллигенции. Уже вскоре ему предложили кафедру в Варшавском университете.

Отец Генрих Папроцкий отмечает: «В Варшавском университете было три богословских факультета: католическое, православное, протестантское богословие. На мой взгляд, не потому что я православный, православный факультет находился вполне на европейском уровне. Здесь лекции читал не только Перадзе, но и Арсеньев, знаменитый специалист, русский эмигрант, который одновременно был профессором университета в Кенигсберге. Он одну неделю был в Кенигсберге, одну – в Варшаве. Васдекас – знаменитый

греческий священнослужитель, специалист по догматическому богословию, Глубоковский, Биднов, Зызыкин... Сам митрополит Дионисий был специалистом по христианской археологии. Так что, можно сказать, Перадзе попал в очень хорошую среду ученых, спокойно занимался своей специальностью. Его бывшие студенты говорили о его колоссальном знании христианской литературы. Он ее цитировал на разных языках, причем синхронно переводил на польский. И кроме того, после каждого своего научного путешествия он встречался со студентами и рассказывал, показывал свои приобретения – старинные манускрипты, иконы и так далее. Профессора отдалялись от студентов, а он наоборот. Особенно трогательно вспоминал его в нашем фильме ныне покойный о. Виталий Боровой из Москвы, тоже его ученик, окончивший богословский университет Варшавского университета, он был старостой курса, непосредственно контактировал с ним, принимал участие в подготовке встреч Перадзе со студентами. У святого Григола был только паспорт Республики Грузия, паспорт на самом деле уже не существовавшего государства. Он перемещался по Европе с этим паспортом – настолько сильно был связан с Грузией» [Цит. по Кулишова И. «Новая Польша» 2010].

В 1920-1930-е годы в Польше маршалом Юзефом Пилсудским были приняты на службу на контрактной основе грузинские офицеры, бежавшие от советской власти. По официальным данным их число установлено – 108 генералов и офицеров. Хотя грузинская диаспора была не очень многочисленной, грузинские офицеры и грузины, работавшие на гражданской службе, проявили себя очень ярко во всех областях науки и культуры. Ежегодные грузинские балы собирали самых известных представителей варшавской интеллигенции, проводились литературные и музыкальные вечера. Грузинская общественность составляла основную часть прихода, в котором служил отец Григол. Он не только принимал деятельное участие во многих начинаниях, но был самой выдающейся личностью грузинской диаспоры.

Отец Григол исполнял свою высокую миссию – ознакомление европейцев, в частности, поляков, с грузинской культурой. Велики заслуги Гр.Перадзе и в литературоведении, он тонко анализировал древнегрузинские литературные источники в первую очередь в богословском ракурсе. отметим одну его работу. В 1937 году отмечали 750-летие создания поэмы Руставели «Вепхисткаосани». Напомним, что в Грузии юбилей праздновали широко, но сам год впечатался в общественное сознание как страшный пик сталинских репрессий. Из списка приглашенных постепенно вычеркивали имена тех, кто стал «врагом народа». Списки редели. Так что на празднование, которое состоялось осенью, пала зловещая тень исчезнувших навсегда литераторов. Борис Пастернак, к примеру, отказался участвовать в юбилее, уже зная о судьбе Паоло Яшвили и аресте Тициана Табидзе. Своим неприездом в любимый край он выразил сильное сопротивление черным силам уничтожения.

Параллельно юбилей отмечали в центрах грузинской эмиграции. В Варшаве, как было сказано, проживало не так много грузин, но вместе с семьями они составляли яркую диаспору и играли значительную роль в культурной жизни Польши, были на виду. И поведали Европе о шедевре родной поэзии тогда, когда их связи с Грузией фактически оказались полностью оборванными. В 1937 году в Варшаве был выпущен сборник «Шота Руставели», он содержит три статьи и два отрывка переводов [Сб. «Шота Руставели» 1937].

В сборнике помещены портреты поэта и царицы Тамар. Среди авторов – три польских грузина. Статья преподавателя грузинского языка Варшавского университета Георгия (Ежи) Накашидзе «Шота Руставели» носит обзорный характер и посвящена значению поэмы в жизни Грузии. Уделено внимание и частностям, особенно подробно повествуется о любви и любовной линии в произведении. Вторая статья, подписанная Д.Ш., обращена к истории Грузии – «Грузия XII Столетия». Третья работа принадлежит перу профессора Варшавского университета Григола Перадзе. Эта статья, безусловно, имеет принципиальное значение как для польско-грузинских литературных контактов, так и для ознакомления читателя с «Вепхисткаосани», она является оригинальной для всей руствелологии.

В сборнике представлен перевод письма Нестан-Дареджан (отметим, что с самых ранних попыток перевода этот отрывок был наиболее популярным), выполненный Софьей Вольникувной. Это 11 строф, в которых соблюдена рифмовка а-а-а-а оригинала.

И, наконец, в сборнике помещен перевод Юлиана Тувима – 10 строф Вступления к поэме. Это тема отдельного исследования, некоторые ученые считали временем обращения Тувима к Руставели послевоенный период, когда он познакомился с грузинскими поэтами, и не учитывали данного сборника. Столь раннее обращение Тувима к Руставели, появление перевода уже в 1937 году, то есть в год юбилея, к которому были изданы многие русские переводы (и которых Тувим не мог знать, работая фактически одновременно, скажем с Н.Заболоцким), вызывает удивление. Его работа, а также появление всего сборника, где под одной обложкой встретились грузинские ученые и ведущий польский поэт, свидетельствует о том, что интерес к грузинской литературе не исчезал даже в самые политически напряженные периоды, когда личные контакты были невозможны, а также о том, что в католической среде проявлялся интерес к высшим духовным ценностям далекой православной страны.

Деятельность архимандрита, как и деятельность миллионов людей, был прервана второй мировой войной. Поскольку Григол Перадзе не имел польского гражданства, фашисты предложили ему свободно покинуть оккупированную Польшу. Но священник остался со своей паствой в стране, которая стала для него второй родиной, тепло приняла его и признала своим ученым, профессором ведущего университета. Отметим здесь, что многие грузинские офицеры – паства Григола Перадзе – стали героями в годы войны, участвовали в обороне Варшавы, в Варшавском восстании 1944 года, на разных фронтах, погибли в Катynie. Многие из них награждены высшими военными наградами Польши.

Деяния Григола Перадзе в военный период носит героический характер. Служа в церкви, он, по-видимому, как миллионы поляков, вел и подпольную жизнь. Имеются сведения о том, что он спасал евреев, за что на территории Польши грозила смертная казнь. Подробности донныне неизвестны, однако по крупицам собраны многие факты. Отец Хенрик Папроцкий говорит: «Надо принять во внимание, что во время Варшавского восстания в 1944 году город был почти целиком разрушен. Но часть на правой стороне Вислы сохранилась довольно в хорошем состоянии, и там, к счастью, находится наша православная Митрополия. В Митрополии я нашел в архиве его завещание и документы, которые были составлены работниками после ареста. Там есть свидетельство обыска и ареста от дворника Червинского, поляка. Немцы его взяли в понятия, и он потом рассказал очень детально, как они вошли в квартиру и сразу пошли к шкафу искать деньги. У него за книгами в шкафу была огромная

сумма, доллары и фунты. В Армии Крайовой очень важную роль сыграли казначеи, где-то надо было держать эти деньги, дело опасное, потому что нельзя было иметь других денег, кроме официальных немецких, считалось страшным преступлением, за что полагался концлагерь и расстрел. У Григола Перадзе была огромная сумма... Ясно, что никак не могло у него самого быть таких денег, это невозможно. Все свои средства он тратил на путешествия, на покупку ценностей. Откуда такие деньги у священника? Он и был казначеем. Деньги предназначались немцам в качестве взятки, и они делали вид, что не замечали, как еврей уходит из гетто. Организация «Жегота», входившая в состав Армии Крайовой, наладила контакты с определенными немцами, которые были готовы брать доллары и фунты. Им говорили: во время вашего дежурства будет переходить на «арийскую» сторону один еврей, он говорил: хорошо, – и не «видел» его» [Цит. по Кулишова И. «Новая Польша» 2010].

На такое решались очень немногие. История ареста Григола Перадзе и его гибель таит в себе много тайн. Он был арестован гестапо в мае 1942 года и сегодня известно, что взяли его по доносу соотечественника, который перешел на сторону фашистов. Несколько месяцев архимандрит провел в самой страшной фашистской тюрьме Павляк в Варшаве, а 18 ноября заключенного Перадзе перевезли в Освенцим. Существует несколько версий его гибели. Одна из самых принятых – та, что он пошел в газовую камеру за другого заключенного. Возможно, это произошло косвенным путем, то есть он не прямо вызвался идти на смерть за другого, а взял на себя коллективную вину. Отец Хенрик рассказывал, что в 1945 году в Варшавскую Митрополию пришли два поляка, освобожденные из Освенцима. Но ситуация в церкви сразу после войны была весьма сложной. Советские власти отстранили главу Церкви митрополита Дионисия и поставили своего митрополита. Царил страх, людей вывозили в советские лагеря. «Эти два человека сказали, что все должны знать и они готовы подтвердить, что Григол Перадзе в этом концлагере взял на себя вину команды, что он воровал хлеб, которого на самом деле не брал. И за это немцы его убили. Вот только одна достоверная история. Всё остальное – уже мифологическая литература, которая обычно появляется впоследствии, и это нормально при такой необыкновенной смерти. К сожалению, работники Митрополии, те, которые там были в 45 м, не взяли даже адреса тех людей. Страх не до конца оправдывает их – хотя бы адреса их взяли».

Сегодня уже трудно осуждать этих людей, остается факт – Григол Перадзе оказался в одном из самых страшных лагерей мира как рядовой заключенный (хотя фашисты собирали сведения о поступавших и, естественно, знали о том, что заключенный является ученым с мировым именем) и принял мученическую смерть.

Тот факт, что православный священник, а ныне святой был признан своим в католической профессорской и литературной среде, говорит об открытости поляков к истинным духовным ценностям. Об этом ярко свидетельствует почитание Григола Перадзе в современной Польше. Здесь следует сказать, что в кинематографе к личности грузинского великомученика обратился глубокий католик, режиссер Ежи Любах (в 1995 году совместно с режиссером Тамар Дуларидзе снявший фильм «В поисках белого ангела»). Мне от имени незадолго до этого основанного Культурно-просветительского союза поляков Грузии «Полония» довелось организовать первую презентацию фильма в тбилисском Доме Кино.

Ежи Любах рассказывал мне, как сложно протекал процесс съемок. Еще многие документы, известные сегодня, не были обнаружены. В архивах КГБ, хотя СССР уже не существовало, неохотно допускали к вывезенным из Польши материалам. Денег на съемку было нереально мало, камеру одалживали у друзей. В период съемок Григол Перадзе был канонизирован Грузинской Православной церковью. Так что начинали фильм о героической, но известной лишь в узких кругах личности, а завершали съемки о житии святого. Добавим, что даже в те годы, когда в широкой прессе нельзя было писать о деяниях грузинских офицеров и подвиге Григола Перадзе, его имя было высечено на памятной доске во дворе Варшавского университета, он навсегда вошел в историю как профессор, погибший в годы войны в борьбе с фашизмом.

Грузинский священник, отдавший всю жизнь служению православию, проявил беспредельную жертвенность во имя жизни людей вне национальных и вероисповедальных различий. Его житие – исполнение миссии и высокого назначения личности в общечеловеческом масштабе.

Цитируемая литература:

1. Шота Руставели. Юбилейный сборник. Варшава, 1937. – 16 стр.
2. Кулишова И. Два отечества святого Григола Перадзе. Журнал «Новая Польша» 2010, № 12.
3. prezidentma poloneTSi wm. grigol feraZis saxelobis me-12 saerTaSoriso kavkasiuri sesia gaxsna. Reportiori.ge. pres-klubi. 05 dekemberi 2014.

Источники:

1. Ирина Кархут. Архимандрит Григорий Романович Перадзе. Интернет-Википедия
2. grigol feraZe. Tavisufali qarTulenovani enciklopedia vikipediidan.
3. Ks. M. Lenczewski. Książd prof. dr archimandryta Grzegorz Peradze. „Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego”. s. 61.
4. A. Matreńczyk: Przez ciernie i krzyż. www.przeglądprawoslawny.pl. [dostęp 2010-07-05].
5. ks. H. Paprocki: Historia przygotowań do kanonizacji ojca Grzegorza Peradze. liturgia.cerkiew.pl. [dostęp 2010-07-05].
6. Jerzy Lubach, Sprawa o. Grzegorza Peradze, "Karta" (1994), z. 14, s. 150-152. Polemika: [Nazwisko znane red.], "Karta" 1995, z. 15, s. 152-153. Replika.: Jerzy Lubach, "Karta" (1996), z. 18, s. 147-149
7. Sprawozdanie z sesji ku czci ks. archimandryty Grzegorza Peradze (1899-1942), przedwojennego profesora Uniwersytetu Warszawskiego, ofiary Oświęcimia, świętego Kościoła Gruzińskiego, "Pro Georgia" 9/10 (2002/2003), s. 195-198.
8. M. Lenczewski, Książd prof. dr archimandryta Grzegorz Peradze, „Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego”, 4(1974), z. 2, s. 61-67.
9. Henryk Paprocki, Ks. archimandryta dr Grzegorz Peradze (1899-1942), „Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego”, 16(1986), z. 3-4, s. 7-20.
10. Henryk Paprocki, Niektóre okoliczności aresztowania i pobytu w więzieniu na Pawiaku ks. Archimandryty Grzegorza Peradze, „Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego”, 17(1987), z. 2-3, 68-72.
11. Henryk Paprocki, , Archimandryta Peradze, „Tygodnik Podlaski”, 4(1988), z. 1(34) z 15.01.1988, s. 6 = Archimandryta Peradze, „Życie Chrześcijańskie w Polsce”, 21(1988), z. 9(250), s. 16-20.
12. Henryk Paprocki, Archimandryta Grzegorz Peradze jako badacz starożytnego chrześcijaństwa gruzińskiego, „Vox Patrum”, 8(1988), z. 15, s. 983-1001.
13. Henryk Paprocki, Kanonizacja ojca archimandryty Grzegorza Peradze, „Przegląd Prawosławnny”, 10(1995), z. 11(125), s. 2.
14. Henryk Paprocki, Święty Grzegorz Peradze (1899-1942), „Arche. Wiadomości Bractwa”, 8(1998), z. 1, s. 4-5.

15. Henryk Paprocki, *Życie i dzieło św. Grzegorza Peradze*, „Pro Georgia. Journal of Kartvelological Studies”, 9(2002-2003), z. 9-10, s. 7-17.
16. Henryk Paprocki, *Żywot świętego męczennika Grzegorza Archimandryty i nabożeństwa do niego*, „Pro Georgia. Journal of Kartvelological Studies”, 14 (2006), s. 5-51.
17. Henryk Paprocki, *Historia przygotowań do kanonizacji ojca Grzegorza Peradze*, „Pro Georgia. Journal of Kartvelological Studies”, 15 (2007), s. 139-143.
18. *Ojciec Grzegorz świętym Kościoła gruzińskiego*, „Pro Georgia”, 5(1996), 87-88.
Jarosław Charkiewicz, *Męczennicy XX wieku. Martyrologia Prawosławia w Polsce w biografich świętych*, Warszawa, 2004, s. 83-101.
19. J. Charkiewicz: *Męczennicy XX wieku. Martyrologia Prawosławia w Polsce w biografich świętych*. Warszawa: Warszawska Metropolia Prawosławna, 2008. ISBN 978-83-60311-11-0.
20. Jarosław Charkiewicz, *Gruzińscy święci*, Białystok, 2005, s. 166-178.
21. qarTvelebi ucxoeTSi. biografia da moRvaweoba. grigol feraZe (veb-gverdi).
22. TaTia navrozaSvili. wmida mRvdelmowame grigol feraZe. „ambioni”. sazogadoebriv-religiuri internetJurnali.

ОБ АВТОРАХ

БАГРАТИОН-МУХРАНЕЛИ Ирина Леонидовна

Училась в Тбилисском государственном университете. Окончила МГУ им. Ломоносова. Доктор филологических наук. Доцент Московского Психолого-Педагогического университета. Член Союза журналистов России, Союза Театральных деятелей, Международной Ассоциации искусствоведов (AIS), Мандельштамовского общества, правления Союза Грузин в России. Преподает историю всемирной литературы в Свято-Тихоновском Православном Гуманитарном Университете на миссионерском и филологическом факультетах, историю грузинской литературы - на факультете восточного христианства. Читает различные курсы лекций в Институте практического Востоковедения и Институте Стран Азии и Африки МГУ им. Ломоносова. Автор статей по вопросам театра, литературы, кино, богословским и историческим проблемам. Автор книг «Введение в поэтический замысел. Жизнь и творческая биография А.С. Пушкина» в 2-х томах, «Грузинский след в комедии Грибоедова "Горе от ума"», «Другая жизнь и берег дальний. Репрезентация Грузии и Кавказа в русской классической литературе». Награждена медалью Св. Патриарха Тихона I степени.

БАРТФЕЛЬД Борис Нухимович

Окончил с отличием Калининградский (бывший Кенигсбергский) университет по специализации «Теоретическая физика». Занимался математическим моделированием и исследованием сложных технических систем и природных процессов. Ведет культурологические проекты «Альбертина» (история Кенигсбергского университета) и «Дом Сказочника» (жизнь и творчество Э.Т.А. Гофмана). Президент Кантовского общества в Калининграде. Член правления Калининградского отделения Российского Фонда культуры. Член Союза российских писателей. Председатель Калининградской областной писательской организации. Член русского ПЕН Клуба. Регулярно публикуется в СМИ, литературных журналах и альманахах. Автор шести книг. Стихи переводились на литовский, польский, немецкий и латышский языки. Лауреат премии Калининградской области «Сопричастность». Лауреат премии города Калининграда «Вдохновение» за лучшую художественную книгу 2012 года (книга стихов «Пределы»). В 2014 году указом президента Литвы награжден орденом за заслуги перед Литовской республикой.

БЕЗИРГАНОВА Инна Анатольевна

Окончила филологический факультет Тбилисского государственного университета имени Ив. Джавахишвили. Доктор филологии. Заведующая музеем Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А.С. Грибоедова. Корреспондент ряда грузинских и российских изданий. Автор нескольких сотен статей по вопросам театра, книги «Она была звездой. Наталья Бурмистрова». Лауреат профессиональной премии театральных критиков «Хрустальное перо. Русский театр за рубежом» Союза театральных деятелей России.

ВЫЧУГЖАНИН Александр Леонидович

Окончил Тюменский инженерно-строительный институт, Тюменский государственный университет (правоведение). Кандидат экономических наук, доктор исторических наук. Работал в строительных организациях, на руководящих должностях в коммерческих банках. Автор и руководитель культурно-исторического проекта «Тюмень. Сквозь глубину веков...». Член редакционного совета альманаха «Тобольск и вся Сибирь». Автор нескольких книг и более ста восьмидесяти публикаций в газетах и журналах. Статьи переведены на шведский и польский языки. Один из авторов русско-шведского сборника, посвященного 300-летию Полтавской битвы. Член Совета Тюменского отделения Российского исторического общества. Книга «Портреты городов Тобольской губернии и ее обитателей» (в соавторстве) награждена золотым дипломом XIV Международного фестиваля «Зодчество 2006». Лауреат премии им. А.А. Дунина-Горкавича. Владелец звания «Социальная звезда» в номинации «Золотой фонд города» Благотворительного фонда развития города Тюмени. Победитель межрегионального XIV фестиваля «Православие и СМИ». В 2014 г. издана новая книга – «Церковь, деньги, кредит».

ГОЦИРИДЗЕ Давид Зурабович

Окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. Доктор филологических наук. Работал руководителем департамента русистики ТГУ, заведующим кафедрой общего и прикладного языкознания Батумского государственного университета им. Шота Руставели. Профессор ТГУ. Почетный профессор СПбГУ. Член Нью-Йоркской академии наук. Президент Ассоциации «Многоязычная Грузия». Член Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Генеральный секретарь Ассоциации преподавателей русского языка Грузии. Автор более ста научных работ, в т.ч. семи монографий. Директор Института русистики и славистики. Член правления Общества истории языкознания им. Георгия Ахвледиани. Президент Международного общества прикладной психолингвистики (ISAPL). Действительный член Академии образования. Член Санкт-Петербургского лингвистического общества.

ЖУЖУНАШВИЛИ Георгий Демурович

Окончил исторический факультет и аспирантуру Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. Кандидат исторических наук. Ассоциированный профессор ТГУ. Работал преподавателем на кафедре истории Ахалцихского филиала ТГУ, младшим научным сотрудником лаборатории по изучению грузино-русских отношений им. М.А. Полиевктова при кафедре истории России ТГУ, доцентом на кафедре истории России ТГУ, начальником по управлению ресурсами Гуманитарного факультета ТГУ. Участник многих международных научных конференций. Автор нескольких десятков статей, монографии, научно-популярного очерка. Редактор ряда научных сборников.

ЛЕПАХИН Валерий Владимирович

Окончил факультет иностранных языков Владимирского педагогического университета, филологический факультет Будапештского университета, Свято-Сергиевский православный

богословский институт в Париже. С 1977 года живет в Венгрии. Преподает русскую литературу, историю византийской и русской иконописи. Опубликовал восемнадцать книг и более трехсот статей на английском, болгарском, венгерском, русском, сербском, украинском, французском, хорватском языках. Основная тема трудов автора – взаимное влияние словесности и иконописи. Доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Сегедского университета. Член СП России.

МЕГРЕЛИШВИЛИ Татьяна Григорьевна

Доктор филологических наук (Dr. hab.), профессор направления «Русский язык и литература» ГТУ (Тбилиси), действительный член академии МТА (Санкт-Петербург), президент неправительственной ассоциации «Litera», персональный член GCLA (Georgian Comparative Literature Association), соучредитель ассоциации «CCU» (Cross-cultural Universe), член МАПРЯЛ, ICLA (International Comparative Literature Association), FIPLV (International Federation of Language Teacher Associations), эксперт Министерства образования и науки Грузии в сфере русистики, постоянный член редколлегии международного научного журнала «Scripta manent». Автор более 140 научных работ (из них 4 монографии, 5 учебников), изданных в Англии, Азербайджане, Болгарии, Германии, Греции, Грузии, Испании, Канаде, Латвии, Польше, России, Турции, Франции, Эстонии.

НИКИТИН Валентин Арсентьевич

Окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета. Действительный член РАЕН. Один из ведущих сотрудников Отдела религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви. Главный редактор православного радио «Логос». Профессор, действительный член Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка РФ. Доктор философии, профессор Всемирного Распределенного Университета (Брюссель). Вице-президент Экологического Интернационала Зеленого Креста и Зеленого Полумесяца, главный редактор газеты «Эко-Интер». Член редколлегии Патриаршего издательства «Крутицкое подворье». Вице-президент Общества русско-грузинской дружбы «Дзалиса». Сопредседатель регионального Движения в защиту семьи «Медиана». Член Исполнительного комитета «Союза православных граждан России». Член редколлегий журналов «Вестник русского христианского движения», «Наука и религия». Автор более двухсот статей, книг «Малая Церковь. Настольная книга прихожанина», «Основы православной культуры. Учебное пособие по культурологии и религиоведению для студентов высших учебных заведений». Награжден двумя медалями преподобного Сергия Радонежского, орденом святого благоверного князя Даниила Московского, орденом Петра Великого I степени, медалью святителя Иннокентия, Митрополита Московского и Коломенского и др. Удостоен почетного звания и знака «Рыцарь науки и искусств» (высшая награда РАЕН).

САРИШВИЛИ Владимир Карлович

Окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. Кандидат филологических наук. Автор ряда поэтических сборников,

антологии «Грузинская поэзия в русских переводах XIX-XX в.». Член Союза писателей Грузии. Член Федерации журналистов Грузии. Лауреат Всесоюзного конкурса литературных произведений на шахматную тему. Лауреат Республиканского конкурса на лучшую рецензию на эссе Джорджа Сороса «Опасность капитализма». Обладатель международного сертификата журналистов FOJO (Швеция) Лауреат Пушкинского конкурса педагогов-русистов СНГ (Москва, 2003). Лауреат Международного конкурса Фонда Бориса Ельцина в номинации «Мэтр» (2008). Лауреат литературной премии имени Юрия Долгорукого. Лауреат литературной премии им. Иванэ Мачабели. Руководитель отдела по международным связям Союза писателей Грузии. Президент Ассоциации русскоязычных литераторов и деятелей культуры Грузии «Новый современник».

ФИЛИНА Мария Анатольевна

Доктор филологических наук. Профессор Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. Основатель и президент культурно-просветительского союза поляков Грузии «Полония». Автор более 150 научных трудов и эссе по русской литературе, русско-грузинским взаимосвязям, польской литературе и польско-грузинским культурным контактам. Составитель многих сборников польской поэзии. Редактор научных изданий. Автор ряда литературных сценариев, очерков и эссе. Награждена Кавалерским Орденом «Заслуги перед Республикой Польша», орденом Чести Грузии, Золотым Кубком Сената Польши, Медалью А.С. Пушкина. Руководитель программ по славянским литературам в ТГУ. Организатор многих научных конференций и встреч по русской литературе, польской литературе и литературным взаимосвязям.